

16+

Микишин Фёдор
История несостоявшегося
диссидента

Фёдор Васильевич Микишин

История несостоявшегося диссидента

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67059075

SelfPub; 2022

Аннотация

Автор, словами своего героя, рассказывает свою автобиографию, в которой описывает непростую жизнь обычного подростка в послевоенное время, о преследовании инакомыслящих в СССР, о военной службе и обучении в военном училище. Раскрывается, не очень приятная для КГБ, правда в отношении их, не всегда законных, методах работы. Оценка состояния дел в России и Узбекистане, после распада СССР. Об исходе немцев из республик бывшего СССР на историческую родину.

Фёдор Микишин

История несостоявшегося диссидента

Напоминание: – фамилии многих персонажей изменены
Пролог.

Город Бишофсхайм в Западной Германии, земля Гессен, год 2021. Русская православная церковь. В церковь входит пожилой, можно даже сказать, старый человек лет 70-ти. Он грузен, среднего роста, хромает и опирается на трость. Крестится на иконы, прикрывает глаза и некоторое время стоит молча. Ставит свечку у иконы Христа и зажигает её. Перекрестившись, отходит. Настоятель церкви, собирается уже уходить к себе, чтобы переодеться и отправиться домой, но его взгляд ловит глаза пришедшего. Они смотрят просительно. В церкви уже никого нет. Настоятель спрашивает – я могу Вам чем-то помочь? Мужчина отвечает чисто по-русски, без акцента – вы не могли бы меня исповедовать? А не могли бы вы прийти, скажем, завтра? Я собираюсь уже уходить. Простите меня, но я приехал издалека, и мне не так просто было решиться на эту процедуру. Я никогда в жизни ещё не исповедовался, хотя церковь изредка посещаю. Боюсь, что позже я передумаю и вообще не решусь на этот шаг. Настоятель хотел было отказать, но потом решительно

подошёл к старику и сказал – пройдётесь в исповедальню. Однако старик возразил – я не хочу обряда. Если можно, давайте я просто расскажу вам о себе, а вы мне посоветуете, как мне поступить? Хорошо – согласился настоятель. Тогда я попрошу вас пройти в мой кабинет. Они прошли за алтарь, где располагалась небольшая комната, где священник переодевался и готовился к проповедям. В комнате стояли: шкаф, стол с тремя стульями, сейф, ещё кое-какая мебель. В небольшом книжном шкафу стояли книги религиозного содержания, папки с бумагами входящих и исходящих документов, письма из различных амтов (предприятий социально-бытовых и жилищных комиссий). Священник указал старику на стул и уселся сам, напротив посетителя. Ну что же, рассказывайте! Старик немного повертелся на стуле, усаживаясь удобнее, поставил трость к стене, положив сомкнутые ладони на край стола, начал рассказ.

Меня зовут Фёдор Васильевич Микишин, мне 70 лет, я русский, крещён в православную веру в городе Ташкенте, в кафедральном соборе на Госпитальной улице.

Говорить о себе не очень просто, но я попробую. Я родился в Ташкенте, третьим ребёнком в семье. Как говорили, мать не хотела меня рожать. У неё уже были две дочери, и она не хотела иметь третью. В этом деле большую роль сыграла наша соседка, бездетная тётя Нюра, так я называл её всю жизнь. Она предложила матери рожать и, если ребёнок окажется девочкой, заберёт себе, а если мальчик, то на ра-

дость родителям. Позднее она стала моей крёстной матерью и относилась ко мне, как родная. Отец не пришёл забирать меня из роддома, напился от радости. Встречали тётя Нюра со своим мужем дядей Сашей. Фамилия у них была своеобразная – Болгарины. Итак, немного о родителях.

Отец- Василий Иванович ,1916 -1994. Он был самым младшим в своей семье. Его старшие братья, были старше его на 15-20 лет. Из-за этого мои племянники, по возрасту. Рассказывают, что жена деда, после рождения четвёртого ребёнка, не могла родить и дед возил её по докторам, вплоть до Англии и Америки, где её всё же вылечили и она родила ещё двоих детей: Татьяну и моего отца. Я, после смерти своего отца, жестоко укорял себя, что практически ничего не знаю о его жизни, о жизни своего деда и бабушки. Отец часто, будучи подвыпивши, начинал мне рассказывать о своих подвигах на войне, о разных случаях из мирной жизни, но я обычно пропускал всё это мимо ушей и в моей памяти сохранилось мало воспоминаний о нём. Отец всю свою жизнь проработал шофёром. Уже с трёх лет я, сидя у него на коленях, крутил баранку автомобиля. В те далёкие времена машин на улицах и дорогах было так мало, что это занятие носило безобидный характер. Отец возил крупных начальников. А, где-то в конце 60-х годов, начал работать на такси. Перед пенсией, в конце 70-х, он дорабатывал на междугороднем автобусе Ангрэн-Ташкент. Отец был крепкий здоровьем. Я не помню, чтобы он когда-либо болел. Он и умер

сразу, без предварительной болезни. Я так и думал, что отец вечен и никогда не задумывался о том, что я останусь без него. Его смерть подкосила меня своей неожиданностью.

Он был очень добр и многие люди пользовались этой его чертой характера в ущерб нашей семье. Все были ему должны деньги, но никогда не отдавали. А он не мог отказать никому. Так же он брался помогать всякому, кто ни попросит о чём-либо. В связи с прежней своей работой, когда он работал персональным шофером у разных руководителей, у него остались нужные знакомства, которыми он пользовался, но только не для себя. Устраивал кого-то на выгодную работу, чьих-то детей в институт, выручал от наказаний проштрафившихся, доставал путёвки в санаторий и т.д и т.п.

Меня поражало, насколько просто отец сближался с незнакомыми, он никогда не лез в карман за словом, всегда находил, что сказать. У него была масса знакомых. А знали его вообще почти все, кто хоть раз ездил в его такси или автобусе, а это, наверное, полгорода. Он любил выпить и обычно, по выходным, приходил домой в состоянии «невесомости». Мать ругала его последними словами, но он никогда не огрызался, а только отшучивался. Обычно он ложился пьяным в ванну и засыпал в ней надолго, а я время от времени звал его, чтобы он не захлебнулся ненароком. После ванны он ложился спать и вставал утром рано на работу, как огурец, без похмелья. Ему достаточно было поспать 3-4 часа, даже после жуткой пьянки, чтобы протрезветь окончательно.

но. У нас в Ангрене во дворе стоял турник и лежали две гири по 24 кг. Отец в 53 года мог держать 24-х кг гирию на вытянутой в сторону руке, чего я так и не смог добиться даже в лучшие свои годы. Его любили женщины и, хотя он никогда не рассказывал о своих успехах, стороной до меня доходили слухи. Да и мать часто ругала его за это. Ей тоже видно доносили доброжелатели, город то был не велик. Всю свою жизнь он мечтал иметь свою машину, но никак не удавалось. Хотя он зарабатывал большие, по тем временам, деньги, они и уходили легко, не задерживаясь надолго.

Сколько помню, у него была сберегательная книжка, на которой лежало семь рублей. Он так и не воспользовался ими. Мы всегда жили одним днём. За завтрашний день никогда не беспокоились. Машину ему обещали к 30-летию победы, как участнику Великой Отечественной Войны, награждённому орденами и медалями, а также участнику Парада Победы в Москве в 1945 году, что само по себе было высокой наградой. У него был также Орден Великой Отечественной Войны 1-й степени.

Отец рассказывал, что его должны были наградить орденом Ленина за то, что он первым на своём танке ворвался в город Львов. Но был награждён совсем другой человек, так как командование посчитало нецелесообразным награждать бывшего штрафника. Вообще военная карьера отца началась в 1935 году, когда его призвали на срочную службу в армии и длилась с коротким перерывом до 1948 года, т. е 13 лет.

Отслужив на дальнем востоке четыре года, он вернулся в Ташкент. В армии он получил известие об аресте отца, как врага народа. В это время он учился на офицерских курсах, но стать офицером не удалось. Как сына врага народа, его отчислили из училища и благо, что не посадили самого. После короткого перерыва его мобилизовали в армию по причине конфликта с Японией на озере Хасан. К счастью он приехал туда уже после разгрома японцев. Побыв там немного, он вновь возвращается. С началом войны его отправляют в Иран, личным шофером командующего оккупационными войсками СССР. Как известно, Иран, перед самой войной подвергался активной обработке со стороны Германии и был уже готов вступить в войну на её стороне. Советский Союз, совершенно неожиданно, ввёл в Иран войска. Армия Ирана была настолько деморализована этой неожиданностью, что не смогла оказать сопротивления.

Войска Туркестанского Военного Округа, практически не встречая сопротивления, продвигались к столице Ирана – Тегерану. По пути принимали сдачу отдельных частей иранцев. Отец рассказывает, что обычно сдача происходила следующим образом:

Командир сдающейся части подъезжал на белом коне, в сопровождении своих адъютантов и докладывал командующему, генералу Курбаткину, о своей сдаче. Курбаткин обставлял эту церемонию с подобающей торжественностью и благосклонно принимал капитуляцию. При этом, обычно,

ему преподносили богатые подарки, которые он складывал в автомобиль, шофером которого, был мой отец. Вскоре весь северный Иран со столицей был оккупирован и наши войска оставались там до конца войны. Отец жил в Тегеране с командующим и был очень доволен своей судьбой.

К сожалению, однажды, его застали в постели жены одного из генералов из свиты Курбаткина, который набросился на него с кулаками, но был сам избит, в результате чего, отца разжаловали в рядовые (он был лейтенантом) и отправили на фронт, в составе штрафной роты. Он рассказывал мне, что по прибытии на фронт, их роту, в количестве около 500 человек, сразу же послали в бой. Задача стояла захватить какую-то деревню. Всем выдали по трёхлинейной винтовке и по 5 патронов на человека.

Автоматов и пулемётов не полагалось. Многие винтовки были не пригодны для использования, у многих отсутствовали штыки. Также выдали по одной гранате на отделение. Вооружённая таким образом рота, пошла в атаку. Немцы подпустили их на расстояние 50-60 метров и открыли огонь из автоматического оружия и миномётов.

Подступы к деревне были совершенно открыты взору и не имели никаких естественных укрытий. Рота была прямо-таки сметена огнём в течении 2-3 минут. Ещё минут десять потребовалось для уничтожения уцелевших солдат, которые каким-то образом спрятались за трупы своих товарищей и пытались отстреливаться.

Отец с другом уцелели, благодаря тому, что, наступая в первом ряду, они вырвались вперёд и успели до открытия огня заскочить в подвал ближайшей избы. Оттуда, они слышали и видели всю картину разгрома. В это время стемнело и немцы, постреляв ещё для порядка, затихли. На чердаке дома, в подвале которого, находились отец с другом, располагался пулемётный расчёт. Немцы куда-то ушли, возможно, ужинать, оставив пулемёт. Наши герои, захватив с собой этот пулемёт и патроны, вернулись в траншею. Пользуясь темнотой, они и ещё трое уцелевших, которые не пошли в атаку, спрятавшись в траншее, начали поиски раненых. Выявили ещё несколько человек, легко раненых и одного тяжело раненного. У последнего были две раны от пуль крупнокалиберного пулемёта в которые проходила рука. Он скоро умер. У другого, осколком отрезало пятку, и он радовался, что отвоевал своё. Но, к удивлению, всех, он скончался через пару часов. Таким образом в живых осталось всего около 10 человек из пятисот. Врагу не причинили никакого ущерба, если не считать истраченных боеприпасов и украденного пулемёта. Позднее, отца с другом, помиловали за подвиг. Они угнали танк с нейтральной полосы. В дальнейшем отец воевал в танковых войсках, в составе бригады прорыва. Конец войны он встретил в чешском городе Моравска-Острава. После этого отца назначили заведовать складом трофейного имущества, чем он с другом воспользовался на полную катушку. Они продавали полякам продукты, бельё и т.п. На вы-

рученные деньги кутили в ресторанах Польши, Чехословакии и Румынии. Ездили в отпуск в Ашхабад, где неплохо провели время. К сожалению, красивая жизнь продолжалась не долго. Продав трофейный автомобиль, предназначенный для какого-то генерала, они чуть не попались, но вынуждены были оставить эту синекуру. Их отправили в западную Украину на борьбу с бандеровцами, как называли украинских националистов, которые, скрываясь в лесах, вели борьбу против советской власти. Покончено с ними было лишь в 1948 году. Только тогда отца демобилизовали. Возвращаясь к нашему времени, по поводу обещанной машины. Её выдали, но только получил её кто-то другой, по поддельным документам. Мы узнали об этом через год. Отец опять начал хлопотать, добился аудиенции у самого министра автомобильного транспорта. И опять отца обманули. Министр велел выделить отцу одну из списанных такси в его таксопарке. Но директор, зная, что машина уже принадлежит отцу, продолжал эксплуатировать её до тех пор, пока она не сломалась окончательно. Только тогда он позволил забрать её. Машину притащили на буксире. К этому времени мы с отцом купили гараж и поставили её там. От машины оставался только кузов на колёсах. Но отец был всё равно счастлив. Достав в таксопарке необходимые запчасти он в конце концов восстановил машину, и мы помпезно выехали на ней. Ещё долгое время доводили её до сравнительно достойного внешнего вида. Отец не мог нарадоваться на машину и слезал с неё только

чтобы спать. До самой смерти он катался на ней и ремонтировал, притом ремонтировал чаще, чем катался. Часто, в мороз, продрогнув до костей, он всё что-то крутил под днищем. Машина и послужила косвенно причиной его смерти. К машине он собрался ехать, отремонтировать её и, не доехал.

Мать- Селиванова Тамара Ивановна, родилась в 1920 году, в Барабинске. Семья была большая – 12 детей. Жили хорошо, весело. Мать рассказывает, что за стол садились больше двадцати человек: дети, родители, жёны старших братьев, наёмные

работники. Её мать – Мария Алексеевна, неграмотная женщина, только и успевала готовить пищу. У отца был небольшой кирпичный завод, на котором трудились все взрослые дети. Завод стал причиной раскулачивания отца, хотя в последние годы труд наёмных рабочих не использовался. Всё отобрали. Даже дом, в котором устроили школу. Семья была выброшена на улицу. Все разместились где попало, по знакомым и родственникам. Кушать стало нечего. Отец, выбиваясь из сил, брался за любую работу.

Однажды после тяжелого дня он выпил холодного кваса и заболел воспалением лёгких. Он буквально сгорел от этой болезни в течении трёх дней, не приходя в сознание. Это случилось в 1934 году. Мать поступает в техникум на отделение ветеринаров и заканчивает его в 1936 году. В те времена, имеющий такое образование, считался чуть ли не профессором. В 16 лет мать была назначена главным ве-

теринарным врачом всей западной Сибири. Проработав на этой должности некоторое время, мать заканчивает дополнительно бухгалтерские курсы и уезжает в Ташкент, куда переехали многие её родные. Там она работает на должностях завсклада, завбазы и т.п. В годы войны она направляется на фронт добровольно и закончив курсы мастеров авиавооружений, поступает в авиаполк, в котором служит до конца войны. Войну заканчивает в Германии. После войны она едет обратно в Барабинск, где у неё рождается первая дочь Лена. Потом едет в Ташкент, где встречается с моим отцом и выходит за него замуж. В июле 1948 года рождается вторая дочь Люда. Дальнейшее будет рассказано по ходу.

Я помню своё детство урывками, в отличии от своего двоюродного брата Ивана, который помнит конкретный день, когда он начал что-то соображать. У нас был собственный дом на улице 2-ая Выборгская, позже её переименовали по фамилии какого-то революционера Горбунова. До конца 50-х годов, это была самая граница города, где не ходил никакой транспорт. Это через много лет здесь проложат троллейбусный маршрут, а граница города отодвинется на многие километры вдаль, захватив пустыри и лежащие в этом месте кишлаки, преобразив их в цивилизованный вид. Там образуются микрорайоны: знаменитый Чиланзар, Домбрабад и другие. В те времена, эта улица и окружающий её небольшой район, имели весьма плачевный вид и не отличались видом от какого-либо кишлака. Дома были частные, одноэтажные.

Жили там в основном русские, но почему-то было много бухарских евреев, присутствовали и узбеки. Летом улица покрывалась великолепным толстым слоем мягкой, бархатной на ощупь, тёплой пыли, по которой мы, дети, очень любили бегать босиком, да ещё пнуть, чтобы поднялся столб, как при взрыве бомбы. Или, собрав кучку пыли в обрывок газеты, бросить её вверх, чтобы она упала на чью-то голову, обдав того с ног до головы восхитительными тёплыми струями. А можно было просто поваляться в этой пыли, как на ковре. Можно себе представить, на что мы были похожи к вечеру. Наши родители не очень тратились на одежду. Её представляли обычно чёрные, сатиновые трусы, изредка короткие шорты на лямках. Обувь носили только в торжественных случаях и в холод. Во время дождей, пыль превращалась в непролазную грязь. К счастью, дожди для этих широт были редкостью. С краю дороги, перед домами, протекал глубокий, до колен взрослого, арык. Я однажды чуть не утонул в нём, пуская игрушечного утёнка. На улице никого не было и меня вытащила какая-то, проходившая по улице, на моё счастье, девушка. Недалеко от нашего дома, в сторону города, располагался Ташкентский Текстильный институт, и многие студенты жили на квартирах по нашей и прилегающим улицам. И у нас часто проживали две-три студентки. Помню, как я с сёстрами, заходили в их комнату, а они рассказывали нам страшные рассказы про

На фото я в центре. Мне 1 год. Бабушка, мать, её сестра Мария, мои сёстры и кузен Валерка

ведьм и колдунов, пугая нас. Рано утром, по улице ходили узбечки из близлежащих кишлаков, продавая кислое и пресное молоко, сметану, масло. Они громко кричали, расхваливая свой товар, будя жителей. Большим событием становился регулярный, примерно раз в 2-3 дня, приезд телеги с двумя или тремя бочками бензина и керосина, запряжённой парой лошадей. Еду тогда готовили в основном на керосинках

и примусах, освещались опять же керосиновыми лампами, так как свет часто отключали. Возница кричал в рупор: «Керосин! Бензин!». Жители подходили с канистрами и отоваривались. А дети внимательно наблюдали, как продавец наливает жидкость в мерную кружку и разливает покупателям, при этом мы с удовольствием вдыхали запах бензина, как чего-то необыкновенного. Телевизоров, а тем более компьютеров, не было, в помине, и мы развлекались по своему разумению. Весь день проводили на улице, конечно те, кто ещё не ходил в школу. После полудня к нам присоединялись дети постарше. Играли в пятнашки, прятки, казаки-разбойники, чижика, ляngu, бабки и др. Особо про ляngu. Это можно сказать народная игра детей Средней Азии. Из истории, ещё сам ходжа Насреддин, играл в ляngu, на деньги. На клочок бараньей шерсти пришивается пластинка свинца. Это и называется лянга. Её подбрасывают внутренней стороной стопы левой или правой ноги, не роняя. Играют или на счёт, кто больше подбросит или по конам, с определёнными правилами. Вечерами разводили костры и прыгали через них. И только уже при полной темноте шли домой. Иногда родителям приходилось загонять детей домой. Я не помню, когда мы ели. Вечером с родителями обязательно, а в течении дня, как придётся. Чаще всего заскакивали на минуту домой и брали кусок хлеба без ничего, и с аппетитом съедали. На улице стояли также дома многих наших родственников. В доме напротив, жил старший брат матери Пётр Иванович. Ещё

через 3 дома -младший брат матери, дядя Саша. На другой улице дядя Яша. Через забор –крёстная, тётя Нюра. Были и ещё какие-то более дальние родственники. А вообще мы не знали никаких границ и, играя, свободно заходили в любой двор, если была необходимость. К тому же, все знали друг друга, а при существовавшей тогда бедности, никто не боялся воровства, просто нечего было брать. Недалеко протекала речка Буржар, где мы часто купались. Кроме этого ходили пешком в парк Горького на бассейн, или на комсомольское озеро, где начальником спасательной станции был дядя Петя, брат матери. У него можно было попросить лодку, но это тогда, когда я ходил туда с родителями. По воскресеньям, утром рано, за мной заходила бабушка Мария Алексеевна, которая жила по очереди у своих детей, хотя предпочитала дядю Сашу. Она везла меня на трамвае на Госпитальный рынок, рядом с которым находилась патриаршая православная церковь Пресвятой Троицы, где мы отстаивали службу. Особенно мне нравилось причащаться, когда батюшка давал в столовой ложке церковное вино. Для выхода в церковь меня одевали по-праздничному, даже с галстуком в горошек. Вообще у меня, да и каждого члена семьи не было недостатка в одежде. Мы жили очень хорошо. У нас дома не переводилась красная икра, которую я тайком скармливал собаке, настолько она приелась, шоколад и конфеты. У меня было множество игрушек, которыми я почти не играл и раздавал их своим друзьям, которые в большинстве, никогда не име-

ли подобного. Иногда отец брал нас всех троих и вёз в город, где кормил мороженым. Однажды он, желая, чтобы мы наконец наелись мороженым до отвала, обкормил нас так, что мы уже домой приехали с температурой. Но в то время, болезни легко проходили, о гриппе вообще не слыхали. Я никогда не болел в детстве серьёзно, разве только ангиной. А однажды, играя у соседей, прижал их собачонку палкой к забору и она, вырвавшись, искусала меня так, что живого места не осталось. Я помню, как пришёл домой весь в крови и мать понесла меня в больницу, где мне прописали сорок уколов от столбняка. Каждый день мать вела меня в поликлинику, и врач делал мне укол в живот, а, чтобы я не кричал, дарил пустую коробку от ампул. Собаки не любили меня, и я натерпелся от них достаточно.

Я не посещал детский сад, хотя была одна попытка. Я не пробыл в саду и полдня, мне не понравилось там. Я помню тот день, мне было, наверное, не больше трёх лет, когда мать отвела меня в сад, а сама ушла на работу. Я позавтракал, потом играл. Ещё нас учили правильно спать – на правом боку с подложенной ладонью под голову. А потом, я просто ушёл, и никто не заметил этого. Не понимаю одного, каким об-

разом я пришёл к матери на работу? Мне пришлось идти довольно далеко, через улицы с трамваями и троллейбусами, на текстильный комбинат и пройдя всё это, нашёл материн склад, хотя никогда раньше не был там. Само провидение вело меня. Мать вышла и была просто ошарашена случившимся. Больше меня не пытались водить в детсад. Воспитательница была строго наказана, её даже хотели уволить, но она упростила мать заступиться за неё. Иногда я с родителями ходил в гости к отцовским родным. В основном мы ходили к

сестре, тёте Тане. Она с мужем, Алексеем Герасимовичем, жила недалеко от

На фото -Я в Ташкенте, стою в середине, в фуражке. Около 1956 года.

Пединститута, в собственном доме, средства, на постройку которого, им предоставила мать. Позже, продав этот дом, семья Герасимовича уехала в Саранск. Они так никогда и не вернули матери долг и из-за этого, семьи долгое время не желали знать. И до самой смерти Алексея Герасимовича в 1966 году, мы были в весьма натянутых отношениях. У них были три дочери с которыми дружили мои сёстры. Навещали мы и отцовских племянников Ивана с женой Верой, Николая, у которого был сын Вовка, на год младше меня. А по своей улице я чаще всего бывал у дяди Саши. Я дружил с его сыном, моим двоюродным братом Валеркой. Он был несколько вороват и водил дружбу с хулиганистыми пацанами. По возрасту был старше меня на три года и учил меня курить. Мне было 3 или четыре года, а ему соответственно. С этим связан один забавный случай. Мой отец в те времена немного курил, из-за чего имел стычки с матерью, поэтому он старался не попадаться ей на глаза. Однажды отец, придя домой на обед, бросил окурок перед дверями, а сам зашёл в дом. Я поднял ещё дымящийся окурок и, спрятавшись во дворе за кустом, начал курить, скорее просто пускал дым.

В это время, мать вышла на крыльцо и увидела дым из ку-

стов. Она извлекла меня оттуда и нашлёпала, а отцу устроила такой скандал, что он с того дня бросил курить окончательно и бесповоротно. После основной работы, отец часто брал меня с собой, и мы ехали подрабатывать, как такси. Где-то в 1956 году отец начал возить управляющего трестом Узбекшахтострой, который, по делам службы, часто посещал город Ангрэн, где к этому времени начали разработку угольного месторождения, самого крупного в Средней Азии. Я часто ездил туда с отцом. Иногда шеф оставался в Ангрэне на выходные, а мы ехали домой в Ташкент. Расстояние в 120 км преодолевали за 3-4 часа, что было тогда неплохим результатом. Дорога было неважная, причём построена была методом «Хошара», ещё во время войны, когда возникла острая необходимость в ангрэнском угле. Тысячи дехкан с кетменями построили дорогу в течении всего двух- трёх месяцев. Дорога проходила вдоль реки Ахангаран (Ангрэн), оба берега которой, заросли камышом и саксаулом. До 1950 года, в тех краях ещё водились тигры. В камышах скрывались дикие кабаны и множество других животных. После войны здесь устроили заповедник. Обычно мы возвращались в Ташкент ночью и видели, как через дорогу перебежали лисы, волки, шакалы. Отец возил с собой двустволку, но применить её не удалось. Через каких-то 10-15 лет на этой дороге уже не встречалось никаких зверей. Вскоре встал вопрос о переезде, по производственной необходимости, в Ангрэн. Сёстры уже учились в школе, мать имела хорошую работу, свой дом

и прочее, всё это надо было бросать. Но, в итоге, решили ехать. Отцу предоставили квартиру в саманном коттедже на две семьи, по соседству с шефом. Матери предложили заведовать продовольственным магазином. И мы переехали. Город представлял из себя ряд почти самостоятельных посёлков: Шахтёрский (самый старый), Соцгород (в котором мы поселились), Джигиристан, Центральный, Привокзальный, ГРЭС, Немецкий посёлок и т.д. Также город вобрал в себя несколько кишлаков, находившихся здесь ранее. Из этих кишлаков наиболее известны Тешик-Таш, на территории которого находили жилища каменного века и большой кишлак Аблык, известный ещё до нашей эры, где останавливался, по некоторым данным, Александр Македонский. Город находился, как бы в мешке, охватываемый с трёх сторон отрогами Тянь-Шаня, хребтами Кураминский и Чаткальский. Выход был в сторону Ташкента, куда несла свои воды река Ангрэн, впадающая в Чирчик. Позднее, была построена дорога через перевал Камчик в Коканд и далее, в Ферганскую долину. Современный посёлок для шахтёров, строили пленные японцы, которые трудились тут до 1954 года. Много их умерло здесь, о чём безмолвно говорили десятки могил, раскиданных по территории города, с надписями иероглифами. Когда город разросся, могилы убрали, а трупы перенесли на общее кладбище, где захоронили скопом в три траншеи, примерно по сто человек в каждую. Итак, мы переехали. Больше всего меня поразило наличие унитаза и ванны, которые я до

этого видел только в кино. Наша квартира имела две комнаты, кухню, туалет с ванной и коридор. Имелся двор с сараем.

Соседями, во второй половине дома, оказались заведующая банком Юлия Ефимовна, со своим сожителем Николаем Митрофановичем, инженером по профессии и алкоголиком по совместительству. Шеф отца, жил в роскошном доме со скульптурами львов перед входом, по другую сторону забора. Другими соседями были престарелая чета, из бывших дворян, Карташёвых, очень щепетильных и культурных. Улица имела название «Тупик Сталина», но позже, власти, видимо поняв двусмысленность подобного названия, переименовали её в проезд Калинина. Я очень близко сдружился с соседним мальчишкой, моего возраста, Сашей Чмутовым. К сожалению, его семья в 1959 году переехала в город Брянск.

Сёстры пошли в школу, родители работать, а я на улицу. Я не очень помню годы до школы. Зато хорошо запомнилась катастрофа, происшедшая весной 1959 года. В связи с расширением добычи угля и увеличением площади горных разработок, возникла необходимость переноса русла реки Ангрен. Таких переносов я пережил три.

Итак, реку перекрыли плотиной и начали рыть отводной канал. К несчастью, зима 1958-59 годов, оказалась богатой на осадки, а ранняя весна повлекла таяние снегов, которые переполнили водохранилище и, прорвав плотину, вода ринулась на город. Зрелище было незабываемым. Вода снача-

ла затопила угольный разрез, что послужило некоторой отсрочкой для людей, живших в городе, затем грязный поток нахлынул на город по недостроенному руслу, сметая по пути строительную технику – экскаваторы, бульдозеры, самосвалы, как будто это были спичечные коробки. Я всё это наблюдал сам. Вода вышла из берегов и смывала дома. Земля вдоль русла, огромными пластами, отваливалась в воду, захватывая здания и людей, пытавшихся успеть вынести свой скарб. В течение суток, вода расширила русло до нашей улицы, смыв две лежащих впереди. Власти приняли меры: немедленно были вызваны войска; жильцов домов, находящихся под угрозой затопления, переселили подальше, заставив потесниться других жителей. Тут же были приняты меры по перегораживанию потока и оттеснению его в сторону, для чего в воду начали валить бетонные блоки и плиты, а выше по течению, производились взрывные работы с целью устроить обходное русло.

Мы, в это время, жили в семье знакомых Тихоновых. У них была огромная овчарка, знакомство с которой чуть не перевернуло мне жизнь. Как-то, выйдя из дома, я подошёл к лежащей в тени собаке, с намерением её погладить. Присев на корточки, я протянул к ней руку, но тут она кинулась на меня. Наверное, бог хранил меня.

Я опрокинулся на спину, выставив перед собой ноги, что помешало ей вцепиться мне в горло, но она успела хватануть меня за лицо. На крик выскочили все. Собаку оттащи-

ли, а мать схватив меня на руки побежала на улицу. К счастью, подвернулось такси, которое примчало нас к детской поликлинике, находившейся в полукилометре от дома Тихоновых. Мать неся меня, всего в крови, вбежала в здание и передала врачам. Здесь моя жизнь могла коренным образом перемениться. Но Бог продолжал помогать мне.

Правая сторона моего лица была располосована клыками, но глаз был цел! Зато, верхнее веко почти оторвалось и болталось на ниточке, представляя из себя комочек кожи, грязный и окровавленный. Хирург предложил матери оторвать его и зашить глаз навсегда, сделав меня одноглазым. Мать умоляла его сделать всё возможное, чтобы сохранить глаз. И хирург попытался. Не знаю, как ему удалось провести микроскопическую операцию по пришиванию клочка века на место, но это получилось! Я не запомнил фамилию этого врача, но я благодарен ему по гроб, что он помог мне избежать уродства. Вечная ему память! Я помню, что веко пришивали мне без наркоза. Я и так находился в шоке. Потом мне забинтовали глаз, и я ходил так довольно долго, может быть месяца три. Всё срослось. Остались несколько шрамов, почти невидимых.

Эпопея по борьбе с наводнением длилась несколько месяцев. Довольно быстро, может в 5-6 дней, удалось несколько уменьшить поток воды, он, во всяком случае, перестал разрастаться, затем его несколько переместили, а позднее перенесли в обход города, а с уменьшением количества воды

удалось вновь перегородить плотину. Всем этим занимались войсковые части и строители со всех концов Узбекистана.

Последствия наводнения были весьма значительными. Погибло много людей, в том

числе и военных, но в прессе об этом не упоминалось. Много домов было сметено водой, почти полностью исчез посёлок Тешик-Таш, который, располагаясь вдоль реки, имел наиболее плодородную почву и славился своими садами с незапамятных времён, обеспечивая город дешёвыми овощами и фруктами. Сильно пострадал район

соцгорода, где жили мы. Две улицы, лежащие ближе к каналу, смыло, вода не добралась до нашего дома всего на 30 метров, снеся 4 из 7 домов, стоящих на нашей

стороне улицы. Со стороны канала, подъезд к нашему дому был уничтожен и с тех пор мы выбирались на улицу через два соседних дома, между которыми нам освободили неширокий проход. Вода проложила через город глубокое, безобразное русло, прямо-таки каньон, с высокими, до 6-7 метров откосами, на краю которых, кое-где ещё едва удерживались полуразрушенные дома, выступая над обрывом. Их потом свалили внутрь, чтобы мы, дети, играя, не рисковали жизнью, входя в эти здания. В то время, ещё до стычки с собакой, я стал свидетелем явления, которые позже стали называть НЛО. Придя на нашу улицу, жители которой были выселены на время наводнения, я прогуливался там в одиночестве и вдруг заметил вылетевший из-за горы предмет.

Сначала я принял его за колесо от грузовой автомашины, выброшенной взрывом. Как я уже писал, недалеко от города проводились взрывные работы, с целью отвода русла реки и, камни, порода и всякие другие предметы разлетались в разные стороны, падая очень часто на дома и во дворы ближних улиц, что и явилось поводом для отселения жителей этого района. Но я тут же понял, что ошибся, поскольку никакого взрыва я не слышал, а летящий предмет летит слишком высоко и не собирается падать. Стоял прекрасный, ясный весенний день. Время было что-то около 12 часов дня. На улице и в домах не было ни души, и я был единственным свидетелем этого зрелища. Предмет направлялся с северо-востока на юго-запад, примерно вдоль русла реки Ангрэн. Скорость его была незначительна, и я проследил весь его полёт, продлившийся примерно минут 15-20, от горы, из-за которой он вылетел, до тех пор, когда он исчез из поля зрения, где-то за противоположными горами Чаткальского хребта. И никого, с кем бы я мог поделиться впечатлениями! Предмет был круглый, с отверстием в середине, тёмного цвета и, как я упоминал, был похож на колесо. Так как высота его нахождения была неизвестна, то и размер его не был мною определён. Уже гораздо позже, через много лет, вспоминая это явление, я думаю, что размер НЛО составлял порядка 10 метров в диаметре, а высота полёта около двух -трёх километров.

На фото я в первом классе – в середине на верху, под табличкой двери.

В конце концов, с наводнением покончили, мою повязку с глаза сняли, остались лишь слегка видные шрамы на щеке и веке. В сентябре мать отвела меня в школу. Про

школу я хочу сказать особо. В Соцгороде, были две школы – №6 и №9. Мои сёстры, в самом начале, поступили в 9-ю школу, которая располагалась ближе, но вскоре перевелись в 6-ю школу имени Ленина. Эта школа, во времена от её открытия в 1956 году и до 1971 года, считалась привилегированной, так как в ней учились дети руководителей города. В

Соцгороде, в указанный период, располагались все учреждения власти: горком, горисполком, военкомат, милиция, суд, банк, дирекция и

угольного разреза и треста Узбекшахтострой, начальника которого возил мой отец т.п.

Здесь же, проживали и руководители означенных предприятий. Из-за престижности проживания в этом районе, сюда стремились поселиться все, мало-мальски значимые чиновники и деятели города. Сложилась ситуация, что все эти деятели, устраивали своих детей в школу №6. Дети более скромных родителей учились в 9-й школе.

Мы с сёстрами, как дети шофера одного из самых значительных руководителей, который в городе значил не менее чем сам 1-й секретарь горкома, удостоились чести, быть принятыми в 6-ю школу, не без хлопот матери, тоже занимавшей не маловажный пост заведующей продуктового магазина. Из-за ажиотажа, возникшего на почве устройства своих чад в вышеупомянутую школу, выросла проблема нехватки учебных мест. Я помню, что число учащихся, в лучшие времена, достигало более тысячи. И это на фоне небольшого двухэтажного здания, имевшего не более 15 классных помещений.

В классах насчитывалось по 30 и более учеников, а классы, в свою очередь, подразделялись на литеры «А», «Б», «В» и даже «Г», где также существовало разделение по категориям родителей. Так в классы «А» принимались дети наиболее

высокопоставленных родителей, а далее в «Б» и ниже по алфавиту – принимались дети по нисходящей линии значимости. Пришлось освободить два, расположенных вблизи, здания ремесленного училища, учеников которого перевели в другой район, чтобы обеспечить всех. Я попал в класс «А», в котором и проучился до самого выпуска.

В нашем классе, к примеру, учились дети военкома, начальника милиции, КГБ, работников горкома и крупных руководителей. Соответственно с учениками и учителя, в нашей школе, были самые лучшие в городе. И учили, естественно, в нашей школе, гораздо лучше, чем в других 30-ти школах города. В результате, большинство выпускников поступали в ВУЗы и позднее занимали руководящие посты. Начальную школу, с 1-го по 4-й класс, я проучился под руководством заслуженной учительницы СССР, Новичковой Марии Митрофановны, из дворян, закончившей гимназию ещё до революции, Педагога с «большой буквы», которую я запомнил на всю жизнь.

После нашего выпуска в пятый класс она ушла на пенсию. Из этих первых школьных лет, я хорошо запомнил тот первый день, когда нас, первоклашек, выстроили перед всей школой. Выступали директор школы, председатель ГорОНО, кто-то ещё, а мы стояли нарядно одетые, мальчики в школьной форме, гимнастёрках с белыми подворотничками и ремнём на поясе, со школьной бляхой, девочки с белыми фартуками и у всех букеты цветов. Потом нас привели в класс,

познакомили с учительницей и рассадили по местам. Я сел за одной партой с девочкой по имени Попова Люба и так все четыре года просидел с ней.

Итак, началась моя школьная жизнь. Днём мы учились, а после школы играли на улице. У меня появились школьные друзья. Наиболее я подружился с ребятами из своего класса, живших по соседству со мной. Это были четыре Владимира: Тюрин, Соколов, Пономарёв и Клыга. Больше у меня никогда не было других товарищей, а только знакомые. Запомнились наиболее значительные дни из тех лет.

Приём в октябрята, в пионеры. В пионеры меня приняли только в 4-м классе, а не в 3-м, как остальных, поскольку к моменту приёма мне не исполнилось 10 лет, также, как и моим друзьям Соколову и Тюрину. Было очень обидно ходить без красного галстука, среди остальных одноклассников, но к 7 ноября 1962 года приняли и нас. Сейчас принято критиковать те времена, но я скажу, что все мы тогда воспитывались в духе коммунизма и верили в светлое будущее. Октябрята и пионеры вели себя в соответствии с уставом, никто не дерзил старшим, все старались хорошо учиться.

Практически не было хулиганов, в современном понимании этого слова, отлынивающих от учёбы. И хотя в школе учились, как дети состоятельных родителей, так и простые смертные, никто не замечал эту разницу, никто не пытался выпячивать заслуги своих родителей, как это принято сейчас. Со всех спрашивалось одинаково.

Что интересно, тогда считалось неприличным быть богатым и мы, дети, даже порой осуждали некоторых своих сверстников наличием, скажем, своей машины у родителей, что между прочим вызывало у них чувство стыда. Никто не привозил своих детей на машине в школу, это считалось вызывающим и недопустимым явлением. Также пионерам недостойно было драться и, если уж назрела такая необходимость, снимали с шеи пионерский галстук, чтобы не опозорить его. К несчастью уже ко второй половине 60-х годов, с приходом к власти Брежнева, нравы начали меняться в худшую сторону.

Я участвовал в школьной самодеятельности, играл роль зайца в постановке на сцене сказки «Лиса и заяц», петуха из той же сказки, поскольку очень похоже имитировал кукареканье. Начал было посещать секцию гимнастики, но быстро потерял интерес. Учёба давалась мне легко, тем более под руководством нашей заслуженной учительницы. Первые четыре класса я закончил с отличием, с вручением похвальной грамоты. Пятый класс уже только на хорошо, по инерции.

Далее моя лень не позволяла мне выбраться из хорошистов в отличники и только благодаря своим способностям легко усваивать материал, совершенно не занимаясь повторением и выполнением домашних заданий, к тому же без всякого надзора за моей учёбой со стороны своих родителей, я всё-таки учился и закончил школу совсем не плохо, что

позволило мне без особого труда сдать вступительные экзамены в Военное Училище.

Мы всегда жили обеспеченно. Мать с работы приносила полные сумки продуктов, отец подрабатывал извозом на персональной машине своего начальника. В буфете, в супнице от столового сервиза, без всякого надзора, лежали постоянно деньги, которые никто не считал. В школу мне ежедневно выдавали по 20-30 копеек на пирожки, хотя я, при необходимости, всегда мог взять деньги из супницы. В те времена не было столько соблазнов, как сейчас. Всё, на что я мог потратить деньги, ограничивалось 3-4 пирожками по 5 копеек в школьном буфете, да стаканом семечек или жареной кукурузы за 10 копеек за воротами школы. Кушаний и разносолов в доме было достаточно. Также и одевались мы хорошо. Моих сестёр попрекали в школе, что у них, у единственных в школе, дорогие и очень модные по тем временам плиссированные юбки. Я же носил в 3-м классе также, единственную в школе, совершенно новую форму, купленную в Ленинграде, которая отличалась от обычной гимнастёрки, особого покроя кителем, образца дореволюционной гимназии, как у молодого Ленина, на картине времён его школьной жизни. Такой же был у меня и ранец. Нарядами этими, мы были обязаны, проведенной в 1961 году денежной реформе, когда деньги образца 1953 года заменили на новые с увеличением их номинала в 10 раз. Срок обмена установили коротким, к тому же к обмену допускались только ограниченные суммы.

Поэтому люди, у которых денег было больше, чем допускалось к обмену, были вынуждены тратить их, чтобы они не пропали вовсе. Так и у нас имелись в наличии деньги, оставшиеся от продажи нашего дома в Ташкенте, которые мы берегли для покупки машины. Все магазины были уже выметены подчистую. Люди покупали любой товар, чтобы хоть как-то спасти свои сбережения. Мы всей семьёй поехали в Ленинград, к родственникам, где накупили одежды, два аккордеона, швейную машинку, столовые сервизы и т.д. Много денег всё-таки не удалось обменять. А надежда купить автомобиль, была похоронена надолго. Зато Ленинград я запомнил посещением Зимнего дворца и Эрмитажа. Не смотря на свои 8 лет, ещё не изгладились из памяти картины великих художников, скульптуры и бюст Петра Первого. С этой реформы запомнился случай, происшедший в 4-м классе. Отец моего друга Соколова, копил новые рублёвые монеты. В 1963 году он умер, и его жена оставила эти деньги, как память о нём. Соколов же, со своим младшим братом Колькой, украли их, а было их несколько горстей, может быть около 100 рублей, сумма по тем временам приличная, равная среднемесячному окладу инженера. Не сдержав своих чувств, чтобы не похвалиться, они показали в школе эти деньги и, играя роль богатеев, стали раздаривать всем своим знакомым, купленные на эти деньги перочинные ножики, футбольные мячи и подобную дребедень. Купили и мне перочинный ножик, как сейчас помню за один рубль тридцать копеек, хо-

тя он и был мне без надобности. Дома я сказал, что нашёл его. Дело это быстро всплыло на поверхность. Всех счастливых обладателей подарков, равно, как и виновников события – братьев Соколовых, собрали в школе с родителями. Это был единственный случай в моей жизни, когда мою мать вызвали в школу из-за меня. Произошла разборка, со слезами и вспарыванием моим ножиком, купленных мячей, матерью Соколовых. Меня разбирали за обман, я тоже плакал и обещал больше так не делать. Братьев Соколовых, их суровая мать, член Горкома, нещадно выпорола дома. После этого они очень долго вели себя примерно.

Моя мать вела тогда изнурительную борьбу с партийной номенклатурой, погрязшей в коррупции и подавлявшей всех недовольных существующим положением. К концу правления Хрущёва, партийный аппарат, подмявший под себя все сферы власти, вышел из-под тотального контроля, существовавшего при Сталине и

закрепился во всех властных структурах. Круговая порука, кумовство, подхалимство, взяточничество и другие низменные пороки, возобладали над здравым смыслом.

Пользуясь своим положением, все эти чиновники, разворывали государственное состояние, строили себе особняки, пировали и всячески унижали простых людей, прикрываясь словоблудием о построении коммунизма. Всё меньше находилось людей, пытавшихся бороться со злом. Тысячи людей сажались в тюрьмы, упрятывались в сумасшедшие до-

ма. Те, кто имел возможность, выезжали на запад, становясь так называемыми «Диссидентами». Тем не менее, на местах ещё можно было кое-чего добиться, если действовать умело и целенаправленно. Моя мать, состоя членом горкома партии, имела некоторый вес в городе и к её мнению прислушивались, тем более, что, будучи достаточно грамотной, она умело составляла письма и прошения в центральные органы. Не одного стяжателя сумела она поставить на место и даже привлечь к уголовной ответственности. Поэтому, наш дом напоминал чем-то Смольный, времён революции. Десятки людей приходили и уходили, приносили жалобы, что-то просили. Постоянно кто-то ночевал у нас. Мать писала за всех прошения, посылала петиции правительству и в партийные органы. Сама ездила в Обком, ЦК КПУз, отряжала других в командировки в Москву. В 1963 году наш сосед, руководитель треста, был послан в Алма-Ату, на повышение. Вся их семья выехала из занимаемого им особняка и встал вопрос об использовании последнего.

Предполагалось поселить в нём одного из начальников этого треста. Моя мать же, на пленуме горкома, предложила разместить там детский сад. Но её предложение проигнорировали. Тогда мать, недолго думая, самовольно переселилась вместе с нами, в пустующий особняк, предоставив наш дом для одного непризнанного учёного, я забыл его фамилию. Помню только, что тот изобрёл телескоп и магнит, для немагнитических материалов, которые я наблюдал сам. Маг-

нит действительно мог захватывать даже виниловые граммофонные пластинки, а в телескоп я смотрел на луну.

Этот изобретатель снимал какую-то лачугу и не мог добиться квартиры, а его изобретения не рассматривались, из-за отказа включить в состав соавторов ряд руководителей города. Его жену, моя мать, из жалости, устроила продавщицей в свой магазин. Несколько месяцев мы прожили в помпезном доме, имеющем огромный участок земли, засаженный виноградником. Видя такое дело, руководство города изменило тактику и, вроде бы, приняло решение о размещении в этом доме детского сада. Матери предъявили ультиматум о немедленном выселении, но она решила бороться до последнего. Тогда с нами жила престарелая, 1881 года рождения, бабушка, её мать. Прождав некоторое время власти направили к нам наряд милиции, который вынес всё наше имущество во двор. Бабушку, лежавшую на кровати, вынесли вместе с кроватью. Опустевшие комнаты начали обустроить под детский сад. Вечером мы вновь занесли всё обратно. Через день милиция повторила свою операцию.

Борьба была не равная. После третьего или четвёртого раза, когда уже половина наших вещей была переломана и порвана, прибыли дети и воспитатели. Поскольку изобретатель также сопротивлялся выселению, нам некуда было деваться и мы, временно, были поселены все вместе в одну комнату. Жизнь для нас, тогда была не выносимая. Стояла осень, конец октября. Утром мы уходили в школу, а придя домой за-

ставали все вещи на улице. Заносили назад и располагались в тесной комнате.

Ни о каких домашних уроках не могло быть и речи. Я был ещё мал и не воспринимал происходящего всерьёз, но мои сёстры хватили лиха. Особенно страдала бабушка. Почти не имея сил передвигаться, она всё время лежала в кровати и её постоянно, то вытаскивали на улицу, в холод, то мы затаскивали обратно. Не выдержав такого обращения, бабушка решила покончить с собой и выпила бутылку уксусной эссенции.

Она умерла в страшных мучениях только на третий день, врачи не смогли её спасти. На день похорон, в детский сад никого из детей не приняли. Хоронили её 7 ноября, после парада. Не помню точно, когда мы наконец вернулись в свой дом. Изобретатель получил квартиру, а детский сад просуществовал ещё короткий срок и был тихо ликвидирован. В освободившийся особняк, поправ все приличия, торжественно въехал тот самый начальник. Но смерть бабушки испортила праздник городского руководства. Было проведено следствие и многие начальники были наказаны. На какой-то срок, мать перестали трогать. Как раз подошло время моей старшей сестре Лене, закончить 11 классов, и она уехала в Саранск к тётке Тане, которая работала в то время секретарём в Мордовском Государственном Университете – МГУ, (не путать с МГУ Москвы). Не знаю, помогла ли тётя Таня или нет, но Лена поступила в Университет на факультет ино-

странных языков. Вообще, Лена училась в школе очень хорошо и закончить школу с медалью, ей помешали только вышеописанные события. Мы остались вчетвером.

Жизнь продолжалась. Я учился в школе, а после неё играл на улице. Тогда же я пристрастился к чтению. Достать хорошие книги в то время представлялось весьма

трудным делом. Все книжные магазины были завалены политической макулатурой. Полные собрания сочинений Ленина, Брежнева, Суслова, Рашидова и других

политических деятелей того времени заполняли полки магазинов. Из художественных сочинений были представлены произведения тех писателей, которые были угодны существующему режиму. Это были маловразумительные романы, описывающие героические будни сталеваров, колхозников, пастухов и т.п. Очень много было

псевдогероических рассказов о гражданской и Великой отечественной войнах, где красные и советские войска громили многочисленного врага, белых или фашистов.

Цензура вычеркнула все мало-мальски правдивые факты о наших неудачах. Много литературы посвящалось работе нашей милиции и КГБ, борющихся и побеждающих остатки преступности и многочисленных шпионов. Читать эту литературу было просто невозможно. Зато труды классиков, фантастику и приключения, доставались с трудом.

Особенно тяжело было с зарубежной литературой. Но мы находили выход. Каждая интересная книга, попавшая в руки

кого – то из знакомых, после прочтения, передавалась следующему и зачитывалась буквально до дыр. Мать, как руководитель и член горкома, время от времени могла выписывать некоторые произведения, которые выпускались приложением к газетам и приходили по почте, раз в месяц. Отец также, хоть и малограмотный, но непременно доставал отдельные книги, как только имел возможность, бывая со своим начальником в командировках. Поэтому в нашей семье книги занимали достаточно много места. Я читал всё подряд, даже те книги, которые в моём возрасте, некоторым показались бы скучными, как например Лев Толстой, Чехов, Куприн и др. Тем не менее я читал и их. К 10 классу я прочитал полные собрания сочинений не только вышеуказанных авторов, но и также Уэллса, Марка Твена, Майн Рида, Цвейга, Брехта, Конан Дойля, Новикова-Прибоя, Тургенева, Шолохова и др. Я читал и стихи Лермонтова, Пушкина, Навои. Очень нравились мне исторические эпосы: Манас, Калевала, Песнь о Гайавате. И конечно, всевозможные сказки и фантастика, а также и энциклопедии. Признаюсь, что я частенько утаскивал книги из библиотек, в основном фантастику. У нас дома собралась значительная библиотека, которой пользовались наши знакомые и соседи, частенько, без возврата. Обычно день проходил следующим образом. Утром, после завтрака, все расходились по своим делам. Люда уходила в школу раньше меня, а потом шёл и я. До школы идти было полчаса, по пути я встречал своих дру-

зей или специально заходил за теми, кто жил по дороге и далее мы двигались группой, причём приходилось проходить мимо 9-й школы, что составляло некоторую опасность. Наши сверстники из 9-й школы недолюбливали нас, чистеньких детей, обеспеченных родителей и всегда старались напасть на нас скопом. И нам часто приходилось удирать от них. После окончания уроков, вплоть до 8 класса, мы почти все, и девчонки, и мальчишки отправлялись на пустырь, расположенный за вечерней школой. Прежде всего, обычно, следовала драка, одна или две. Выясняли отношения между собой мальчишки. Дрались до первой крови. Никакого антагонизма в этом не существовало. Я тоже однажды подрался там с одноклассником – Толиком Хорошиловым, просто так. Он мне предложил подраться на предмет кто сильнее. Драка закончилась вничью. У обоих остались синяки и кровь пошла из носа. Дома я объяснял, что ударился об дверь. А Толик был известный драчун и синяков у него всегда было достаточно, тем более его отец часто лупил его за плохое поведение и двойки. Чаще всего дрался Саша Шепелев – он считался в классе самым сильным и потому ему приходилось постоянно самоутверждаться. Ему даже приходилось иной раз драться и со старшеклассниками. Как я уже говорил, эти драки проходили незлобиво и сразу после драки, мы мирились. Примерно также происходит и в животном мире. Вожак обязан поддерживать свой имидж. Далее мы играли в коллективные игры, типа «Красное знамя». Здесь делились

на две группы, делили поле пополам, вешали на своей территории галстук и пытались сорвать такой же галстук у противника, одновременно не давая ему утащить свой. Или в другие подвижные игры.

Набегавшись, шли по домам. Дома обедали и выходили на улицу. Здесь уже были другие игры. Например – лянга. Национальная узбекская игра. В неё играли по 2,3, 4,5 человек, не более. По очереди подкидывали ногой кусочек бараньей шкуры с пластинкой свинца. Надо было определённое количество раз подкинуть лянгу, не

трогая её руками и не давая ей упасть. Играли и в пёрышки от чернильных ручек, пробками от бутылок, в «Чижика», в «казаки- разбойники», футбол и хоккей, в прятки, пятнашки, лапту и многое другое. Почти всё, оставшееся после школы время, проводили на улице. Других развлечений не было. По телевизору, наличием которого могли похвастаться очень немногие, по одной единственной программе, шли, в основном, политические передачи и скучные фильмы, причём по многу раз подряд.

К примеру, я помню, что одно время, наверно 3-4 месяца, по воскресеньям, шёл фильм «Павел Корчагин», то на русском, то на узбекском языках. Один раз посмотреть было интересно, но так часто... И конечно, мы играли в войну. В те времена, в семьях наличествовало по много детей. Нормально считалось иметь 3-4 ребёнка, а в узбекских семьях их было по 5-6 и более. На нашей улице -Проезд Калинина,

к которой примыкало ещё два тупика, на примерно 40 домов, приходилось, по крайней мере, не менее 50 подростков мужского пола, в возрасте от 11 до 16 лет. Малышей и более взрослых парней в расчёт не принимали. Имелись две, постоянно действующие, воюющие армии. Одна армия состояла из более взрослых ребят и их младших братьев.

В другой армии, где числился я, состояли младшие ребята и 3-4 парней постарше. Нами были вырыты укрепления в виде нор, на почти отвесном обрыве, высотой около 5 метров, оставшегося после наводнения, русла реки Ангрен, где мы держали оборону. Вражеская армия штурмовала наши позиции снизу, а мы отбивались камнями и комками глины, что было в общем довольно опасно, но тем не менее, я не помню случая, чтобы кто-то сильно пострадал, хотя шишки и синяки имели место.

Иногда враг добирался до укрепления и происходил рукопашный бой, где в ход шли деревянные мечи с нашей стороны и металлические сабли, выполненные из ободьев бочек, которыми была вооружена противная сторона. Часто мы терпели поражение и разбегались куда попало. Некоторых отлавливали в плен и «пытали», добываясь пароля. Только с наступлением темноты расходились по домам. Вра-

жеская армия имела «штаб» в од-
ной из многочисленных груд бетонных
плит, расположенных на дне бывшего рус-
ла. Эти плиты во время наводнения сбра-
сывали в бушующий поток, чтобы

разрез

К 2 1 2 1

рекрыть воду и пустить в сторону. Безобразные груды железобетона так и остались

Фото на фоне канала. Примерно 1968 год.

лежать, бесхозно и мы любили лазать в щелях между плит, устраивая там убежища и

схроны. Кто-то из наших и обнаружил вражеский тайник, где враги хранили секретное оружие. Это была пушка, изготовленная из трубы диаметром около 40 мм, на колёсах от детского велосипеда, которую они хотели применить против нас. Её смастерили старшие ребята и, даже провели испытания. Пушку заряжали порохом и дробью. В то время, почти у всех имелось дома огнестрельное оружие. Охотничьи ружья и малокалиберные винтовки свободно продавались в магазине, и многие жители занимались охотой в горах, где ещё водились кабаны, дикие козлы и бараны, лисы, медведи и промысловая птица – куропатки, кеклики. Поэтому проблемы с порохом не было. Я сейчас поражаюсь тому, что никто не додумался тогда, использовать ружья в наших битвах, а это было вполне возможно. Итак, пушку утащили и спрятали у меня в доме на крыше отдельно стоящего помещения летнего душа. Враг хватился пропажи и вскоре решительным штурмом захватил наши укрепления. Бой был отчаянным. Остатки нашей армии отступили на улицу, многие разбежались. Враг захватил много пленных, которые после пыток, выдали место нахождения пушки. Далее бой проис-

ходил уже в нашем тупике. Мы отчаянно оборонялись деревянными мечами, но они не могли противостоять металлическим саблям противника, которые были ещё и старше и сильнее нас. Уже полегли и сдались все, только я, наш командир и ещё 2-3 человека вскарабкались на крышу нашего душа, где и приняли последний неравный бой с превосходящими силами противника. Враг уже ворвался в наш двор, когда сражение остановил мой отец, вышедший на шум битвы. Враги забрали свою пушку и ушли. На этом война на нашей улице закончилась. В зимнее время, особенно в те редкие дни, когда выпадал снег, все улицы и тротуары превращались в ледовые катки. Ни о какой снегоуборочной технике не могло быть и речи. Только возле своих домов жильцы убирали снег, а на дорогах снег просто укатывался транспортом. Соцгород располагался на пологой возвышенности, таким образом, что перепад высот от самой нижней его части до верхней составлял порядка 70 метров. Главная трасса, по которой в основном проезжал автотранспорт и маршрутные автобусы, проходила в нижней части соцгорода и затем круто поднималась вверх по улице Кирова, от базара, пересекая несколько примыкающих улиц до перекрёстка с улицей Пушкина, что-то около 300 метров и сворачивала влево по этой улице, ведущей к центру и к нашей школе. Мы, подростки, скапливались у остановки автобуса перед базаром и прицеплялись к автобусу, едущему вверх, и он тащил нас до следующей остановки по скользкой дороге. Порой нас бы-

ло столько много, что автобусу не хватало мощности воло-
чить нас и он вынужден был останавливаться. Шофер выска-
кивал из кабины и разгонял нас. Но стоило ему только тро-
нуть, как мы вновь прицеплялись к нему. Доехав до вер-
ха, мы возвращались к базару, скользя на подошвах кирзо-
вых сапог или на коньках, кто имел таковые. Использовались
и санки, покупные и самодельные. Домой возвращались со-
вершенно промокшие, хоть выжимай. Что интересно, редко
кто простужался. Я сам, насколько помню, не болел ни анги-
ной, ни ОРЗ. Снежных дней зимой, было мало и весна при-
ходила уже в феврале. У нас с 7-го класса установилась тра-
диция – купаться 23 февраля, не взирая на погоду. А пого-
да в этот день обычно была солнечная, но было ещё доста-
точно холодно – 16-18 градусов тепла. Большею частью, мы
купались в канале, по которому текла река Ангрен. Канал
представлял собой железобетонный жёлоб трапецеидальной
формы. От плотины, перегородившей реку он тянулся при-
мерно 6-7 км, с небольшим уклоном, имея по дну ширину
около 10 метров, разделённый посередине барьером, высо-
той около полутора метров и ограничивался откосами, под
углом в 45 градусов, с тем, чтобы пропустить поток воды вы-
сотой метров 5-6. Далее, уже перед соцгородом, располагал-
ся, так называемый, первый водопад. Здесь канал переходил
в резкий уклон, наверно около 40 градусов и высотой до 20
м, здесь вода мчалась по этому спуску с бешеной скоростью,
после чего следовал прямолинейный участок с расширением

канала до 15-20 метров, ограниченному уже вертикальными стенками высотой 4 метра. Ещё через 3 км находился второй водопад, называемый гасителем, где вода также текла по уклону, но не столь крутому, ещё метров 15 и ещё раз расширилась до 50 метров, теряла свою скорость и переходила в обычное своё грунтовое русло. Особенно много воды текло весной, когда таяли льды в горах, до апреля. Глубина потока доходила до 3-х метров, а скорость порядка 4-5 метров в секунду. Купаться в это время, непосредственно в канале, было смертельным номером. При такой скорости воды не было возможности зацепиться и влезть на гладкий откос под 45 градусов, зато очень вероятно попасть в водопад и разбиться насмерть, причём тело, раньше, чем за гасителем, выловить не удастся. Тогда мне часто снились страшные картины, когда я попадаю в поток и лечу по водопаду. Тем не менее, подобных случаев не происходило. Купальный сезон в канале начинался в апреле, когда уровень воды падал до полутора метров и открывался срединный барьер, на который всегда можно было влезть и вернуться по нему вверх по течению. А летом и вовсе глубина доходила до одного метра, и вода текла совсем медленно. У троих моих друзей, матери работали медсёстрами и у них дома всегда имелся медицинский спирт. Мы брали с собой на пятерых грамм 300 и шли на канал, до места впадения в него небольшой речушки, которая существовала только весной, а летом пересыхала. В этом месте имелась небольшая бухта шириной метров 7. Пройдя

выше неё на несколько метров мы ныряли в обжигающе холодную воду канала и плыли по течению, заплывая в эту бухту. Вода была кристально чистая и раскрытыми под водой глазами, мы видели мчащееся под нами бетонное дно канала и множество рыбок, находящих убежище в бухточке. Затем мы выскакивали из холодной воды и растирались своими рубашками. Затем принимали по 70-80 грамм спирта и шли домой. С наступлением жары, где-то с середины апреля, основная часть свободного времени проходила вблизи воды. А уж во время летних каникул, мы только и купались.

Ещё будучи в возрасте 7-12 лет, у нас было одно весьма своеобразное место для купания- небольшой пруд рядом с инфекционной больницей. Глубина его была не более полутора метров, а размер около 15 метров в диаметре. Вода там была обычно мутная, дно илистое, а вокруг прогуливались и отдыхали, от нечего делать, больные.

Тут же рядом располагался большой туалет на 5 очков, что было необходимым для учреждения подобного профиля. Большая часть больных страдала дизентерией и поносом. Как-то, туалет этот, был снесён и мы, выломав пол туалета, использовали его, весь загаженный, вместе с очками, в качестве плота. Я представляю, что думали больные, видя нас плавающими на этом плавсредстве, потому что они ругали нас и плевались от омерзения. И всё-таки, никто не заболел, хотя купаясь, часто приходилось заглатывать нечаянно воду пруда. Единственно, у меня однажды, появилась какая-то

сыпь на теле. Я показал её матери, и она помчалась со мной в эту больницу. Как оказалось, это был, так называемый, розовый лишай – не серьёзное заболевание, которое быстро исчезло, после нескольких дней смазывания каким-то лекарством. Летом, мы дети, наверное, лет до 13, ходили обычно босиком и в одних чёрных сатиновых трусах. Жара стояла до 40 градусов и мы, не обременённые одеждой, купались в самых неожиданных местах. В фонтане, у дворца горняков, в центре города, причём и загорали прямо на площади, несколько не стесняясь прохожих. В любом бассейне, где глубина была хоть до колен, в парке и доме пионеров, в арыках.

Уже после 12 лет мы начали ходить на озеро Наугарзан, вода из которого впадала, чуть ниже плотины, в канал. Идти туда было далеко, наверное, около 10 км, через угольный

разрез и вдоль канала. Обычно выходили с утра, взяв с собой кусок хлеба. Озеро было небольшое, в него впадала одноимённая речка. А славилось оно чистотой воды и

отличным песчаным пляжем. В жаркие летние дни, там было полно людей. Мы купались там до одурения и до тех пор, пока голод не начинал давать знать о себе.

Тогда мы отправлялись обратно. Бросали жребий, и кто-то один или двое, брали нашу одежду и шли пешком, остальные же, плыли по каналу до самого соцгорода, почти 6 км, вылезая перед первым водопадом. Там дожидались одежду и шли домой. Были и другие места для купания. Поразительно, что в то время, в арыках, речках, озёрах, повсюду текла чи-

стая, прозрачная вода. Сотни родников встречались по пути к озёрам и вдоль канала. Вода там была чистейшая и необычайно вкусная. И даже в ручейке шириной в 5 см, встречались рыбки. Уже в 80-е годы, такой картины не наблюдалось.

Почти все ручейки и озёрца исчезли, а вода в канале стала мутной. Возможно это объясняется экологическим загрязнением, а больше я не могу ничего придумать. Чистая вода сохранилась только в реке выше плотины на несколько километров и в горных речках-саях, вдали от жилья. Лет с 14 мы начали выезжать на велосипедах к реке Ангрен, выше плотины. Мы брали с собой удочки и там ловили рыбу и купались. В реке водилась рыба под названием «Маринка». Узбеки называли её Мазар-и-балык, что в переводе означало: «Кладбищенская рыба». Называлась она так потому, что на внутренней поверхности рыбы имелась чёрная ядовитая плёнка. И если рыбу сварить с этой плёнкой, то вполне можно умереть, съев её. Так же ядовита и чёрная икра этой рыбы. Едят эту рыбу без последствий, только вороны и змеи. Но плёнку эту, очень легко удалить и тогда она может употребляться без проблем, в варёном и жареном виде. А размером она достигает до полуметра. Кроме неё, водятся пескари, бычки, вьюны, изредка, туркестанский сом. Мне, в конечном итоге, понравилась ловля рыбы голыми руками. Большинство горных рек-саев, имеют незначительную глубину, при достаточной широте и скорости течения. На особо широких перепадах, где глубина бывает ниже колен, а скорость воды высока,

рыбы удерживаются под камнями.

Здесь, идя против течения, необходимо обшаривать крупные валуны, находя норки и всовывая туда руки. Очень часто там находятся одна и более рыб, хотя имеется опасность схватить водяную змею, что имело место не раз, но к счастью обошлось без укусов. И вот, нащупав рыбу, пытаешься её схватить, а она скользкая и юркая, уходит в глубь норки. Возникает, ни с чем не сравнимый, азарт. Приходится порой с головой уйти под воду, протягивая руку всё дальше. Хорошо, если у норки нет противоположного выхода, тогда рыба, забившись в самый угол, бьётся и пытается проскользнуть сквозь пальцы и часто уходит, вызывая жестокое разочарование, но какая радость охватывает тебя, когда после тяжёлой борьбы, удаётся всё-таки, схватить её за жабры и вытащить на берег. Обычно, в таких местах, попадаются довольно крупные, длиной в 20-30 см рыбы, не идущие в сравнение с пойманными на удочку, мелкими пескарями. Обычно мы там же и варили пойманных рыб и съедали, также и приносили домой. А ещё, хорошим местом для ловли рыбы, являлся участок канала, от подножия первого водопада до второго. Здесь, в летнее время, вода едва перекрывала щиколотки, а по дну канала было разбросано множество крупных камней, под которыми прятались рыбы. Некоторые рыбы достигали таких размеров, что их спина высовывалась из воды. Рыбы предпочитали этот участок из-за того, что вода, падая с высоты, устраивала буруны и завихрения в месте её перехода

в горизонтальное течение. Здесь происходило особенно интенсивное её обогащение кислородом, что привлекало маринок, которые относятся к семейству форелевых и водятся только в чистой и проточной воде. Здесь мы применяли другую тактику. Два человека с обычными мешками из-под картошки, вставали рядом и держали мешки растянутыми в ширь, двигаясь против течения. Другие же, пройдя выше по течению, шли вниз пугая рыбу, которая спасаясь от загонщиков попадала в мешок. Это занятие настолько нравилось нам, тем более, что этот участок канала проходил совсем рядом с домом, что мы по несколько часов кряду, бродили по воде, пока ноги не одеревенеют. Именно здесь мы ловили самых крупных рыб, некоторые достигали 60 см.. Очень часто мы относили живых рыб к моему другу Клыге, у которого во дворе был устроен пруд и выпускали их туда. Но однажды он объявил, что утки забрались в пруд и съели всех рыб. Он был пройдоха и поэтому я считаю, что он скорее всего вынес на базар и продал их, чем предположить, что утки могли съесть полуметровую рыбку. Но тогда мы ему поверили. У нас в доме по выходным дням, если случалось обедать всем вместе, принято было пить водку или вино, притом наливали всем, даже мне, начиная лет с семи. Отец пил прилично, особенно по выходным. А в будние дни, бывало, выпивал со своим непосредственным шефом. Может быть по этим причинам, я начал понемногу привыкать к «зелёному змию». Кроме того, питьё спирта, после купания с друзьями,

стало привычным занятием и без купания. У нас дома всегда водилась выпивка, притом отец иногда доставал некоторые импортные напитки, вроде французского коньяка, Баккарди, рома и т.п. Красивые этикетки вызывали интерес, и я часто пробовал их.

А пиво стояло ящиками. Первый раз я напился пьяный на своё 14-тилетие. Я пригласил в гости двух своих друзей-Клыгу и Тюрина. В магазине, как раз появился в продаже Гаванский ром, на этикетке которого был изображён негр в лодке. Крепость напитка была 60 градусов. Я прикупил ко дню рождения бутылку 0,7 литра. Начитавшись пиратских романов, где пираты пили ром, как воду, мы, подражая им, стали пить по полстакана. Неокрепший детский организм не выдержал, и мы отключились.

Клыга ушёл домой, в невменяемом состоянии, в одних носках. Перед уходом он обнимался с нашей собакой Богатырём, чего не мог себе позволить ни один чужой человек, так как она не признавала никого. Для того, чтобы кто-то прошёл в дом, её приходилось запирасть. А тут она не тронула его, видимо поняла его состояние. Мы же с Тюриным ползали по комнатам и всюду блевали. Дома находилась одна моя сестра Люда. Ей пришлось вызвать свою подругу, чтобы справиться с нами. Наконец мы утихомирились и забылись в тяжёлом сне. Очнулись только через 6 часов, поздно вечером. Кстати, от питья этого рома, в том месяце, у нас в городе отравились и умерли два человека. Я сильно болел па-

ру дней и дал зарок больше не пить. И действительно я не пил ничего, кроме лимонада около полугода. В 1966 году закончила 11-ти летку Люда. Ей не повезло в том плане, что в этом году произошла реформа школьного образования. С 11 летнего обучения переходили на 10 летнее. В этом году выпустили сразу 2 класса, поэтому и число выпускников было в два раза больше. Поступить в ВУЗ стало большой проблемой. Люда тоже поехала в Саранск и поступила в МГУ на факультет физики и математики. Мы остались втроём. В том же 1966 году произошло знаменитое Ташкентское землетрясение. Трясло и Ангрэн, но не так сильно. В Ташкенте землетрясение вызвало разрушение тысяч зданий. Погибло много людей, но официальная пресса называла другие цифры. По её данным, погибли несколько человек. Город наводнили войска, въезд туда запретили до тех пор, пока военная техника не разгребла руины зданий и не навела некоторый косметический марафет.

Рухнули такие известные здания, как знаменитый цирк, ЦУМ, ресторан Зеравшан. Наиболее пострадали глиняные постройки старого города. Многие люди оставшись без крова продавали свои пожитки, чтобы было на что прокормиться. Я, приезжая в то время в Ташкент, сумел купить с рук очень много хороших книг. Со всех концов СССР съехались строители и начали возведение новых кварталов. Каждая республика внесла свой вклад в строительство нового Ташкента. Город преобразился неузнаваемо и

приобрёл свой новый неповторимый облик, когда каждый квартал имел черты архитектуры присущей той республике, которая его строила. В 8-м классе к нам прибыл новый, молодой преподаватель физкультуры. Я в то время представлял из себя здорового увальня. Обнаружив во мне какое-то призвание к спорту, он предложил мне заняться в секции лёгкой атлетики метанием диска и толканием ядра. Превозмогая свою лень, я всё-таки начал посещать секцию и заставлять себя, под руководством тренера, учиться премудрости этих видов спорта. Конечно приходилось для разминки бегать и прыгать, подтягиваться и выполнять другие упражнения. Понемногу я вошёл в колею. Уже в этом году я занял первые места по этим двум видам на городских соревнованиях между юниорами 30-ти школ. А весной следующего года, впервые выехал на региональные соревнования в город Чирчик. Мы жили больше недели в гостинице и соревновались с другими городами. Я занял призовые места и приехал домой победителем. Начиналась моя спортивная карьера. Далее всё пошло по обычной схеме: тренировки после уроков, городские соревнования, выезды на отборочные соревнования в Чирчик или Ташкент, выезд на сами соревнования. Неделями я бывал в отъездах, всё меньше времени оставалось для учёбы. Но тем не менее я учился очень хорошо. Особенно значительными были успехи по математике, где учителю приходилось давать мне индивидуальное задание на дом, по черчению – почти весь класс перекопиро-

вал мои работы, по литературе- мои сочинения учительница всегда зачитывала вслух перед классом, географии- мне поставили пять с плюсом, истории и конечно по физкультуре, я прыгал выше и дальше всех, прекрасно плавал и бегал, хорошо играл в футбол. Спорт помог мне стать незаурядной личностью в школе и городе. Я обрёл прекрасную спортивную форму и на меня стали заглядываться девицы. К 10-му классу у меня сформировался особый тип поведения. Я вёл независимый образ жизни, образцом для подражания у меня были книжные герои – Атос, из «Трёх мушкетёров», пиратский капитан Бернардино Луис эль Гора, из книги «Наследник из Калькутты», граф Монте-Кристо, короче благородный идалго. Я не поддавался ничьему влиянию и не стремился вливаться в какие-либо компании, где верховодили некоторые школьные авторитеты. Напротив, ко мне, как к лидеру, примкнули некоторые одноклассники, составив свою группу. Благодаря своему мягкому характеру, я со всеми сохранял дружественные отношения. Но это явилось и некоторым отрицательным моментом в моей жизни. И тогда и в будущем, ко мне льнули некоторые, обиженные жизнью изгой, которые не находили понимания среди других компаний. Так в свою группу я принял отринутого, всеми обижаемого, постоянно битого Пономарёва. Характер у него был не очень приветлив, а к тому же он был несколько полноват и имел кличку «Боров» или «Кабан». Я же отнёсся к нему снисходительно, приняв его в число своих дру-

зей, за что и потерпел не однажды. Не знаю почему, но он многим не нравился и стоило только ему показаться на людях, как обязательно назревал скандал и ему попадало. Я ему внушал, чтобы он хоть раз постоял за себя. И как-то раз он действительно, придя со мной купаться на канал, дал сдачи одному своему недругу, который постоянно избивал его. После этого случая к нему стали относиться более уважительно. Наверное, в 9-м классе к нам перевели из параллельного 9-го «Б» Простякова Валеру, который слыл очень дерзким и хулиганистым парнем. В целом он был достаточно умён, но имел какой-то авантюристичный характер. В своём классе он создал группировку и, подавая пример, всячески третировал учителей, подбивая своих сторонников на конфликтные ситуации. Наш класс отличался дружелюбием и учителя посчитали, что Простяков изменит свой характер, под нашим влиянием. Но они жестоко просчитались. Имея все задатки лидера, он через короткий срок сколотил и в нашем классе группу подражателей, которые прямо-таки восторгались его дерзкими выходками. Не бросил он и своих друзей из 9-го «Б». Организовалась значительная группа из десятка человек, которые в какой-то мере терроризировали остальных. Простяков был за главного, остальные подчинялись ему, а в шестёрках у него ходил здоровенный, но весьма ограниченный умственно, Абушаев Наиль. Ко всему, почти у всех имелись старшие братья, на которых они полагались. И вот, осенью 1968 года,

На сборе хлопка. 1968 год. Я с фартуком на животе, стою.

старшие классы школы были посланы на уборку хлопка. Вообще хлопок слыл самым главным достоянием республики. В связи с недостатком техники, на его уборку ежегодно привлекались все студенты, учащиеся старших классов и рабочие. За всю свою жизнь в Узбекистане я не пропустил ни одного года, чтобы не поучаствовать в этом мероприятии. Как и следовало ожидать, Простяков невзлюбил Пономарёва и начал к нему придираться. Я встал на его защиту. Тогда группа Простякова решила проучить меня и моих друзей. Брат одного из сторонников Простякова, для простоты

я буду его обозначать П.В., позвал своего старшего брата, который с группой таких же хулиганов, должны были прийти к нам и вместе с П.В и его шестёрками избить нас. Дело принимало зловещие очертания. Пономарёв и ещё некоторые мои друзья ушли куда-то и попрятались. Я остался с Соколовым вдвоём. Тогда я произнёс речь перед остальными ребятами из нашего и параллельного класса, которые не входили в группу П.В., в которой призвал всех покончить с тиранией П.В и объединиться для отпора этих, потерявших меру, подонков. И мне удалось убедить их. Мы собрались всемером в нашем расположении – классном помещении сельской школы, где мы ночевали. П.В сам испортил своё торжество. Не дожидаясь подкрепления, он и его шестёрка Наиль, войдя в помещение и увидев, что я один, на Соколова они не рассчитывали, думая, что он не станет ввязываться в разборку, решили вдвоём побить меня. Я встал против П.В, но не мог первым ударить, воспитание не позволяло поднять руку на человека. И тогда, стоящий сбоку Наиль, врезал мне в лицо. Я совсем не ожидал этого и пропустил удар.

У меня хлынула кровь из носа, и я согнулся, чтобы не испачкаться в ней. И тут ребята кинулись на них. Обоих свалили и начали бить, но тут в комнату ворвался преподаватель физкультуры и прекратил драку. Велев нам ждать, он отправился за

директором школы. Тут как раз подошли все остальные наши враги с прибывшей группой поддержки. Но было уже

поздно. Старший брат друга П.В., со своими сторонниками, быстро ретировались. А оба наших класса, директор собрал вместе и начал разборку. Надо сказать, что в то время, когда мы ждали директора школы, П.В.,

почувяв, что ему теперь не поздоровится, попросил меня, чтобы я взял на себя всю вину за произошедшее. Но я категорически отказался. Тогда он попросил прощения,

мотивируя тем, что его сейчас, с учётом всех его былых заслуг, могут выгнать из школы и даже завести уголовное дело. И я великодушно простил его. Директор, даже обрадовался, что я не таю злобы на П.В и не собираюсь давать делу ход. Конечно директору не хотелось быть виноватым в том, что произошло ЧП и после короткого разбирательства, решили оставить всё в тайне. Простяков ещё раз попросил у меня прощения, перед всеми собравшимися. После этого случая он и его компания, значительно умерили свои амбиции и в дальнейшем вели себя не так вызывающе. Меня, во всяком случае, больше никто не трогал и П.В. относился ко мне почти по-дружески. Зато я неделю ходил с залитым кровью глазом. Наша школа пробыла на хлопке всего неделю. Высокопоставленные родители устроили отзыв школы, и мы приступили к занятиям. Летом 1968 года я поехал в гости в Саранск к своей сестре Люде. Поселился в общежитии и ждал, пока она не сдаст

Алушта 1968 год.
Клуб Дельфин.

сессию. А потом поехал с ней и группой аквалангистов Университета, где она состояла членом, на Чёрное море. Это была незабываемая поездка. Мы поселились в палатках на склоне горы у города Алушта. Впервые в жизни, я уехал так далеко от дома, предоставленный самому себе. А Чёрное Море? Это же был предел желаний для советского человека того периода. Конечно, тамошний сервис был невообразимо далёк от западных образцов. Но советский человек привык к трудностям. Самое главное – это купаться и загорать. Многие люди кроме этого проводили свой отпуск активно отдыхая, что выражалась в посещении ресторанов и танцплоща-

док, экскурсий и т.п. Но группа студентов-аквалангистов не располагала достаточными средствами и мы поселились «диким» образом, вдали от шума города, как поступали тысячи других «дикарей». Нас было человек двенадцать, все студенты из разных факультетов, которых объединяла общая любовь к воде. У нас был и старший – совсем ещё молодой преподаватель того же университета. В одной палатке разместились 10 человек, а шеф в отдельной маленькой палатке, которую делили с ним по очереди две девушки из семи имевшихся. Я не был полноправным членом команды, хотя плавал нехуже любого из них. С утра, после завтрака, все, кроме двух дежурных, которые, оставаясь в лагере, должны были приготовить обед и ужин, отправлялись на берег моря, прихватив с собой 5-6 аквалангов. Обычно мы располагались на диком побережье, вдали от пляжа.

Кто-то отправлялся под воду, а другие просто купались и загорали. Из подводных прогулок приносили крупных крабов и раковины рапанов. Крабов варили и ели, а рапанов выковыривали из раковин и оставляли последние себе в качестве сувениров. Рапаны водились на глубине не менее чем восемь метров и глубже. Тем не менее очень скоро я научился нырять на глубину до 10 метров и сам набирал рапанов. Однажды один такой нырок чуть не кончился для меня плачевно. Нырнув под воду, я вдруг решил побродить по дну пешком, потом попытался сидеть. Только через какое-то время я начал всплывать и вдруг понял, что мне уже не хва-

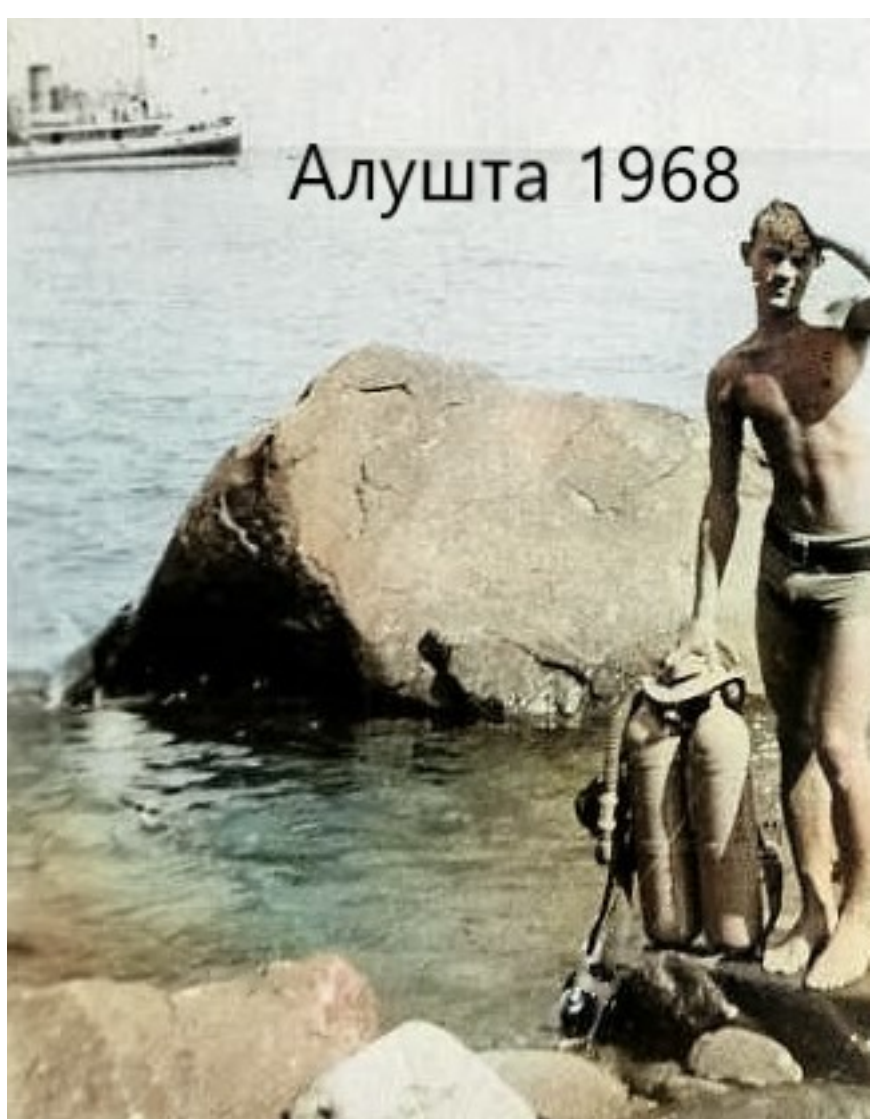
тает воздуха, а до поверхности ещё плыть и плыть. Отчаянными рывками я поднимался вверх и никак не мог выплыть. Уже прощаясь с жизнью, я, не знаю, как, всё-таки вынырнул.

Я не мог отдышаться и долго лежал на спине в воде, пока не пришёл в себя. Да, это был рискованный, опрометчивый поступок. Море не любит шуток. Иногда мне давали аква-ланг, уже почти пустой, и я плавал с ним вблизи берега. Почти месяц пролетел незаметно, и мы с Людой, распрощавшись с друзьями, уехали в Ангрен. Как было потом мне интересно, когда после приезда домой, я поехал на турбазу и купаясь в небольшом озерце, образованном в ущелье из перегороженного сая, нырнул на дно, а там было не более 4-х метров глубины, почувствовал себя в тесной клетке, да ещё и вода пресная. Но постепенно привык. Громадное значение в те времена и до самой перестройки конца 80-х годов, представляло кино. Не имея тех видов развлечений, которые имеет молодёжь в настоящее время, кино поль-

зовалось небывалой популярностью. Учитыва-
вая ещё и тот фактор, что би-
лет в кино стоил довольно дешё-
во — от 10 копеек для де-
тей до 14 лет, до 45 копеек мак-
симально. А в среднем, он доставал-
ся обычно в 25-30 копеек. У нас
в Соцгороде, было 2 летних кинотеатра
и один большой зимний, при двор-
це горняков. В кино ходили все.
И просто так, от нечего делать,
и как выход в свет, и об-
щение с культурой. А для влюб-
лённых, кинотеатр был местом свидан-
ний. Мы посещали кинотеатр при пер-
вой возможности, особенно если шёл но-
вый фильм. Бывало, часто сбегали с
уроков или упрашивали учителей отпу-
стить нас. А как откровенно пере-
живали за героев и захлёб дели-
лись впечатлениями! Как хотели похо-
дить на героев фильмов и подра-
жали им во всём! Особенное стол-
потворение творилось, во время пока-
за зарубежных фильмов. Билеты бра-
ли с боем. Я кстати всецело под-

держиваю ту политику, которую проводило правительство в отношении проката зарубежных фильмов. Не допускались к показу те фильмы, в которых присутствовали сцены насилия, кровожадности. Фильмы обычно пропагандировали честность, дружбу, настоящую (без постельных сцен), любовь, самоотверженность и патриотизм. Я думаю, что развал СССР и сегодняшний разгул преступности, в немалой мере обязан прекращению цензуры кинопродукции. В результате мы и имеем сейчас то

Алушта 1968

копробное видео, которое учит нынешнюю молодёжь, так называемым, ценностям западного мира – кровавым разборкам, насилию, наркомании и пьянству, порнографии и т.п. то есть деятельности, которая не имеет ничего общего с нами, национальными традициями и которая является скрытой формой войны Запада против России и притом весьма успешной. До сих пор, на этом фронте, Россия терпит тотальное поражение.

Примерно с 7-8-го класса во мне начал просыпаться интерес к противоположному полу. Безусловно, в нынешнее время, молодёжь, наученная современными фильмами, журналами и тем беспределом, который царит в обществе и более того, постоянно пропагандируется по телевизору, в сексуальном плане, развита неизмеримо выше, чем тогдашнее поколение и начинает половую жизнь гораздо раньше. Эту тенденцию я, к слову, не одобряю. Но тогда, отношения с девушками, были совсем другими. Как говорил мой двоюродный брат Иван, которого я очень уважал за его ум и порядочность, мы действительно были не подготовлены в этом плане. Я до 10 класса был полным профаном в отношениях с прекрасным полом. Я влюблялся в героинь фильмов, одноклассниц и знакомых, но не знал, что мне с этим делать. Я можно сказать, панически боялся короткого общения с девушками, вёл себя скованно и

неуклюже. К 10-му классу у меня выработался опреде-

лённый тип поведения. Я делал вид, что абсолютно равнодушен к женской красоте. Старался избегать сближения и, показной грубостью, старался скрыть приязнь к той или иной особе женского пола, к которой я чувствовал влечение. Даже целоваться я не умел и этому меня научила одна знакомая, весьма разбитная девица, мать которой, приходилась очень дальней родственницей моей матери, и они изредка заходили к нам в гости. До зимы 1968 года я безответно и тайно был влюблён в свою одноклассницу, которая в то время была комсоргом нашего класса. Одно время я таким же образом любил другую одноклассницу, кореянку Тому и даже один раз поцеловал, с её согласия, на классной вечеринке, которые мы неоднократно устраивали, поскольку хождения на танцы в нашей школе, не одобрялись и даже считались постыдным явлением, достойным только низших племён, учившихся в других школах и не принадлежавших нашему избранному сообществу. Эту привычку я сохранил и в последующие годы. Никогда я не ходил на танцы и не уважал тех, кто не разделял моего мнения в этом отношении. Но, как я уже ранее отмечал, мои успехи в спорте, независимое положение и своеобразная, ни с кем не сравнимая, манера поведения, выделяли меня из общей толпы, и я часто замечал, что многие девушки бросают на меня призывные взгляды.

Даже некоторые старшеклассницы, из числа записных красавиц, начинали шушукаться, когда я проходил мимо них

по коридору. Но только с переходом в 10-й класс мне удалось, в некоторой степени подавить в себе чувство неполноценности и несколько расслабиться, заметив наконец, что большинство других моих сверстников, не обладая никакими достоинствами, нисколько не страдают от этого и, более того, весьма уверенно обращаются с девушками, без труда находя себе подруг. И я тоже начал искать себе подходящий объект. И как я был поражён, когда мне стали прямо указывать, что мною заинтересовалась одна из самых красивых в школе девушек – Сулова Наташа, дочь председателя горисполкома или, как говорят сейчас, мэра города. Она училась в 9-м классе и имела своей подругой ещё одну красавицу – гордую и недоступную Наташу Якушенко, безответно влюблённую в моего друга Тюрина (как это выяснилось через несколько лет). Тут и я обратил внимание, что подруги, каждую перемену, норовят проводить у дверей нашего класса, чтобы лицезреть меня и Тюрина.

Я конечно был чрезвычайно польщён таким вниманием, но одновременно и растерялся, не зная, что мне делать со свалившимся на меня сокровищем. Я не знал, каким образом и где, мне лучше заговорить с Суловой, поскольку наши встречи ограничивались временем перерывов между занятиями и стенами школы, а назначать ей свидание я не решался. Мы только и могли, что переглядываться. Но вот подошёл новый 1969-й год.

В школе имел место, новогодний вечер с танцами. Я

несколько раз приглашал Н.С. на танец и наконец набрался смелости, признаться ей в любви (я сделал это признание не совсем от чистого сердца и в дальнейшем больше никому и никогда не говорил таких слов). Реакция была мгновенная, она повисла на моей шее, со счастливой улыбкой.

Я предложил ей покинуть вечер и пойти погулять. Для конспирации, я ушёл раньше её, и мы встретились недалеко от школы. Я до сих пор помню тот морозный вечер, запах её шубы и духов. Мы бродили по задворкам и беспрерывно, неумело целовались. Потом я проводил её домой и пошёл к себе, весь в раздумьях. Безусловно, я ещё не созрел для большой любви. В дальнейшем мы встречались не часто. В школе, делали вид, что не знаем друг друга. Я ни с кем не делился своими впечатлениями, оставляя свою связь с Н.С. в тайне от своих друзей. Мне почему-то было неудобно перед ними.

Конечно, о наших отношениях знали все, но тоже молчали, проявляя солидарность. Вот такие были раньше времена и нравы. Это сейчас считается нормальным, что мальчик и девочка любят друг друга и проводят время вместе, порой уже лет с 13-14, выставляя напоказ свои отношения. Про это показывают в кино и пишут в книгах. Советская мораль признавала любовь, только после 18 лет. Считалось, что школьники, до самого выпуска, остаются детьми и между ними не может быть никаких связей, кроме дружбы или общественных отношений. Эти догматы вбивали нам в голову с детства.

довского возраста. Я очень небрежно относился к своей подруге. Почти все встречи с ней происходили по её инициативе. Я обычно бывал очень занят. Или проводил время с друзьями, или читал книги, или занимался спортом. Довольно скоро мне прискучили гулянья по тёмным переулкам, а придумать что-либо другое я не мог. Показаться на людях с девочкой, мне было стыдно. К тому же, у меня появились другие увлечения, так что наши отношения стали казаться мне обузой. Только гораздо позже я понял, как она страдала, искренне любя меня. И она оставила в моём сердце незаживающую рану, всё-таки я любил её, но не мог тогда этого понять и поэтому, потерял её из-за своей инфантильности и невежеству. Той же зимой нас постигла беда. Мою мать арестовали и посадили в тюрьму. Она уже достала всех. Открыто называла в письмах крупных руководителей ворами, фашистами и т.п. Ко всему этому добавился такой эпизод: нам было необходимо получить разрешение на регистрацию своего дома, построенного в Ташкенте в 1968 году, по улице Фонтанной, для чего необходимо было дать взятку работнику райисполкома. Мать обратилась в милицию и, в момент передачи взятки, этого деятеля взяли с поличным. Но оказалось, что у него очень высокопоставленные друзья (сейчас это называют «Крышей»). Дело о взятке зависло, зато была дана команда разобраться с матерью. Её взяли прямо на улице – попросили сесть в машину и отвезли в тюрьму. Дома провели обыск и «обнаружили» листовки антисоветского

содержания, которые нагло подложили на видное место. Мы с отцом остались вдвоём. Возможно, все эти перипетии, повлияли на меня, и я стал неумеренно пить. Дошло до того, что в моём портфеле постоянно находилась фляжка с водкой, откуда я на каждой перемене выпивал по 30–40 грамм. А дома я пил пиво, по 10 бутылок за вечер.

Не удивительно поэтому, что к весне 1969 года у меня давление составляло 180/90, а руки тряслись так, что однажды, вызванный к доске на уроке химии, я не смог перелить реактивы из одной посуды в другую. Ко всему этому, собираясь после школы поступить в военное училище, никак не мог пройти через терапевта, который забраковывал меня из-за гипертонии. Мне выписали таблетки и пролечившись три месяца, мне удалось снизить давление до нормального, хотя пить я не бросил.

Расскажу ещё об одном интересном факте, который весьма подпортил мою будущую карьеру. Наверное, в 9-м классе я основал некую партию, которую назвал «Партией нейтралитета». В неё вошли все мои друзья и ещё один одноклассник, кстати его мать была работником горкома, по имени Виктор, он ещё сыграет немалую роль в моей жизни через десять лет. Всего нас было 5 человек, а занимались мы тем, что бойкотировали все общественные мероприятия и не вступали в комсомол.

Так получилось, что я, при своей принципиальной позиции – отличаться от серой массы хоть чем – то, не вступил в

комсомол в 8-м классе и своим примером, подвиг на это дело своих товарищей. В то время, когда все наши одноклассники бурно участвовали в общественной жизни школы, устраивали собрания, какие-то разборки, самодеятельность, я, в противовес им, также начал устраивать заседания своей партии, где клеймил позором существующую в то время показуху в деятельности партийных и комсомольских органов, а также доказывал необходимость личного самоутверждения индивидуума, в отрыве от рабского подражания массе, которую я называл стадом баранов, следующим за козлом – вожаком, в свою очередь, направляемым ловкой рукой правителей государств, не важно каких, и социалистических, и капиталистических.

Тем не менее, у меня назрела необходимость вступить в комсомол, так как военкомат требовал у меня комсомольскую характеристику. Весной 1969 года я подал заявление в комсомольскую организацию, с просьбой принять меня. Собрав рекомендации, я был вызван на комсомольское бюро школы. Секретарём бюро в то время, состояла молодая завуч школы, еврейка, по фамилии Бочарова, всегда очень броско одевавшаяся. Все её пальцы были в кольцах, в ушах серьги, на шее ожерелье.

Я же, по случаю у нас в тот день урока физкультуры, был одет в простецкие брюки и спортивную майку, чтобы не переодеваться. К слову замечу: одевался я обычно не по моде, но аккуратно. Брюки я не покупал в магазине, а всегда зака-

зывал себе в ателье мод, начиная ещё с 7-го класса и гладил их сам, а рубашку носил обычно офицерскую, которую покупал в Ташкенте, в магазине Военторга. А туфли у меня и вовсе были английские, каких не было ни у кого, с британскими львами на подошвах, купленными за 45 рублей, что составляло тогда немислимую сумму. Многие мои сверстники носили самодельные брезентовые тапочки, покупая их на базаре за 1 рубль. Особенно были распространены китайские кеды по 4 рубля. И вот я стою на ковре, а передо мной сидят члены бюро. Я ответил на все вопросы и было уже подано предложение, о приёме меня в ряды ВЛКСМ. Но тут, с возражением выступила Бочарова. Несомненно, она была в курсе об аресте моей матери, хотя я никому об этом не говорил. К тому же, в то время, имелись неоднозначные указания КПСС об отношениях к родственникам лиц, выступающих против политики партии и правительства, которые пресекали всякие возможности последних, сделать хоть какую-то карьеру. По этому поводу существовал даже особый пункт в любых формулярах, заполнения которых, требовалось при всяком изменении общественного или социального статуса, приёма на работу, переезда и т.п.

Безусловно, эти указания носили секретный характер, поскольку существовал широко рекламируемый постулат о том, что при социализме «сын за отца не ответчик». И напротив, всегда подчёркивалось, что в странах капитализма, на родственников «политических» устраиваются гонения, су-

ществует запрет на профессию и т.д.

Вот и в этом случае, Бочаровой необходимо было не допустить моего приёма в ВЛКСМ, для чего ей приходилось найти какую-то причину, не связанную с политикой. Единственно, к чему ей удалось придаться, так это к моей одежде. Она высказалась в том духе, что я явился на такое торжественное мероприятие в затрапезном виде, то есть проявил неуважение к членам бюро, а в их лице и к самому ВЛКСМ. Я вспылал и наговорил грубостей, в результате чего моя кандидатура, не прошла. Я вышел оттуда глубоко обиженный и решил, что уж как-нибудь переживу без комсомола.

Приближалось лето 1969 года, а с ним и выпускные экзамены. Ещё один раз довелось мне провести день с Н.С. Собрались три пары, братья Мерцаловы, дети главного инженера шахты 9 и я, все с подругами пошли в горы. Прошли километров 15 и разбрелись вдоль реки Ангрэн. Я даже не мог найти общей темы для разговора с Н.С. и мы в общем, только бесцельно просидели с ней у реки. Вернулись вечером и по домам.

Я даже был раздражён тем, что потерял день впустую. И вот закончились уроки и пришло время сдавать выпускные экзамены. Первым экзаменом было сочинение. Уж этого я не боялся. Написал сочинение на вольную тему, сейчас и не припомню про что и одним из первых сдал. Позже узнал, что отметки самые высокие. Больше сдавать не пришлось, так как срочно выехали на соревнования в Чирчик. Занял второе

место в республике по метанию диска, а вот с ядром вышла неудача – все три попытки не засчитали. Соревнования закончились и все уехали по домам. А я и ещё кто-то, остались. Не хотелось ехать, потому что мы, могли успеть на экзамены, а этого хотелось избежать. Тут подвернулся знакомый тренер из Ангрена. Оказывается, здесь же, параллельно нам, проводились республиканские соревнования между профтехучилищами, так называемые «Трудовые резервы». Как выяснилось, в команде недоставало спортсменов по некоторым видам, а именно: по тройному прыжку, прыжкам в высоту и бегунов на эстафету 4 по 100. Мы согласились выступить за них, правда под чужими фамилиями. Вечером слегка потренировались, так как тройным прыжком никогда не доводилось прыгать, ну а в высоту и 100 метров у меня получалось не плохо. Ещё три дня протянули. Надо сказать, что выступили очень даже хорошо. По прыжкам, тройному и в высоту, я занял два вторых места в республике, хоть и под чужой фамилией, но приятно. Тренер обещал устроить мне выезд на всесоюзные соревнования в Ереван, осенью этого года, если я никуда не уеду.

Больше тянуть было невозможно, и мы вернулись в Ангрэн. Все экзамены уже закончились, но меня всё-таки заставили сдавать физику, персонально. Всю ночь я готовился, прочитал три тома учебника физики под редакцией Пёрышкина Чтобы не заснуть,пил кофе и чифир. Утром пришел на экзамен и передо мной разложили билеты. Мне конечно

попался плохой билет и я, кое-как, вытянул на тройку.

По всем предметам, от сдачи которых меня освободили, мне поставили тройки, что меня несколько разочаровало, так как я заслуживал гораздо большего, но в целом аттестат был немного выше среднего. Это меня вполне устраивало, поскольку в те времена ещё не учитывали средний балл аттестата при поступлении в ВУЗы. На этом заканчивалось моё детство. Через несколько дней состоялся выпускной вечер.

Сначала нас поздравили с окончанием школы и вручили аттестаты зрелости. А потом все сели за столы и отметили это мероприятие. По такому случаю, нам разрешили выпить немного шампанского. Конечно, некоторые не ограничились этим. Выпили ещё и водки, принесённой втайне от учителей. Далее следовали танцы. Веселились до утра, а рассвет вышли встречать на улицу, как это было принято по традиции. Проводили девчонок по домам и, конечно, клялись не забывать друг друга, встречаться по возможности в будущем. Наконец я добрался до дома и завалился спать. Впереди меня ожидала поездка в Ташкентское Высшее Танковое Командное Училище им. П.С. Рыбалко, куда я собирался поступать.

Характеристика периода моего детства.

Итак, я родился в 1952 году, ещё при жизни Сталина, который умер в марте 1953 года. Далее следовал период правления Хрущёва, сменённого в 1964 году Брежне-

вым. Что мне показалось важным в этом отрезке времени? Со своей позиции я бы охарактеризовал это следующим образом: Со смертью Сталина обстановка в стране изменилась коренным образом. После некоторого затишья и какой-то растерянности, когда весь народ вполне искренне оплакивал своего великого вождя, последовал период острой борьбы за власть между членами политбюро. В результате был расстрелян Берия, на которого свалили многие просчёты в предыдущие годы, а также немалую часть вины за массовые репрессии. Победу одержал Хрущёв, назначенный генеральным секретарём КПСС, что означало высшую власть в государстве. После массового террора наступила так называемая «оттепель». На очередном съезде КПСС, Хрущёв выступил с критикой методов руководства страной в период Сталинизма. Сам Сталин также подвергся критике, но Хрущёв не смог решительно обвинить его в совершённых им преступлениях, поскольку сам участвовал в них. Сгладив острые углы, Хрущёв всё же оставил за Сталиным место в одном ряду с главными идеологами марксизма-ленинизма. И ещё довольно долго профиль Сталина тиражировался вкупе с лицами Маркса, Энгельса и Ленина. Но исподволь проводилась линия постепенного вытеснения его имени из памяти народной. Незаметно сошли на нет упоминания о Сталине в литературе и средствах массовой информации. Куда-то исчезали памятники, переименовывались улицы и города. К моменту выноса тела Сталина из мавзолея, его уже начали забы-

вать. Последовали процессы по реабилитации многих невинно осужденных. Стало даже как-то легче дышать. Страна стала более демократичной. Наблюдался рост производства, шло массовое строительство жилья и промышленных предприятий. Усиленно пропагандировались трудовые достижения. Шло соревнование с капиталистическими державами. СССР достиг крупных успехов во многих отраслях промышленности. Было почти ликвидировано отставание в ядерном вооружении от США. Запущен первый спутник, первый космонавт. Страна с гордостью следила за своими успехами. Повышение зарплаты, снижение цен на товары. Успехи советского спорта, искусства, всё это, притом поданное в нужном ракурсе, вызывало чувство гордости перед своей Родиной. Уровень патриотизма достиг весьма высокой отметки. Люди старались хорошо учиться, работать, служить. Воспевались героические профессии, ставились фильмы о трудовых подвигах. Молодёжь шла учиться в институты. На самые престижные позиции выходили профессии геологов, строителей и т.д. Сотни тысяч людей по комсомольским путёвкам ехали осваивать целину и Сибирь, строить промышленные гиганты и ГЭС. Подъём был невиданный. Я помню общую

атмосферу доброжелательности и всеобщего братства, которая, начала затухать к концу 60-х годов. Были конечно и ошибки, вызванные малограмотностью Генсека, но умело затушёванные общими усилиями, приходящему к власти, новому классу номенклатуры. Пожалуй, именно при Хрущёве

возникла и начала набирать силу, а при Брежневе взявшая в свои руки и бразды правления эта самая номенклатура. Чем это характеризовалось? А тем, что попавший на руководящий пост человек, уже практически никогда не мог потерять руководящего места. Его могли теперь только переместить, или по горизонтали, или по вертикали. Попав в номенклатуру, любой, даже на первых порах, честный и добросовестный человек, начинал возносить себя перед другими. Начинал злоупотреблять своим положением, стремиться на более высокий пост, который обещал ему ещё больше привилегий и материальных благ.

А попав повыше, тянуть в своё окружение своих близких и преданных людей, очень часто не отвечающим требованиям занимаемого ими поста. Это влекло за собой такие низменные пороки, как взяточничество, кумовство, воровство и т.п. Всё это расцвело пышным цветом к середине эпохи Брежнева, что в конечном итоге и послужило развалом СССР. Но тогда, в начале 60-х, настрой был иным. Я пошёл в военное училище из патриотических соображений. Служить в Армии считалось тогда почётным долгом. Профессия военного котировалась особенно высоко. Не было места и позорной дедовщине, которая правит бал в настоящее время. Тем временем, Хрущёв был свергнут, притом очень тихо и мирно. Его не расстреляли и даже не посадили, оставив писать мемуары. Такая мягкосердечность была в общем результатом его же политики, демократизации общества, о чём он

сам в последствии и признавался. Проводилась чёткая национальная политика преследовавшая национализм и культивирующая идею братства всех народов, что положительно сказывалась на отношениях между республиками и народами, в них проживающими. Действительно, мы не обращали внимания на свою национальность и эта тема практически не обостряла отношений между гражданами СССР. Среди моих друзей были узбеки, евреи, башкиры и другие, чему я вообще не придавал никакого значения. Любой гражданин чувствовал себя свободно в любой из республик, за исключением, пожалуй, республик Прибалтики, но не в той мере, что сейчас. С приходом к власти Брежнева, общая атмосфера на первых порах оставалась без изменений. Страна катилась по инерции, только начинавшая набирать силу номенклатура, начинала давать о себе знать. Но пока ещё, в ВУЗ можно было поступить без взятки. Это уродливое явление ещё только давало

Военная служба.

Итак, заканчивался июнь 1969 года. В день перед моим отъездом в военное училище, мы с отцом устроили мои проводы, распив на двоих бутылку водки. Утром я явился в военкомат с небольшой сумкой, в которой лежали несколько учебников и немного белья, так я обычно уезжал на соревнования. Нас было 5 человек прошедших процедуру провер-

ки на годность поступления в военные училища. Четверо из нас ехали в Ташкентское Танковое Училище, я буду его называть коротко ТВТКУ и один в Ташкентское Общевоинское (пехотное) Училище, коротко ТВОКУ. Сопровождал нас Старшина сверхсрочной службы, работник военкомата, забыл его фамилию, ещё молодой парень лет 25. Я расскажу вкратце о ТВТКУ. Это училище в годы войны было передислоцировано из России в город Чирчик, расположенный в 30 км от Ташкента и так и оставшееся там. В нём готовили офицеров танкистов. Кроме того, там же обучались и десантники, в количестве всего одной роты, т.е, по взводу на курс. Во всём СССР имелось только одно Десантное Училище, в Рязани, поэтому наше ТВТКУ имело особую значимость и один из нас четверых собирался поступать именно в десантники. Считалось, что наше училище организационно входит в 3-ю танковую армию, возглавляемую во время войны П.С. Рыбалко и поэтому носящее его имя.

Нас проинструктировали и посадив в автобус, отправили в дорогу. В Ташкенте мы высадили своего товарища у ворот ТВОКУ и последовали дальше. Часам к 12 дня мы прибыли на место и во главе со своим старшиной, пошли сдавать документы и определяться с местом жительства. Как оказалось, мы приехали поздно, в чём виноват был наш военкомат. Все абитуриенты уже прибыли, оформились и были распределены по подразделениям. На территории училища ме-

ня поразило громадное количество празднующихся ребят моего возраста, одетых почему-то в рваньё и создающих впечатление хулиганов. В этом году наплыв был впечатляющим. Прибыло не менее полутора тысяч абитуриентов, при норме в 300 человек, т.е по 5 человек на место.

Уже по этой причине от нас хотели отказаться, но старшина развил невероятную активность и всучил всё-таки документы трёх моих товарищей в приёмную комиссию. А меня, как не комсомольца, забраковали и велели возвращаться домой. И опять, дело случая. Старшина не опустил руки, а пошёл со мной по инстанциям, доказывая мою исключительность и призвание к военной службе. К вечеру нам удалось добиться приёма у начальника политотдела, где старшина, не смущаясь, нагло врал, что мой отец офицер, а я отличник и знаменитый спортсмен, желающий продолжить семейную традицию, чем убедил комиссара и тот распорядился принять меня в абитуриенты.

Как назло, я ещё забыл какие-то документы и мне пришлось спешно, на такси, смотаться в Ангрэн и вернуться уже глубокой ночью, истратив почти все свои деньги.

Но вот я уже и в казарме! Меня распределили в последнюю 8-ю, кандидатскую роту, вместе с моими земляками. Все мы жили в палатках повзводно. В каждой роте состояло по 120-150 человек, а в 6-й роте было и вовсе 600. Это было вызвано тем, что в эту роту записывали аборигенов (узбеков), прибывших, из чёрт его знает каких мест, и почти не

понимающих русского языка. В соответствии с существующей национальной политикой, руководство республики осуществляло идею обучения и укомплектования армии национальными кадрами, в данном случае узбекскими, по месту расположения училища. По регламенту и процентному соотношению числа коренного населения к другим нациям, необходимо было иметь не менее половины состава училища, чистокровными узбеками. Что и проводилось, довольно безуспешно в жизнь.

Почему безуспешно? Да потому, что узбеки, как ни странно, не горели желанием служить в армии. Их вполне устраивала привычная жизнь в кишлаках, работа в поле. А уезжать куда-то, за тысячи километров, чего требовала суровая армейская жизнь, им совершенно не улыбалось. Вот и местные военкоматы проявляли чудеса, выполняя план набора. Как мы потом узнали из разговоров с этими «национальными кадрами», их обманывали, обещая после окончания училища назначить председателями колхозов, или директорами совхозов, или ферм. Уже через пару недель хождения в строю и кормления солдатской пищей, эта рота растаяла бесследно, несмотря на все ухищрения командования, готового пойти на всё и даже, отменившего вступительные экзамены для аборигенов. Им было достаточно простого желания для поступления.

Из всех 600 человек уговорили не более десятка, в том числе Халимова Гафура, который позже, стал моим другом.

Кроме прочего, нас, с первого дня, заставили работать. Сразу же, на следующий день, после подъёма, нас строем повели в столовую, где накормили не вкусной, рисовой кашей в которой кусками лежало свиное сало. Я не мог есть варёное сало, брезговал, а что говорить о мусульманах – аборигенах из 6-й роты? Я лично нисколько не наелся. Самым главным продуктом на завтрак было сливочное масло. И постоянно, во время всей службы, у многих была одна мысль- приехать домой и наесться масла вдоволь! После завтрака нас построили и распределили на работы. В основном это была изнурительная уборка территории. Она должна была блеснуть. Ни одного листика, бумажечки, не должно было валяться на земле. Притом задача на уборку давалась, а инструмент мы должны были выискивать сами. Качество уборки проверял лично, старшина роты – старший сержант Голубович, молдаванин по национальности. Кроме гражданских лиц, поступать в училище прибыло довольно много солдат и сержантов срочной службы, а также выпускников суворовских училищ, которые называли себя по старинке «кадеты». При формировании абитуриентских подразделений, командирами отделений, заместителями командиров взводов и старшинами рот назначали в первую очередь военнослужащих или, при их нехватке, кадетов. Все они, особенно военнослужащие, издевались над нами гражданскими в полную меру. После уборки территории нас отправляли на другие работы. А работы было хоть отбавляй. Копали какие-то траншеи под кабель, что-

то ломали, что-то строили. Не удивительно, что уже ко второму дню у меня, на моих нежных руках, почти не знавших физического труда, появились и лопнули 13 мозолей!!! Конечно, очень многим не понравилась подобная жизнь. Ходьба строем, вечерняя прогулка, с оранием песен, многие знали разве только «катюшу», утренняя зарядка, подъём в 7 часов утра, издевательства сержантов, невкусная пища и т.п. Не дождавшись первого экзамена, училище стали покидать недовольные, а особенно «аборигены» из 6-й роты. Только после ужина можно было заниматься подготовкой к экзаменам. Но очень немногие пытались учить предметы. Хотя нас запугивали немедленным отчислением за выход в город, многие после ужина уходили в самоволку, возвращаясь к вечерней переключке, а потом опять чуть не до утра. Но, тем не менее, подошло время экзаменов. Сначала сдавали кросс 3 км. Я пробежал средне.

Хотя я и не подготавливался к экзаменам, сдал я их очень хорошо. Сдавали математику (алгебру и геометрию), сочинение и физику. У меня вышло из четырёх предметов две пятёрки и две четвёрки, то есть 18 баллов. Я не помню сколько надо было для поступления, но хватило с избытком. После экзаменов тех, кто провалился, отчислили, оставив только тех, кто получил положительные отметки. Осталось, наверное, человек 500. Нас перегруппировали, но жили мы ещё в палатках. Ждали заключение приёмной комиссии. Нам выдали форму, правда бывшую в употреблении,

солдатскую, без погон, с брезентовыми ремнями и кирзовые сапоги. До решения комиссии, ещё почти месяц продолжали работать на стройках училища. Но уже все приноровились к военной жизни и переносить её тяготы стало несколько легче. В эти дни нам довелось участвовать в съёмках фильмов «На встречу солнцу», «Чрезвычайный комиссар» и ещё каких-то. Съёмки проводились киностудией «Узбекфильм», мы же принимали участие в массовках. То мы снимались в эпизоде строительства Большого Ферганского Канала, изображая дехкан с кетменями, то в эпизоде нападения бандитов на ж.д. станцию, где мы были спекулянтами с мешками, солдатами, шедшими в атаку, под прикрытием броневиков. Мне было интересно видеть муляжи броневиков, изготовленных из фанеры, которые толкали сзади. В фильме же они смотрелись, как настоящие. Особенно нравилось сниматься в боевых эпизодах, когда нам выдавалась форма красноармейцев и винтовки. Довелось увидеть многих известных узбекских актёров. Запомнилась актриса Сарымсакова, которая обычно играла серьёзные и трагические роли. Нам устроили с ней беседу. В жизни она оказалась очень весёлой и остроумной женщиной. Особенно запомнился такой случай: нас повезли в Ташкент на съёмки эпизода из фильма «Чрезвычайный комиссар». Снималась сцена сдачи отряда Мадамин бека красным. Место сдачи было рядом с крепостью в старом городе. Кто-то играл красных, кто-то басмачей. Мне выпала роль басмача. Я одел узбекский халат, на голову накрутил чалму,

вооружился бельгийским карабином образца 1923 года. После пары дублей, нам позволили часок отдохнуть. Я, с кем-то, в басмаческих нарядах, с винтовками, прошли на находящийся неподалёку от места съёмок, Октябрьский рынок.

Мы прошлись по торговым рядам, купив несколько горячих лепёшек и виноград. Тут же с удовольствием начали это есть. Вы бы видели выражение лиц продавцов, в основном узбеков. Что они подумали можно только догадываться. Но в их взорах я явно заметил огонёк какой-то надежды. Может быть даже, на возможность, изменения существующего строя. Басмачество было уничтожено, по официальным данным, только в начале 30-х годов. Фактически же оно просуществовало почти до самого

начала войны. В 60-е годы ещё очень многие прекрасно помнили то время, а сочувствовали этому движению, почти все местные жители. Вернувшись назад, мы застали такую картину: на штабеле дров сидел знаменитый узбекский актёр, игравший главную роль в этом фильме, перед ним крутились гримёры, а наши стояли неподалёку вокруг старшины роты Голубовича. Оказывается, он где-то раздобыл патрон от автомата Калашникова и примеривал его, к выданной ему, 3-х линейной винтовке Мосина. Патрон подошёл впору и Голубович не подумав нажал на курок. Вообще-то, мы думали, что выдаваемые нам винтовки, не являются действующими образцами. Да и должно было быть именно так. Но мы ошиблись. Произошёл выстрел. Слава Богу, что пуля

никого не задела, а попала в штабель дров. Самое смешное, что главный герой, с перепуга, свалился со штабеля вверх ногами. А в фильме он изображал крутого комиссара. Тут конечно подбежали офицеры, началась разборка. Этот выстрел стоил Голубовичу дорого. Его исключили из Училища. Но вот, наконец, состоялось заседание приёмной комиссии, и я оказался в числе зачисленных в Училище. Все мои земляки тоже прошли все испытания. Всех, не прошедших комиссию, отослали по домам, а из оставшихся сформировали 4-й курсантский батальон, взамен выпустившихся в этом

19692.

Фото. На съёмках фильма.

году. Таким образом, четвёртым курсом, стал 3-й батальон, 2-й батальон -3курс, 1-й батальон -2 курс, а 4-й – 1курс. Каждый батальон состоял из трёх рот, причём именно в нашем батальоне состояла единственная десантная рота и две роты танковые. К моменту выпуска, в составе рот числилось обычно не более 90 человек, многие за 4 года учёбы по разным причинам выбывали, поэтому на первый курс всегда набирали с запасом, по 120 человек вместо штатных 100. Но такого запаса, как в нашей 10-й роте никто ещё не видывал. Наш батальон, как и другие, состоял из 3-х рот, 10-й, в которой я служил, 11-й и десантной, 12-й роты. Наша рота имела в своём составе 6 взводов вместо обычных 4-х. В каждом взводе было не менее 30 человек, итого, рота состояла из 180 человек, за что её прозвали «китайской». Командиром батальона был полковник Умаров, начальником политотдела подполковник Шацкий, командиром нашей роты капитан Макуха, командиром моего взвода, лейтенант Судейкин. Мои ангренские друзья, попали в другой взвод.

Немного отступая, я должен сообщить, что офицеры военного училища, по своей должности, стояли на порядок выше, чем общearмейские. Поэтому начальником Училища, обычно был генерал, комбатами полковники, хотя в армии, эту должность занимали капитаны или майоры. Старшиной

роты назначили старшего сержанта Бабабекова, который выпил у нас впоследствии немало крови. Замкомвзвода стал сержант Марков, а командиром моего отделения мл.сержант Виноградов. Всех нас разместили в казарме, по роте на этаж. Койки были двух ярусными и все, почему то, стремились занять верхнюю полку, хотя, как я позже уяснил, в армии вторая полка, предназначалась только для «молодых». Все быстро перезнакомились и началась наша трудная армейская жизнь. Каждый день начинался в 7 часов утра с команды, «рота

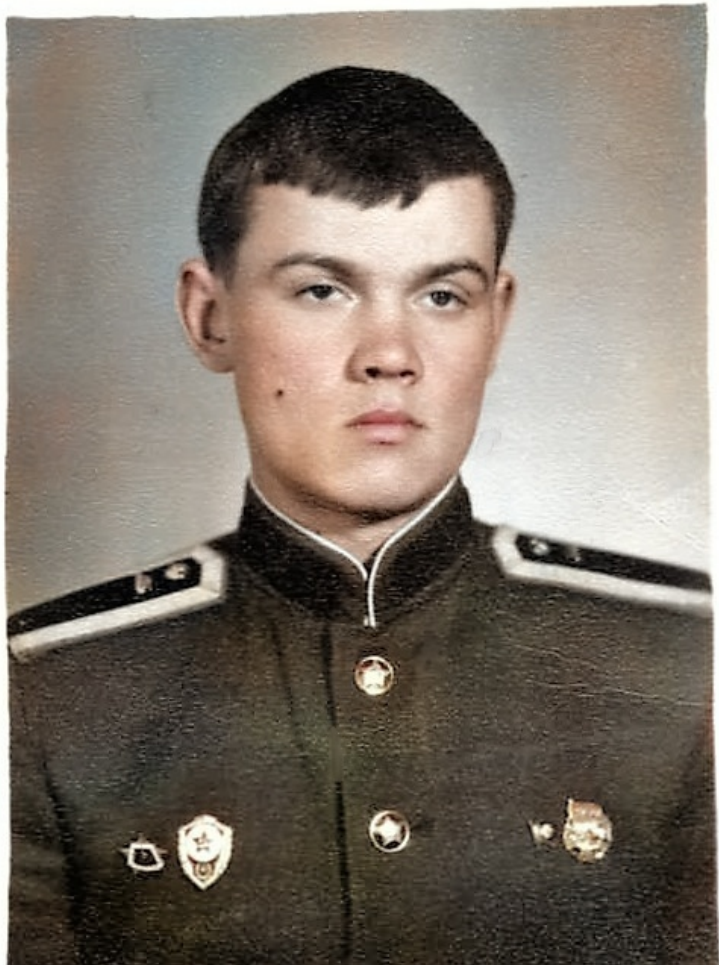

Фото. Первый курс военного училища.

подъём!»). Все вскакивали, моментально надевали брюки, наматывали портянки на ноги и всовывали их в сапоги, а потом, надевая на ходу гимнастёрки, мчались на улицу, где выстраивались повзводно. На всё это отводилось 30 секунд. Первое время мы не успевали и из-за этого, роту опять укладывали спать и вновь поднимали и так по несколько раз. Неуспевающих ещё и наказывали. Поэтому многие, просыпаясь перед подъёмом, потихоньку одевались под одеялом, чтобы никто не видел, а потом только обув сапоги, при команде «подъём», мчались на построение. И я проделывал эту процедуру, неоднократно. После построения, сержанты проверяли, не остался ли кто спать, а затем следовала команда «бегом марш!» и мы, ещё не проснувшись, бежали до туалета, быстро облегалась и далее уже следовал бег в течении 20-30 минут. Потом занятия на турниках и брусьях и вновь в казарму. Ещё полчаса отводилось на заправку кроватей и умывание. Заправка кроватей была одним из самых тяжких трудов. Одеяло должно было быть натянуто на постель таким образом, чтобы не оставалось морщин.

Притом постели и подушке придавалась форма кирпича. Грани должны быть ровными и острыми. Этому искусству мы долго не могли научиться. В случае, если заправка постели не нравилась сержантам, они её просто сбрасывали на пол и её приходилось вновь заправлять, жертвуя на это временем для умывания. Ровно в 8 часов рота выстраивалась в кори-

доре для прослушивания последних известий по радио. Затем вновь следовало построение на улице для утренней проверки. Сержанты, проходя

Фото. 1 курс ТВТКУ. !969 год.

вдоль строя, зорко высматривали недостатки в форме курсантов. Это обычно были плохо начищенные сапоги, грязный подворотничок, незатянутый ремень, щетина на подбородке некоторых, причёска, порванная одежда, отсутствие

стрелок на галифе и т.д и т.п. Выявив нарушителя, сержант приказывал ему немедленно устранить нарушение и доложить. Притом время на исправление давалось очень мало. К примеру, часто можно было услышать: «курсант такой-то, пришить новый подворотничок, почистить сапоги и через 3 минуты встать в строй!». И курсант, сломя голову, кидался выполнять приказ. После проверки нас вели на завтрак. Старшина шёл впереди и очень строго, высматривал, чтобы никто не высовывался из строя. В колонне он должен был видеть только впереди идущего. В столовую заходили по команде и садились по команде. Кушать тоже начинали по команде. В курсантской столовой, столы накрывались на четверых, посуда была фарфоровая. Вот еды давали маловато. Только через год мы привыкли к этой дозе и даже всегда оставляли недоеденное. А в первое время, жестоко голодали и ждали, хоть небольшого перерыва, чтобы сбегать в «Чипок», так назывался буфет, где можно было купить какие-нибудь пирожки или коржики с лимонадом. После завтрака нас разводили на занятия, которые начинались с 9 часов. Обычно было 6 уроков, с перерывами, как в обычном институте. Только преподаватели были военные. Надо сказать, что учили нас хорошо. Преподавательский

состав был на высшем уровне. Но особое ударение делалось на военных дисциплинах.

После уроков мы шли в казарму, где оставляли свои сумки и, вновь строем, шли на обед. После обеда следовала

уборка территории или другие работы в течении часа, а затем начиналась самоподготовка. Мы учили уроки под надзором командира взвода, а около 19 часов, возвращались в казарму. Вновь построение и на ужин. После ужина давалось, так называемое, свободное время, когда в течении часа, каждый мог заняться чем угодно, но обязательно подготовиться к завтрашнему дню, то есть подшить новый подворотничок, почистить сапоги, погладить форму, приготовить учебники, а затем доложить о готовности командиру отделения, который, в свою очередь, докладывал о готовности своего отделения, заместителю командира взвода, а тот старшине.

Около 22 часов, нас выводили на «вечернюю прогулку», где все курсанты, поротно, вышагивали под строевую песню. У каждой роты была своя строевая песня, но как я уже говорил, у нас не было в роте певцов, и мы просто орали, кто во что горазд. Обычно это была песня про Катюшу, других просто не знали. Петь должны были все.

Сержанты внимательно наблюдали за этим. После прогулки снова строились, уже в казарме, и начиналась вечерняя поверка. Старшина роты выкликивал фамилии, а мы должны были отвечать «я». Старшина ещё немного держал речь о событиях дня и, наконец, в 23 часа следовала команда «отбой!». Все кидались к своим кроватям, мгновенно раздевались и впрыгивали в койки. На это давалось 45 секунд. Вот такой распорядок дня выдерживался в Училище постоянно. По субботам нас водили в баню, которая находилась в горо-

де. Вечером показывали кино. В воскресенье, организованно отдыхали. Часто устраивались танцы, на которые приходили местные девушки.

Вообще, закадрить курсанта и выйти за него замуж, считалось очень перспективно для девушки. Будущие офицеры слыли завидными женихами и немногим курсантам. удавалось выпуститься из училища холостыми, за ними устраивалась настоящая охота.

Весь сентябрь и октябрь с нами проводился курс молодого бойца. Нас учили маршировать строем, тянуть носок, чётко разворачиваться, выходить из строя, рапортовать и т.п. Много времени занимало изучение уставов, которые надлежало знать безукоризненно. Ко всему, нам выдали автоматы Калашникова. Они были в масле, и мы отмывали их целый час. Каждый запомнил номер своего автомата и его расположение в пирамидах оружейной комнаты, чтобы без задержек схватить его во время тревоги. В то же время сержанты запугивали нас предстоящей процедурой принятия присяги, после которой уже ни у кого не останется возможности просто уйти из училища, а придётся в полной мере потянуть солдатскую лямку. Немало людей поддались этой провокации и подали рапорта на отчисление.

Хлопковая кампания 1969 года

В конце октября училище получило команду отправить

личный состав на сбор хлопка. В тот год, республика никак не могла выполнить план, из-за низкой урожайности и плохих погодных условий. Хлопок являлся, наряду с нефтью и газом, одной из самых главных экспортных статей СССР и соответственно, давал немалую долю валютных поступлений, в которых остро нуждалось государство.

Хлопок выращивался во всех среднеазиатских республиках, а также в южном Казахстане и Азербайджане, но основная масса его, наверное, около 70 %, всё-таки поступала из Узбекистана. Почти всё сельское хозяйство республики было настроено на производство хлопка и, фактически, последний, являлся монокультурой. В угоду этому продукту, были принесены в жертву многие другие культуры. Но в те времена все республики ориентировались на выпуск какой-то одной, характерной для этого района продукции. Молдавия давала кукурузу, Белоруссия -картофель, Украина- сахарную свеклу и пшеницу и т.д. Выполнение планов по сбору хлопка являлось для республики делом чести. Уборочная кампания превращалась в настоящую битву, для победы в которой все средства были хороши. Во-первых, объявлялась тотальная мобилизация. В сборе хлопка участвовали все граждане. На постоянной основе, в течении всего сезона, на полях трудились студенты ВУЗов, техникумов, учащиеся профтехучилищ, школьники, а также часть рабочих. Все остальные, в организованном порядке, выезжали на сбор хлопка в выходные дни. На этот период, практически невозможно было

взять отпуск или получить больничный лист. До этого года правительство не трогало курсантов двух военных училищ республики, но в этом году положение заставляло напрячь все силы. Первый секретарь ЦККПУз, Шараф Рашидов, обязался собрать рекордное количество хлопка. И на поля были брошены все силы. Мы были военные люди и привыкли выполнять любые приказы. Очень быстро прошли сборы, нас посадили в грузовики и повезли куда-то на север. Ехали довольно долго, наверное, 6 –7 часов. Первое время, часто попадались населённые пункты, но последние пару часов, мы ехали по пустынной местности. Куда мы приехали, я так никогда и не узнал. Дали команду выгружаться. Нашим глазам предстала унылая картина. Насколько хватало глаз, простирались квадраты хлопковых полей, окаймлённые 10-20 метрами междурядья, поросшего дикой травой и арбузами. До вечера занимались установкой палаток и разбивкой лагеря. Обедали и ужинали у походных кухонь. Спать разместились поротно. На каждые 80 человек устанавливалась большая палатка. Офицеры разместились в 1, 2-х, 3-х местных палатках. Как обычно, провелаь вечерняя поверка и все улеглись спать. Спали на полу, на матрацах, уложенных на солому. Подняли нас в 6 часов утра и погнали на физзарядку. Умывались в оросительном арыке. Мы позавтракали и командиры, после небольшой вступительной речи начальника Училища, повели нас в поле, руководствуясь указаниями местного проводника. Нам показали, как нужно собирать хло-

пок. Затем возник вопрос о допустимой норме. После недолгих рассуждений, замполит батальона самолично в течении четверти часа собрал какое-то количество хлопка, которое взвесили и умножили на количество рабочих часов. Путём нехитрых арифметических подсчётов, определили норму в количестве 100 кг чистого хлопка в день. Распределились по грядкам и двинулись вперёд. Тут я должен заметить, что, как оказалось, эти поля уже были пройдены хлопкоуборочными машинами, а после них студентами. Мы были обязаны подобрать всё подчистую. Поля, представляли собой картину запустения, где иногда кучками, а чаще всего одиночно, торчали кустики с редкими клочками ваты. Собираание этих невосомых клочков, стало изматывающим и, удручающе, скучным занятием, на протяжении длительного времени. Нашей задачей ставилось очищение поля от остатков хлопка так, чтобы после нас на поле не было видно ничего белого. Тут подвезли специальные тележки для хлопка и оборудовали место приёмки хлопка с весами –безменом, которое называлось «Хирман». По мере сбора, к хирману потянулись первые сдатчики с полными, а кто и с полупустыми фартуками. В первый день взвешивали и принимали хлопок местные жители, но потом эти функции переняли офицеры и местные рабочие ограничились лишь доставкой пустых тележек и забором полных. Как оказалось, норма, установленная командованием, выполнялась лишь малым количеством сборщиков и поэтому позже, установили ещё и предельно допу-

стимулю норму, в количестве 60 кг. Были установлены крайне жёсткие меры наказания, для не выполняющих норму. После окончания рабочего дня, где-то около 19-ти часов, мы возвращались в лагерь, мылись в арыке и ужинали. Затем, иногда показывали кинофильм или мы занимались личными делами. После этого следовала вечерняя поверка и отбой. Все курсанты, выполнившие норму, беспрепятственно следовали в лагерь. С ними отправлялись те, кто собрал более 60 кг. Те же, кто не смог осилить 60 кг, оставались в поле без ужина и, под присмотром офицеров, продолжали в течение 2-3 часов собирать хлопок, порой при свете фар автомобилей. После этого, они сдавали собранное и шли спать. Из числа тех, кто собрал от 60 до 80 кг, отбирались кандидатуры для несения дневальной службы и нарядов на кухню. Если таковых оказывалось слишком много, то тех, кто не попал в наряд, заставляли просто копать ямы, а потом засыпать их. За несколько дней до 7 ноября, нас увезли обратно в училище, для принятия присяги. После хлопка, многие подали рапорта об отчислении и отбыли домой. Для принятия присяги, нам выдали парадную форму, так называемое п/ш, б/у, что обозначало – полушерстяное, бывшее в употреблении. Парадная форма, представляла из себя синие брюки-галифе, натурально зелёного цвета гимнастёрка и, защитного цвета, китель со стоячим воротником. По случаю тёплой погоды, присягу принимали без кителей. Процедура принятия присяги бесхитростна и проходит без изменений, с вре-

мён ещё дореволюционных. Первый курс выстраивается по-
взводно и каждый курсант, выходя из строя, подходит к сто-
лу, подле которого стоит командир взвода, берёт книгу с тек-
стом и зачитывает её. После этого, ставит подпись и возвра-
щается в строй. Ну и конечно вступительная и завершающая
речь начальника Училища, замполита, каких-то гостей. На
следующий день, нас вновь вывезли в поле для продолже-
ния сбора хлопка. Я не буду описывать наши мучения в этот
период, который оставил в душе много весьма неприятных
воспоминаний. Но всё когда-нибудь кончается. В первой по-
ловине декабря выпал снег. Постепенно весь хлопок скрыл-
ся под сугробами и собирать его стало почти невозможно.
Республика с помпой рапортовала Центральному Комитету
КПСС о перевыполнении плана. Товарищ Рашидов получил
очередной орден Ленина и звезду Героя Социалистического
Труда. Народ вернулся домой, в том числе и мы.

Учёба.

По прибытии в училище, мы с головой окунулись в учё-
бу. Как раз подошёл к концу первый семестр и начались эк-
замены. Без особого труда я сдал все экзамены и зачёты на
отлично. Сработала моя усидчивость и внимание. В отличии
от многих других курсантов, которые позволяли себе рассла-
биться на уроках, я старался слушать лекции и конспекти-
ровал, настолько быстро, что успевал записывать все лекции

полностью. После этого даже не было нужды читать учебники. Перед новым 1970-м годом, по случаю окончания первого семестра, состоялось построение училища.

Начальник училища выступил с речью, а затем произошло награждение отличившихся. И я, в числе немногих, получил из рук командира батальона, полковника Умарова, нагрудный знак «Отличник боевой и политической подготовки». Носить его мне пришлось недолго, в первую же ночь его у меня украли. Однако, как отличника, меня отпустили в краткосрочный, 10-тидневный, отпуск. Какое это было счастье – поехать домой и в течении 10 дней отдохнуть от изнуряющей муштры! Как раз приехала на каникулы и сестра Люда. Должен признаться, что все эти дни пролетели в чередке пьянок. И вновь судьба свела меня с Н.С., хотя я и не искал этой встречи.

Однажды вечером я встретил нескольких своих знакомых, гуляющих по нашей улице, я думаю, что прогулка эта была не случайна. Среди них была и Н.С. Мы с ней пошли гулять. Она укоряла меня в том, что я даже не сообщил ей о поступлении в училище. Мы договорились переписываться. Я проводил её домой и почему-то, до конца отпуска не встречал. Отпуск кончился, и я вновь в Училище. Дни полетели друг за другом.

Первый караул. Стрельбы, дневные и ночные. Наряд по роте и в столовую. Дежурный писарь штаба и т.п. Учёба давалась относительно легко, чего не скажешь о несении служ-

бы. Старшина и сержанты изгалялись над нами, придираясь к каждой мелочи.

Бессонные ночи в нарядах и карауле. Недосыпание являлось главным бичом нашего существования. После отбоя я отрубался без сил и спал без сновидений. Вновь наступила экзаменационная пора, конец второго семестра. И вот экзамены позади и нас ждёт летний отпуск! В это время, Советская Армия, переходила на новую форму одежды. Нам выдали полный комплект. Нововведения заключались в следующем:

1-Вместо звёздочки на фуражке, вводилась кокарда –та же звёздочка в обрамлении листьев. 2- Отменялась знаменитая гимнастёрка со стоячим воротником, прослужившая более 100 лет. Её место заменил пиджакообразный френч, с лежащим воротником и карманами. При этом ремень, уже не стягивал туго талию, так, что по уставу под него можно было просунуть два пальца, а всего лишь болтался на бёдрах.

3.-Укорачивалась шинель до размера 32 см от пола, вместо прежних 23см.

4- Вместо галифе с сапогами, вводились бриджи с ботинками.

5- В парадный комплект вошли брюки и китель защитного цвета. Под китель одевалась офицерская рубашка навыпуск с галстуком. Предполагалось два варианта парадной формы – в сапогах и в ботинках. Ушли в прошлое синие галифе с зелёной гимнастёркой. Для офицеров парадным стал, т.н, цвет

«ВОЛНЫ».

6- Отменялись старые, ещё юнкерского образца, погоны, которые пристёгивались к гимнастёрке на пуговице. Входили пришивные погоны, окантованные галуном с двух сторон, а не с трёх, как раньше. Вот в такой форме и отбыли мы все в летний отпуск. В соответствии с законом, проезд до дома оплачивался государством и поэтому я назвал своим домашним адресом город Москву. Я со своими земляками Колесниковым и Мухамедовым, которые попали при распределении в другой взвод, с ещё несколькими ребятами из их взвода, сначала выехали в Ташкент, где устроили грандиозную попойку на дому у одного из сокурсников. Пили до тех пор, пока не вырубались. Тела относились в комнаты и складывались на полу. Что интересно, последними на ногах остались я и отец, принявшего нас курсанта. Кое как оклемавшись на следующий день, мы уехали в Ангрэн. Дома меня ждали отец и сестра Люда, приехавшая также на каникулы и её подруга, Нина Киреева. Несколько дней мы праздновали начало каникул, ездили купаться, гуляли и отдыхали. Нина Киреева должна была выходить замуж и пригласила меня, в качестве свидетеля. И вскоре мы выехали с ней в Москву и далее в деревню Малино, где она жила, при воинской части, командиром которой был её отец. Меня поселили в гостинице, в генеральском номере. Женихом был сын замполита полка, Юра, только что вернувшийся из армии. Свадьба прошла весело, и я вернулся в Москву, где меня устроили

жить в общежитии МАИ, учившиеся там одноклассники моей сестры Генка Лысёнок и Клим Дю.

Первый день я гулял по Москве, наедался вкуснейшим, по 28 копеек, мороженым. А на утро следующего дня, на выходе меня встретила, невесть откуда появившаяся, Н.С. с подругой. Они видимо, уже с утра, поджидали меня рядом с выходом. Каким образом Н.С. узнала о моём приезде я не спросил. Пришлось мне взять её, и мы отправились гулять по Москве. Оказывается, она приехала поступать в Горный институт. Отца её перевели на работу в столицу, в министерство угольной промышленности и они теперь жили здесь. Мы гуляли до самого вечера и потом я увёз её на такси до дома. Она предложила зайти в гости, но я категорически отказался. На следующий день я уехал в Ангрэн. Каникулы промчались с ошеломительной скоростью, и я вновь в Училище. Впереди ещё август. Через несколько дней, наш батальон выстроили на плацу и сообщили о решении правительства, открыть ещё одно танковое училище в Самарканде. Вот тут, нам и раскрыли тайну лишних двух взводов в нашей роте. По замыслу командования, новое Самаркандское Танковое Училище (СВТКУ), должно было открыться в 1970 году, Первый курс набирался обычным способом, а для того чтобы внести в жизнь училища свои характерные черты и быть наставниками молодёжи, второй курс организовывался из состава всех шести, имевшихся на тот момент, танковых училищ СССР. Каждое училище должно было коман-

дировать в Самарканд по два взвода. Нам надлежало, в ближайшее время, собрать свои вещи и отбыть, в организованном порядке, к новому месту службы. После этого, в течение нескольких дней, мы получили полный комплект формы и приготовились к путешествию. В период подготовки, многие курсанты из наших двух взводов, предприняли отчаянные попытки, избежать отправки в Самарканд. Те, кто имел влиятельных родственников или другую возможность, сумели перевестись в другие взвода или в другую роту. Наши два взвода, лихорадочно и спешно переформировали, в результате чего, состав несколько изменился, но не кардинальным образом. Большинство, всё-таки осталось на местах. Под командованием взводных офицеров, нас отвезли на вокзал в Ташкент, и мы отбыли в Самарканд. Ехали всю ночь и часть дня. В новое училище нас привезли ближе к вечеру. По территории училища разгуливали первокурсники, что-то строили, убирались и, как нам показалось, посматривали на нас неодобрительно. Училище располагалось на окраине города в так называемых «Дальних лагерях», где до этого квартировала танковая дивизия. Нам отвели под казарму, единственное новое, трёхэтажное здание.

Окончание первого курса ТВТКУ.

На территории располагались несколько, ещё задолго до революции построенных зданий, где размещались первокурсники. Училище граничило с военным городком, где по замыслу, должны были поселиться прибывающие со всего СССР преподаватели, комсостав, обслуга и их семьи. Здесь же жили офицеры каких-то других воинских частей, расположенных тут же. Мы устроились в новом месте и вскоре легли спать.

Никто из нас не знал, что между Ташкентом и Самаркандом, существует разница во времени на один час, которая

сыграла с нами на следующий день злую шутку. Утром, в 7 часов, по команде «подъём», мы выбежали на утреннюю гимнастику и были удивлены тишиной, царившей на территории училища. Все первокурсники спали в своих казармах.

Мы в одиночестве пробежались, провели разминку, вернулись в казарму, умылись и отправились на завтрак. Каково же было наше удивление, что столовая оказалась ещё закрыта. Нас повели в офицерскую столовую, и там, наши командиры узнали, что мы встали на час раньше! Пришлось ждать. Постепенно прибывали своим ходом остальные второкурсники. Был организован новый батальон, в составе трёх рот. Первая рота состояла из бывших курсантов ТВТКУ и Благовещенского училища. Вторая рота, из Казанского и Челябинского училищ. Третья рота, из Харьковского и Ульяновского училищ. Нам представили командира нашего батальона. Им оказался - легендарная личность, участник войны, Герой Советского Союза, полковник Кошечкин Борис Кузьмич. Его, для этой цели, вызвали из Киева, где он уже в течение многих лет, оставив военную службу, работал парт-оргом, на каком-то большом заводе. Начальником училища, был назначен Полковник Черенков, из молодых, бывший военный атташе в какой-то африканской стране. Между ним и Кошечкиным, сразу же возникли противоречия. Представили нам также командиров рот, замполита батальона и замов начальника училища. Замполитом училища, стал полковник Инденюк, тучный человек, до такой степе-

ни, что влезть в танк, он уже не смог бы при всём хотении. Я попал во второй взвод первой роты. Первый взвод также был из Чирчика, а третий и четвёртый взвода из Благовещенска. Их особенностью было то, что они все оказались

носливыми бегунами и музыкально одарёнными. С ними, у нас появилась своя ротная песня, а также, большой репертуар других, строевых, песен. Первым и самым главным делом, для нашего ведущего курса, стало немедленное приветие первому курсу, чувства уважения к нам. Я уже писал, что в среде первокурсников, не все восторженно приняли прибытие старших товарищей.

Очень многие первокурсники, особенно из числа бывших военнослужащих, хотели установить здесь свои, удобные для них порядки. На этой почве, произошло несколько конфликтов между курсантами. Но уже через неделю, после того, как наш батальон полностью оформился и слегка обжился в новых условиях, произошёл последний, решительный разговор по душам. Какой-то первокурсник, из числа поступивших из армии, видимо старослужащий, очень дерзко ответил нашим товарищам, на предложение срезать ефрейторские лычки с погон. Дело в том, что в военных училищах, звание ефрейтор отсутствует, а этот тип, щеголял, с одной лычкой на погонах и отдавал приказания рядовым курсантам. Этот факт возмутил нас ещё и тем, что за него заступились его подчиненные. Тотчас же был брошен клич – «Наших бьют!», на который примчался весь наш батальон. Первый курс безусловно ещё не обладал такой степенью сплочённости, как мы и был совершенно дезорганизован в этом отношении. Последовала поучительная порка виновных, а также, для воспитательных целей, большого количества, не очень виновных, первокурс-

ников. На этом была сразу же поставлена точка. С этого дня и на все три года до выпуска, наш курс пользовался непре-рекаемым авторитетом и уважением, со стороны младших, независимо от их должностей. Эту традицию, характерную для всех военных училищ, мы установили в СВТКУ безоговорочно

Фото. Наши командиры: л-т Гребенников, полковник Кочечкин и л-т Судейкин, на параде ко Дню Победы в Ташкенте. !971 год.

С 1-го сентября начались занятия по предметам. Преподавательский состав, был на должном уровне. Материальная база, доставшаяся нам, была, пожалуй, даже побогаче, чем в Чирчике. Если в ТВТКУ, танковый парк был представлен в основном танками Т-34 и немного более современными, Т-54 и Т-55, то здесь, танк Т-55 являлся

уже анахронизмом и их было всего несколько. В основном для обучения придавались самые современные танки Т-62. Были несколько тяжёлых танков Т-10. Также было и в отношении бронетранспортёров и другой техники. Кроме напряжённой учёбы, нам приходилось много сил отдавать благоустройству училища. Всю территорию училища мы обложили дёрном, который срывали с берега реки. Замостили крупным булыжником танковый гараж и все выезды из него. На полигоне копали траншеи, прокладывая кабели для управления мишенями. Красили и облагораживали территорию самого училища. Работы было очень много. Свободного времени мало. С началом увольнений в город, возникла новая проблема. Начали происходить стычки курсантов с местными ребятами и довольно часто, увольняемые приходили побитыми.

С этим надо было кончать решительным образом. И такой день наступил. Однажды, ближе к зиме, прибежали из города несколько курсантов нашего батальона. Последовал клич «наших бьют!», на который, побросав все дела, сбежался почти весь батальон.

Оказывается, группа наших сокурсников, находящихся в увольнении, уже на выходе из города в сторону училища, подверглась нападению местных парней. Началась драка и несколько курсантов побежали за помощью в училище. Наше терпение лопнуло и весь батальон помчался на выручку. От города до училища было не менее 3-х км и по этому маршруту ходил автобус, который, как раз подъехал к остановке. В автобус набилось человек 50, остальные побежали своим ходом. К месту битвы, в общей сложности, прибыло около 200 человек. Там были обнаружены наши побитые сокурсники, которые указали путь, в котором удалились их гражданские противники. Далее, толпа курсантов начала крушить всё в указанном направлении. Избивались все гражданские лица, попавшие под руку. Ворвались в несколько молодёжных общежитий и произвели там погром. Это действие, в отношении гражданского населения города, несомненно было из разряда ЧП. Дежурный по училищу – майор, с пистолетом в руке, беспомощно бегал вокруг распоясавшихся курсантов, призывая их к порядку, но его никто не слушал. Только устав от беготни, курсанты потихоньку начали сбиваться в группы, чтобы вернуться в училище. К этому времени, на место происшествия, прибыло командование училища и попросили курсантов грузиться на подъехавшие грузовики, которые доставили нас в казармы. По прибытию, все разбежались, так что виновных найти не удалось. Инцидент конечно был из ряда вон выходящий и избе-

жать огласки не удалось.

Уже через день, вражеское радио «Голос Америки», с удовлетворением, вещало на весь мир о факте столкновения гражданского населения с учащимися военного колледжа, в городе Самарканде. Я сейчас не могу вспомнить, удалось ли найти и наказать зачинщиков этой вылазки? Скорей всего это дело удалось замять. Зато отношение гражданского населения города к курсантам, коренным образом изменилось в лучшую сторону. По всей видимости, среди побитых гражданских, оказались и виновники драки, после чего они угомонились и не решались больше придирааться к нам. С тех пор никогда, по крайней мере в продолжении моей службы, особых инцидентов в городе между курсантами и гражданскими, не происходило. На новый, 1971 год, мне опять удалось съездить в отпуск домой. На этот раз, мне удалось прихватить с собой горсть трассирующих патронов от танкового пулемёта СГМТ, калибра 7,62. Если достать пулю из такого патрона и перевернув её, засунуть другим концом в гильзу, то при поджигании заряда трассера, происходил нагрев пули, который вызывал взрыв пороха в гильзе и пуля очень красиво взлетала к небу на 50–60 метров, оставляя за собой след. Именно это я и проделал в ночь на 1 января, с балкона нашей квартиры. Я забыл написать, что летом 1970 года, мы переехали из соцгорода в новый город. Наша улица попала в зону разработки угольного месторождения, как собственно весь соцгород. По мере расширения угольного раз-

реза, предполагалось планомерно переселять граждан в новый город. И вот пришла наша очередь. Нам предоставили 3-х комнатную квартиру в квартале 2-2. Я, находясь в это время в отпуске, помогал грузить и разгружать вещи. Именно в это время произошёл удивительный случай. У нас была собака, по кличке Богатырь, которую мы, в связи с переездом, не знали куда деть. По-видимому, предчувствуя это, наш пёс сильно загрустил и вдруг, проснувшись в день переезда, мы обнаружили его мёртвым. Он понял, что он больше не нужен и ушёл, тихо и мирно, не доставляя нам проблем. Я помню, что отец плакал, вытаскивая его со двора. Сестра и я, тоже не смогли удержать слёз. Пёс служил нам верой и правдой в течении более 10 лет. У нас были куры, которых мы бесплатно раздали знакомым. Пришлось оставить очень много разных полезных вещей, которые нам в квартире уже негодились бы. Новый дом был крупнопанельным, из железобетонных плит и зимой в нём было холодно.

Перезимовав в нём, отец добился переселения, в рядом стоящий, кирпичный дом, в котором мы и остались. Я не помню, чем занимался во время отпуска, наверное, гулял по незнакомым улицам города, но однажды вечером, возвращаясь домой, встретил знакомую по спортивной команде. Её звали Таня Климова и два года назад, она была ещё угловатым подростком, а сейчас оформилась в симпатичную девушку.

Как оказалось, она жила в соседнем квартале, совсем ря-

дом с моим домом. Мы пошли с ней гулять, зашли к ней домой, выпили немного шампанского и снова ушли. Что говорить, конечно мы целовались до одурения и на завтра, договорились встретиться. На следующий день она пришла на свидание с перебинтованным горлом. Оказывается, я оставил там столько засосов, что места не было живого. Ей пришлось притвориться, что подхватила ангину. Оставшиеся дни отпуска мы проводили вместе, пока ей не пришлось уехать по делам в Ташкент. Догуляв отпуск, я вернулся в училище и продолжил учёбу. Служба уже не так угнетала, как раньше, да и опыт накопился. Я был на хорошем счету у командования. Учёба удавалась, военная и физическая подготовка, были на должном уровне. В виде поощрения за мои заслуги, меня назначили караульным поста №1 и отныне, я нёс караульную службу у знамени училища, что являлось почётной обязанностью. Я не скажу, что стоять у знамени легче, но всё-таки под крышей и в тепле. Кроме этого, я научился спать стоя, как уже ранее, научился спать в движении. Мы уже учились водить танки, стрелять из танкового пулемёта и из пушки. Почему -то у меня, очень хорошо получалось стрелять из танка и в дальнейшем, на всех стрельбах, я постоянно выступал в роли наводчика, за всех членов экипажа. А экипаж состоял из 4-х человек: командира танка, заражающего, наводчика и механика-водителя. Механик –водитель всегда был из числа военнослужащих танкового батальона обслуживания учебного процесса, сокращён-

но ТБОУП, остальные роли исполняли курсанты. Материальную часть танков мы учили на совесть. Начальник кафедры говорил нам: «По данному предмету, не может быть других отметок, кроме как отлично и плохо. Либо вы сможете быстро исправить поломку, либо не сможете вовсе. Также и по огневой подготовке – либо мы уничтожили врага первым выстрелом, либо он нас, потому что второй раз выстрелить не удастся». Исходя из этого, нам ставили или «2» или «5». Весной я вдруг, совершенно неожиданно, даже для себя, отличился в спортивных соревнованиях. Я взял сразу 4 первых места по училищу, в следующих видах: метание копья, бросание гранаты, прыжки в высоту и прыжки в длину. Кроме того, два вторых места, уже даже и не упомяну по каким видам. После подведения итогов соревнования, на церемонии вручения наград, я, к удивлению всех присутствующих, и восторгу командира нашей роты, шесть раз выходил из строя, для получения диплома из рук начальника училища. Такой случай должен был быть отмечен командованием роты. Через пару часов, уже перед строем роты, командир роты объявил мне благодарность и предоставил 10 дней отпуска. К сожалению, последнее не могло быть исполнено, в условиях военного училища и осталось лишь приятным воспоминанием. Одновременно, моему отцу было отправлено, так называемое «Письмо на Родину», где его благодарили за достойное воспитание сына. Это мероприятие было очень почётным и в сущности, приравнивалось к получению меда-

ли. С приближением праздника «День Победы», мы начали подготовку, к участию, в ежегодном военном параде в Ташкенте. Согласно существующей практике, парадные коробки формировались из 200 человек – 20 в ширину и 10 в глубину. От нашего училища должны были выступить две коробки, по одной от каждого курса. В коробки набирались самые высокие и, понятное дело, хорошо шагающие, курсанты. По строевой подготовке я был один из лучших и без разговоров был зачислен в коробку. Почти каждый день мы тренировались в прохождении по своему плацу. Я стоял в третьей шеренге вторым справа. Направляющим нашей шеренги, первым, справа от меня, стоял Минибаев Фарит, мы с ним были хорошими друзьями. Его задача была очень ответственна – ему нужно было держать дистанцию от второй шеренги. Во время прохождения парадным строем, взоры всех должны были быть обращены вправо, на трибуны и ему надлежало держать шаг, таким образом, чтобы не наступить на пятки впереди идущего и одновременно не отстать, хотя бы на дециметр. Надо сказать, что почти с первых дней тренировки, мы шагали безукоризненно. Невозможно было придрататься и начальство было весьма довольно нами. Поэтому тренировки, обычно очень быстро заканчивались. Правда первому курсу пришлось попотеть. В начале мая, нас повезли на генеральную репетицию в Ташкент. Ехали мы спецрейсом, в отдельном ж.д составе. С нами ехали походные кухни, запасные и т.д. Путь до Ташкента, а это примерно 300 км, мы пре-

одолели почти за два дня. Все были довольны этим неожиданным отдыхом. Нас привели в расположение ТВОКУ – пехотного училища. Вечером, уже все вместе, пешком, направились на Красную Площадь, где выстроились согласно парадного расчёта с прибывшими туда же курсантами ТВТКУ и другими воинскими частями, участвующими в параде. Где-то, часов в 12 ночи, состоялась репетиция. Мы прошли на отлично и, по окончании репетиции, вернулись обратно в ТВОКУ, где и переночевали. После завтрака, вновь отправились на вокзал и отбыли к себе. Ещё несколько дней учёбы и вновь вокзал. Вечером 8 мая, мы вновь расположились на ночлег в ТВОКУ. Утром 9 мая, после завтрака, зашагали на Красную Площадь. Парад начинался в 10 часов утра. А мы уже в 9 часов были на месте. У многих возникло желание сходить по-маленькому, но вокруг толпился народ, телевизионщики настраивали оборудование. Тем не менее удалось справить нужду перед каскадом небольших фонтанов. Телевизионщики сделали вид, что ничего не видят. Но вот и время настало. Все встали по местам, и церемония началась. Выступали первый секретарь ЦККПУз, Рашидов, Председатель Президиума Верховного Совета, Насретдинова и ещё несколько руководителей. Наконец прозвучала команда и мы пришли в движение. Командующий парадом проехал перед строем, здороваясь по очереди с каждой воинской частью. Затем начался парад. Все видели по телевизору, что это такое, поэтому нет нужды повторяться. Про-

шли мы отлично, без замечаний и сразу направились строем в сторону вокзала. На вокзале, очень многие, из числа ташкентских, получили увольнения на несколько дней праздника и разошлись по домам. Толпа курсантов осадила комбата Кошечкина, с просьбой выписать и им увольнения. По доброте душевной, комбат подписал отпуск ещё многим, но число желающих только увеличилось. Отбиваясь от наседавшей толпы, в которой был и я, комбат, слишком добрый по натуре и не умеющий отказывать, заперся у себя в купе. В это время поезд тронулся и начал потихоньку набирать ход. Приняв отчаянное решение побывать дома, я выпрыгнул из поезда. За мной последовал старшина нашей роты, Саутин и ещё несколько человек, решивших на свой страх и риск погулять в День Победы, без увольнительных. Сей поступок отдавал криминалом и мог считаться дезертирством, в случае, если бы мы попались патрулю, но об этом никто не думал в тот момент. Я попрощался с Саутиным и двинулся, в сторону автостанции. По дороге я столкнулся с патрулём, но на моё счастье, они не спросили у меня документов. Вечером я уже был в Ангрене и справлял праздник дома. Напился конечно и заснул. Два следующих дня я отдыхал дома, гулял и отъедался, а потом отправился в Ташкент. Мне срочно нужно было попасть в училище не позднее вечера завтрашнего дня и поэтому я направился в аэропорт. На моё счастье в Самарканд летел, не запланированным рейсом, самолёт, на который я без труда приобрёл билет. В зале ожидания ко мне,

вдруг подошёл солдат, с повязкой патрульного и позвал за собой в комнату начальника патруля. Я вошёл туда и представился начальнику в звании капитана. Я просто поражаюсь тому везению, которое меня сопровождало всю дорогу. – он не спросил у меня документов, а только отчитал за то, что я снял фуражку в зале и отпустил. В самолёте нас оказалось всего пятеро. Стюардесса посадила всех в хвостовое отделение и мы, с шиком, полетели. Пользуясь случаем, я очень часто заказывал минеральную воду. Вода была очень холодная и уже, при посадке, я почувствовал в горле начинавшуюся ангину. Уже подъезжая к училищу, поздно вечером, у меня явно начала повышаться температура и это было для меня спасением! Пройдя на территорию училища, я сразу же, направился в санчасть и пожаловался на недомогание. Дежурная медсестра осмотрела меня и оставила в качестве больного. Все остальные курсанты, в том числе и старшина Саутин, по прибытию, после самовольной отлучки, были сурово наказаны, а мне удалось убедить командиров в том, что я лежу в санчасти, уже с 10 мая. Через несколько дней, выпившись, я приступил к учёбе. Кончался 4-й семестр, начались экзамены. Но вот и все экзамены позади, а нас ждёт месячный отпуск! Я договорился во время отпуска, съездить в гости к сокурснику Зубаирову, в Оренбург, а заодно и в Москву к Н.С. И вот я дома в Ангрене. Никого из друзей нет. Кто-то в армии, другие в институтах. Я сначала решил слетать в Москву. В те времена я, почему-то, совершенно не

беспокоился о том, где я буду ночевать, я всегда без труда находил ночлег. И на этот раз, я сразу же направился в общежитие МГИ – горного института, куда поступили некоторые мои одноклассники. Сразу же в дверях лифта 16-ти этажного здания я, в упор, столкнулся с выходявшим оттуда, Простяковым Валерой. При виде меня, он испугался и прыгнул обратно в кабину лифта. Наверное, он подумал, что я приехал отомстить ему за драку на хлопке в 1968 году. И был удивлён, когда я протянул ему руку и поздоровался. Я рассказал, что хочу несколько дней пожить в Москве и мне негде ночевать. Валера подсуетился и быстро нашёл мне место в одной из комнат общаги. В это время многие студенты уже разъехались на каникулы или в стройотряды. Валерка рассказал про своё житьё и, между прочим, показал несколько очень занятных картин. Иногда, он и ещё кто-нибудь, подрабатывали в свободное время, санитарями в сумасшедшем доме.

Лупили непослушных, надзирали и т.п. Один из сумасшедших был художник и они давали ему порой бумагу, краски и он рисовал. Картины были достаточно высокохудожественными, но обладали незаметными, на первый взгляд, странностями, обличающими исполнителя, как психически нездорового человека. Так, на особо запомнившейся мне картине, размером примерно с лист 22 формата, был изображён в красках, плот, с сидевшим на нём человеком, закрывшим себе руками лицо, что показывало его ужас перед неизбежной кончиной, так как плот попал в гигантский водово-

рот и его засасывало в столь же огромную воронку, на краю которой был нарисован глаз. Картина, представляла собой автопортрет художника и должна была, аллегорически показать, что он затягивается в пучину безумия. Были ещё картины, но я их не запомнил. Некоторые сумасшедшие писали романы. Я прочитал один из них.

Роман состоял из нескольких строк, название его я забыл, а текст помню: «Хороша жизнь при капитализме, он имел дачу и собственную машину». Да, эти

ценности в то время для многих были недостижимы. Ночью мы забрались на крышу здания и, с огромной высоты, любовались огнями Москвы. Я узнал у него, где можно найти Н.С. На следующий день я отправился в другое общежитие и зайдя внутрь, почти сразу же столкнулся с подругой Н.С – Натальей Якушенко, о которой я уже писал ранее. Она, с группой других студенток, занималась мытьём окон. Увидев меня, а я был в форме, радостно бросилась ко мне на шею. Девчонки без раздумий отпустили её со мной. Мы сходили до её комнаты, где она переделалась, и мы с ней пошли гулять. Оказывается, Н.С в это время не было в Москве. Она с родителями, уехала отдыхать на море. Мы с Якушенко, сначала походили по центру Москвы, а потом пошли в знаменитую пивную «Жигули». Эта пивная пользовалась огромной популярностью, и чтобы попасть в неё, необходимо было выстоять не меньше часа в очереди.

Мне очень льстило находиться с такой красивой девчон-

кой, на которую бросали завистливые взгляды мужчины из очереди, и я был в ударе, рассказывая ей всякие истории. Ей, между прочим, тоже было приятно стоять с бравым курсантом и это было заметно. Наконец мы попали внутрь помещения, и метрдотель указал нам место. Это был столик на 4-х человек и два места, были заняты молодым лейтенантом с девушкой.

Мы сели напротив, и я заказал полдюжины пива. Кружка пива стоила всего 45 копеек, почти как в магазине. Я сразу заплатил официанту за 6 кружек и дал 50 копеек на чай. И вы бы видели, как он засуетился. Лейтенанта, с его барышней, он тут же куда-то пересадил и мы до самого конца, сидели вдвоём. Позже я заказал ещё 6 кружек и так же, дал 50 копеек на чай. Моя визави не ударила лицом в грязь и, как истинная студентка, спокойно осилила 5 кружек пива. Мне достались 7 кружек. Пиво было очень вкусное, такого уже не бывает, немудрено поэтому, что пивная имела высокий авторитет. Время уже было вечернее и мы поехали в общежитие к Наталье.

От обниманий, дело перешло к поцелуям. У Натальи губы были изумительно бархатистыми и мягкими. Мы пришли в комнату к ней и, наверное, часа два только и целовались. Кроме неё в комнате в это время никто не жил, но мне даже в ум не пришло, что я могу воспользоваться этим в личных интересах и остаться ночевать здесь, хотя она была готова к этому. И мне кажется, что она даже обиделась на ме-

ня, когда я стал собираться уходить. Утром, я должен был лететь в Ташкент из Домодедово, и мы договорились встретиться на Павелецком вокзале. Я вышел из общаги уже часа в 3 ночи и пешком, добрался к себе почти через час. После 3 часа, я собрался и поехал на Павелецкий вокзал, нашёл там Якушенко и с ней вместе, прибыли в Домодедово. Объявили о задержке моего рейса на два часа, чему я был рад, так как это дало нам возможность подольше побыть вместе. Но как бы ни было, пришло время лететь, и мы расстались. Я пробыл несколько дней в Ангрене и снова улетел, на этот раз в Оренбург. Самолёт был старый Ту-114. Меня, стюардесса, почему то, усадила в люксовый отдел на 4 человека, что-то типа, купе. Там находились двое – пожилой генерал и его жена. Так мы втроём и летели. Генерал расспрашивал меня про учёбу и сам рассказывал случаи из жизни. Так незаметно мы и приземлились в Оренбурге. Подняв тучу пыли, самолёт подрулил к неказистой избушке – зданию аэропорта. Меня встречал Фарад Зубаиров. Прибыли к нему домой и уже на следующий день, отправились гулять. Меня удивил странный факт. Большинство мужчин, попадавшихся нам, имели при себе какую-то тару – от трёхлитровых стеклянных баллонов до круглого матового плафона. Разъяснение этому пришло очень скоро и оказалось, совершенно банальным. В городе имелось полно точек, по продаже пива. Свежее пиво продавалось на разлив. Количество кружек оказалось очень ограниченным, а жаждущих промочить

горло, в летнюю жару, предостаточно. Поэтому мужики набирали пиво в то, что есть и отходили в тенёк, чтобы насладиться любимым напитком. Надо отдать должное Оренбургскому пиву. Оно мне тоже понравилось. Позже к нам присоединилась знакомая Фарада – очень хорошенькая, молоденькая татарочка, с которой он пытался заигрывать, но она почему-то отвергала его ухаживания, но и одновременно, давала надежду. Поэтому, ему бесконечно приходилось ей что-то доказывать и обещать. Так мы и гуляли, я несколько впереди, а они следом. Рассматривая архитектуру города, я заметил, что многие дома имеют царапины от пуль. Фарад утверждал, что это осталось ещё со времён революции. Дошли мы и до реки Урал, в месте где расположился городской пляж. Меня поразило, что ширина реки здесь, едва ли достигала 20 метров. В фильме «Чапаев», ширина Урала была, наверное, метров сто. Каникулы наши, подходили к концу и мне надо было возвращаться домой. Однако остро встал вопрос о приобретении билета. Как на зло, билетов не было, ни на самолёт, ни на поезд. Маячила перспектива, надолго застрять в Оренбурге. К счастью, у Фарада, нашёлся родственник, работающий в системе Аэрофлота. Ему удалось достать мне билет, и я благополучно вернулся домой. Ещё несколько дней, которые я провёл с Климовой и вот мы вновь, в СВТКУ.

Теперь мы курсанты 3-го курса. У нас, непререкаемый авторитет перед второкурсниками и вновь набранными первокурсниками, для которых мы кажемся полубогами. Сержан-

ты уже, нам не указ. Кстати, несколько сержантов были смещены со своих постов и их места заняли более перспективные, из числа рядовых. За издевательство над нами, в период учёбы на первом и втором курсах, был избит нами наш замкомвзвод, сержант Марков. Били его, после отбоя, в умывальнике. Я не стал участвовать в этой акции, почему-то мне стало жалко сержанта. Про драку, никто из командиров не узнал, Марков не стал об этом никому докладывать. Может быть с горя, а может по другому случаю, но последний напился и его задержали. С должности его сняли и назначили замкомвзводом, курсанта Савченко. Тем не менее, где-то через пару недель, Маркова восстановили на прежней должности, но теперь, потеряв авторитет, он уже не мог командовать по-старому и ограничивался только просьбами. Да и во всём батальоне, сержантские звания, теперь стали чисто символическими. Каждый курсант теперь, поочерёдно, ставился временно на должность командира отделения или замкомвзвода, для получения практических навыков. В это время я сдружился со своим командиром отделения Виноградовым. Кроме этого, у меня в друзьях были Игамкулов, Сайфутдинов, Минибаев, Коверда. Кстати, в нашем взводе, состав был весьма интернационален. Были и татары, и узбеки, и украинцы, и евреи, хотя большинство составляли русские. Себя я тогда считал чистокровным русским. Но абсолютно отсутствовала какая-либо межнациональная разграниченность. Просто-напросто, понятия «нация», между кур-

сантами не существовало. Хорошим моим другом был узбек Халимов, один из немногих, поступивших из числа более, чем 600 кандидатов, пригнанных из отдалённых кишлаков, с целью утверждения принципа количественной справедливости для жителей коренной национальности. Он уже прилично разговаривал по-русски, хотя его уровень образования, был очень далёк от требуемого. Но, учитывая его национальное и географическое происхождение, к его знаниям относились снисходительно. Ему достаточно было, просто числиться в списке курсантов. Ни о каких высших математиках и сопроматах, в отношении его, не могло быть и речи. Но стрелять и водить танк, как и стоять в карауле, ему приходилось. Для третьего курса, вводились значительные поблажки. Женатым было разрешено в выходные дни ночевать дома. Увольнительные мы получали без проблем. Хотя очень часто, мы уходили без увольнительных, в так называемые, «самоволки». Город был большой, второй по численности в Узбекистане. А вот патруль присутствовал только в центре города, на вокзале и в аэропорту, предоставляя самовольщикам широкое поле деятельности в остальных районах города. А уж если зайти в старый город, то там вообще можно было себя чувствовать в полнейшей безопасности. У многих ребят появились подруги в городе, и они бегали к ним, порой приходя только к подъёму.

Время от времени, в Училище, организовывали вечера, приглашая по очереди какой-нибудь институт. Понятное де-

ло, что на эти вечера приезжали только студентки, преследуя определённую цель – закадрить курсанта. В Самарканде было несколько ВУЗов, ориентированных, в основном, на женские специальности. Это, к примеру, СамГАСИ – архитектурно строительный, СамГУ – гос. университет, медицинский и ещё какие-то. В то время, я почему-то, опять стал стесняться девушек и в то время, когда все курсанты рвались на подобные вечера, я в тот день сам просил, чтобы меня назначили в наряд дневальным. Этим я извлекал какую-то прибыль для себя, так как те, кто стояли в наряде в такой день, освобождались от нарядов на два срока.

Каждое второе воскресенье сентября, отмечался наш профессиональный праздник – «День танкиста». В том году он выпадал на 13 –е число. В тот день, человек 15 из нашей роты, которым было обещано увольнение, не могли дождаться командира роты, чтобы получить у него увольнительные записки. По какой-то причине, он сильно задерживался. Уже все увольняемые из других рот, ушли в город. И тогда я, призвал всех уйти в самоволку. И мы так и сделали. Уж не помню где, но мы прилично выпили и находились на территории парка отдыха, когда какой-то курсант крикнул нам «Наших быют»! В подобных случаях, мы приучились реагировать без промедления и помчались в указанном направлении. Прибыв к месту, мы оказались свидетелями немногочисленной драки курсантов с гражданскими. Но, кроме нас, к месту драки уже подруливали несколько мотоциклов с ми-

лиционерами. Все участники драки, моментально разбежались, а в центре событий, оказались почему-то, только я и мой друг Игамкулов. Милиционеры предложили нам сесть в мотоцикл и отвезли в ближайший участок. Вообще, они не имели права нас задерживать и поэтому вели себя в отношении нас корректно. Через некоторое время они передали нас, прибывшим военным патрулям, которые доставили нас в комендатуру города, где нас поместили в камере гарнизонной гауптвахты. Часа 2-3 мы находились там, постепенно трезвея. Мы решили, что, когда за нами прибудет дежурный по военному училищу, чтобы перевести нас в свою, училищную, гауптвахту, сбежать из машины, по пути следования. Но, к несчастью, дежурным по училищу в тот день, оказался наш командир роты. Принимая нас под роспись, он выразил удивление увидев меня. «Только от тебя я не ожидал этого» -сказал он мне. Побег потерял смысл, и мы, покорно влезли в дежурную машину. Нас привезли в училище и поместили на ночь на гауптвахте, в караульном помещении. Утром мы поплелись в расположении роты. Страшно болела голова с похмелья. Нас даже не стали наказывать, посчитав наше нахождение в милиции, комендатуре и ночёвке на гауптвахте, достаточным. Здесь я должен немного остановиться на состоянии дисциплины, в нашем училище. Не взирая на все, принимаемые меры, дисциплина в училище была на очень низком уровне. В отличие от других училищ, где традиции и культура поведения, ковались десяти-

летиями, порой с ещё дореволюционных времён, наш ведущий курс, был недостаточно подготовлен к роли воспитателя подрастающего поколения. Всего за один год обучения в одном из титульных училищ, мы конечно же, набрались кое-какого опыта, но, будучи предоставлены самим себе, в условиях, почти что, вседозволенности и слабого контроля со стороны командования, начали деградировать в отношении личной дисциплины. Широко распространились такие явления, как самоволка, пьянство, неподчинение старшим. За сон на посту в карауле, часто даже не наказывали, а обходились устным выговором. Некоторые курсанты, находясь в состоянии похмелья, с утра шли в офицерскую столовую, где им без проблем отпускали алкоголь. Конечно, эти случаи были достаточно редки, но в наших бывших училищах, такое событие стало бы настоящим ЧП. Зимой 1972 года в училище стали происходить странные события. На складе НЗ, расположенном несколько обособленно от училища и представлявшего из себя, несколько полуподземных хранилищ, обнесённых высоким, не менее 3-х метров, каменным забором, общей площадью около гектара, стала появляться голова. Склад охранялся силами караульной службы училища и, часовой, охраняющий склады, должен был продвигаться по внутреннему периметру территории вдоль забора. Одна сторона забора, была обращена в сторону училища, а другие три стороны, окружались полями, тянувшимися на 500-600 метров до ближайших построек, принадлежащих какому-то

совхозу. На этих полях, обычно росли огурцы или кабачки, а зимой это была плоская равнина, просматривающаяся насквозь и где невозможно было спрятаться.

Так вот, однажды, часа в три ночи, часовой услышал за забором тяжёлые шаги, приближающиеся со стороны поля и вдруг, над забором появилась человеческая голова, которая поворачивалась по сторонам, как бы кого-то, или чего-то, выискивающая. На посту находился курсант второго курса, который, увидев в темноте подобное зрелище, помертвел от ужаса и застыл в неподвижности. Он находился от головы в 30-40 метрах и ясно разглядел, что голова имеет вполне человеческие очертания, но гораздо больше нормальной. Голова, в течении нескольких минут, разглядывала территорию складов, а потом неожиданно исчезла и часовой услышал удаляющиеся, очень тяжёлые шаги, не свойственные обычному человеку.

Дождавшись смены, часовой сообщил об этом странном явлении разводящему, а тот начальнику караула. Начальник караула, вынужден был доложить дежурному по училищу и слух, пополз среди личного состава. Сначала этому случаю не придали значения и признали его, как чьё-то баловство. В следующую ночь произошёл аналогичный случай. То же самое случилось и в несколько других ночей. По училищу уже сочинялись страшные байки по этому поводу. Тогда была устроена засада, но в эту ночь голова не появилась. Ещё пару дней устраивали засаду, но безуспешно. Как только засаду

убрали, голова немедленно нанесла визит на пост. Особенно боялись головы первокурсники и поэтому, на этот пост стали назначать сержантов. В ротах были проведены беседы с курсантами, на которых командование, пыталось объяснить это явление происками врагов. В конце концов, разрешили стрелять, пока только в воздух. В последующем, услышав стрельбу, группа караульных кидалась к месту происшествия и тщательно обследовали подходы к забору, но никаких следов, обычно не находили. И тогда часовым разрешили стрелять на поражение. Голова была обстреляна и часовой утверждал, что попал в неё, но прибежавшая по тревоге группа караульных, вновь не обнаружила ни малейшего следа, но зато голова, с этих пор, перестала появляться. В связи с этим, в училище провели встречу с каким-то учёным, который попытался объяснить этот случай, природными явлениями, но ему конечно никто не поверил, но сделали вид, что согласились с его выводами. В нашем взводе служил, некий, курсант Мамедов. Его отличала какая-то обособленность. Он ни с кем не дружил, не выдавался особыми знаниями и способностями, но, по непонятной причине, его редко ставили в наряд, зато очень часто отпускали в увольнение. Как оказалось, он был стукачом и более того, намеревался, по окончании училища, идти служить по линии КГБ, для чего, уже заранее посещал «особый отдел» училища, куда

редавал все, интересные, с его точки зрения, происшествия

в роте, разговоры между

курсантами и т.п. Наверняка он выполнял и специальные задания начальника «особого отдела» по выявлению антисоветской деятельности. Однажды он сильно подвёл меня. Меня назначили дежурным по роте, а он был дневальным. Под утро, из-за холода, он взял одеяло и накинув его на себя, стоя у тумбочки, когда в казарму, неожиданно вошёл

дежурный по училищу. Я доложил ему о том, что ничего не случилось, но дежурный велел поднять старшину роты и снял меня с дежурства, велел старшине назначить другого, из-за грубого нарушения мною дисциплины и устава, что выразилось в попустительстве дневальному, нарушить форму одежды. Мне не следовало, ни в коем случае, позволять Мамедову закутываться в одеяло, но я проявил малодушие.

К моему удивлению, Мамедов не понёс никакого наказания. Приближались майские праздники и командование, начало составлять списки участников парада. Как раз, перед этим, где-то в марте, противостояние между командиром нашего батальона Кошечкиным и начальником училища, только что получившим звание генерал-майора, закончилось отставкой Кошечкина с должности и уездом его на родину, в Киев. Дело было в том, что первое время, обладавший непререкаемым авторитетом и всеобщим уважением курсантов, полковник Кошечкин, награждённый звездой «Герой Советского Союза» и американским орденом «По-

чётного легиона», которым всего то в мире награждены человек десять, резко не понравился начальнику училища, тоже в звании полковника, который, по своей молодости, не участвовал в войне и не имел наград, кроме незначительных памятных и юбилейных медалей, но обладал солдафонским менталитетом. Он с первого дня, начал завидовать славе нашего комбата и его авторитету, среди личного состава. Я конечно не был свидетелем тех интриг, которые проводил начальник училища, с целью опорочить нашего комбата, но они видимо сработали удачно. Не первую роль здесь имела чрезвычайная доброта и простодушие Кошечкина, который за двадцать последних лет, на гражданской службе, несколько подрастерял военные, особенно командные, привычки. Иначе, как «голубчик», он нас не называл. Помогал всеми средствами и никогда не сдавал провинившихся. Часто, пользуясь своими правами героя, покупал курсантам билеты на самолёт или поезд, в сезон отпусков. Горой стоял за нас перед начальником училища, лично вмешиваясь в конфликты. Замполит батальона ходил при нём тихо, как мышь, не имея возможности покарать кого-либо, за какие-то прегрешения. Вместо Кошечкина, командиром батальона, стал бывший преподаватель тактики, подполковник Горецкий.

Будучи преподавателем, он заискивал перед комбатом и старался понравиться курсантам, но сразу же после назначения на должность, он показал себя во всей красе. Во-первых, резко изменилось его отношение к курсантам. Он сразу по-

суровел и в его поведении появилась неприкрытая, надменная. Его голос срывался на крик. Направо и налево началась раздача наказаний, за малейшие проступки. В течении месяца, он настолько опротивел нам, что его начали открыто избегать. Едва увидев его, все тут же разбегались по сторонам, лишь бы, не встретиться с ним. Это вообще бесило его и он, выйдя из себя, срывал свою злость на дежурном или дневальном, которые не имели возможности спрятаться. Зато замполит при нём, просто расцвёл. Они с комбатом стали прямо –таки друзьями. Оба подловатенькие и злопамятные, они не могли натешиться, издеваясь над подчинёнными. Вокруг них так и вились стукачи и шестёрки, которых эти двое, открыто поощряли за их гнусную деятельность, что было невозможным при Кошечкине. И вот, служба препода-несла мне первый тревожный сигнал – моего имени не оказалось в списках парадного расчёта. Это просто повергло меня в шок. Мой послужной список просто не мог дать повода, для недовольства мной. Тем не менее, рота начала строевую подготовку, а лица, не участвующие в параде, должны были в это время нести караульную и постовую службу. Я обратился к командирам взвода и роты, и они пообещали разобраться с этим, сами находясь в недоумении. Через несколько дней, меня перевели в парадный расчёт, и я забыл об этом недо-разумении. Одновременно со всеми этими сборами, нас распределили по воинским частям, для прохождения будущей командной стажировки. Меня записали в город Гори в Гру-

зии, родину Сталина.

В этом году нас не повезли в Ташкент. Парад прошёл непосредственно в Самарканде. Участие в параде, принимали, дислоцирующиеся поблизости воинские части и самое первое в СССР, военное училище прапорщиков, которое квартировало напротив нашего училища. Воинское звание прапорщик было вновь введено в 1972 году, чтобы заменить собой, ликвидирующийся институт служащих сверхсрочной службы. Я хочу кратко остановиться на этом. В царской армии, звание прапорщик было

первым офицерским чином, соответствующим младшему лейтенанту. Одновременно, в морском флоте, вводилось аналогичное звание мичмана. До 1972 года, в СССР существовала прослойка военнослужащих, занимавшая промежуточное положение, между офицерами, с одной стороны и солдатами, и сержантами, с другой стороны. Прослойка эта называлась сверхсрочной службой и предназначалась для привлечения в армию, необходимых специалистов и командиров низшего звена. Формировалась эта прослойка, из числа отслуживших положенный срок солдат и сержантов, продолжавших службу, уже в новом качестве, по собственному желанию на контрактной основе. Этим лицам полагалась офицерская форма, но звания у них оставались прежние, которые они получили в процессе срочной службы. Поэтому, сверхсрочники могли иметь звания от рядового до старшины включительно, что создавало некоторые неудобства в от-

ношениях между ними и срочниками.

Видимо, для придания большего авторитета и для создания различий по отношению к срочникам, служащим сверхсрочной службы, придумали единое звание прапорщик и создали погоны с двумя звёздочками без просветов, расположенными вдоль погона, одна над другой. Чтобы придать прапорщикам дополнительный авторитет, все, желающие получить это звание, должны были пройти некие краткосрочные курсы, со сдачей экзамена. И вот повсеместно, были созданы эти самые школы и училища, одно из которых устроили в Самарканде. Уже через месяц, между курсантами и сверхсрочниками, создались неприязненные отношения, переходящие иногда в драки.

Разногласия выявились на почве различных условий жизни. Так, если курсантам 3-го курса, полагалось жалованье в размере около 18 рублей, то сверхсрочники получали не менее 120 рублей. Кроме этого, они имели свободный выход в город и пользовались всеми офицерскими привилегиями. Не удивительно, что в короткое время, они перехватили в городе почти всех девушек. Были и другие менее значимые отличия. Но вернёмся к параду. Училище прошло великолепно, но, командование батальона, было крайне недовольно тем, что наш, 3-й курс, продефилировал перед трибунами в не совсем, уставной форме. Каждый третьекурсник был обут в собственные туфли.

Носить выданные, уставные ботинки, мы, отказались. И я

шагал в своих знаменитых английских туфлях. После парада, вновь приступили к учёбе и, одновременно, начали сдавать, некоторые экзамены. А тут ещё, наш и первый взвода, послали на полигон, копать траншею, для прокладки какого-то кабеля. Полковник, который руководил работами, распределил наши два взвода по всей длине кабеля. На долю каждого, пришлось где-то, по 5 метров. Дав приказ начинать копать на глубину человеческого роста, полковник уехал. Мы начали копать. Жара стояла под 40 градусов, а земля по твёрдости, не отличалась от бетона. Никто и не собирался копать в человеческий рост, не сговариваясь, все ограничились глубиной, около полутора метров. Ближе к обеду, мы почти закончили траншею, и ребята начали вылезать и усаживаться отдохнуть. Я тоже закончил и вылез, зато мой сосед, курсант Цой, продолжал копать дальше. Получалась неприглядная картина – вся траншея, на всём протяжении, глубиной 1,5 м, вдруг на участке курсанта Цоя, ныряла на целый штык лопаты глубже. Такой резкий перепад, не мог быть не замечен и мог бы стать причиной доработки траншеи, по всей длине, чему мы вряд ли бы обрадовались. Поэтому я, вполне резонно, посоветовал ему прекратить копать и засыпать свой участок, на один уровень, с общей глубиной траншеи. На это он мне ответил в том духе, что мол с такими, как я, коммунизм не построишь. Я засмеялся и спросил его: «Ты что, в самом деле веришь в коммунизм?». Он вылез и вступил со мной в спор. Оба взвода собрались вокруг и с интересом слушали

нашу дискуссию. В конце концов я убедительно доказал, что коммунизм просто невозможен. И все ребята согласились со мной. Точку в нашем споре поставил, вернувшийся полковник. Осмотрев траншею, он остался в основном доволен, но по поводу углублённого участка, сказал: «Что за дурак здесь копал? Немедленно засыпать до общего уровня!» и отпустил нас на обед. Курсант Цой, был посрамлён, но тут я понял, что поступил крайне опрометчиво. Совершенно недостойно и даже глупо, для будущего офицера, вести подобные, анти-советские разговоры, да ещё в присутствии 40 человек, среди которых наверняка найдутся стукачи. Мне просто необходимо было, как-то оправдаться и я, подойдя к Цою, заверил его, чтобы все слышали, что я, дескать, не сомневаюсь в наступлении светлого будущего – коммунизма, а мой разговор всего лишь проверка его бдительности. Тем не менее, у меня на душе, остался очень неприятный осадок. И вот, в одно утро, когда мы строились, чтобы отправиться на завтрак, ко мне подошёл посыльный из штаба и передал приказ, явиться в «особый отдел». Просто так туда не вызывают и у меня прямо мурашки побежали по телу. Я отправился в штаб и не доходя до него, встретил самого начальника «особого отдела», ждущего меня, на дороге. До этого, мне ни разу не приходилось близко встречаться с этим, неприметным с виду, капитаном, еженедельно меняющим символы на погонах. То он был лётчиком, то десантником. Сегодня, у него были погоны общевойскового офицера. Он сразу, не позволяя мне

доложить о прибытии по его приказу, рядясь в простодушно-го «рубашу-парня», произнёс: «Ну, вот, наконец-то! Садись в машину». У штаба стоял военный ГАЗ-69, куда я и влез. Капитан сел на переднее сиденье, и мы поехали в город. По дороге капитан вёл непринуждённый разговор с водителем на отвлечённые темы, в том числе о предполагающейся поездке на рыбалку. Я всю дорогу молчал, всем видом показывая полное равнодушие к происходящему, чем, видимо вызывал, плохо скрываемое, озлобление у капитана. Вскоре машина въехала в неприметный двор областного управления КГБ. В сопровождении капитана, мы проследовали в здание и вошли в одно из помещений, представляющем из себя, что-то вроде приёмной, так как далее находилась дверь, ведущая в другое помещение, с табличкой, на которой было что-то написано, но я даже не обратил внимания на эту надпись. В комнате располагался канцелярский стол, несколько стульев, шкафы с какими-то папками. Капитан предложил мне сесть и удалился. Я сел и начал строить различные предположения о причине моего задержания. Всякие нехорошие мысли лезли в голову, но основной причиной, я всё-таки посчитал, недавний спор с курсантом Ли, о возможности построения коммунизма в СССР. У меня теперь не оставалось сомнений, что мои речи, доведены до надлежащих органов. Вскоре в комнату вошли капитан и незнакомый мне, солидного вида, очень уверенно державшийся, полковник лет 52-54. Я встал по стойке смирно, но полковник, по-дружески протянул мне

руку и представился. Его фамилия была весьма оригинальна – Зороастров. Я не знаю, какую должность он занимал при управлении, но в дальнейшем, они по очереди, допрашивали меня, изображая из себя, по старинной традиции дознания, доброго и злого следователей, о чём я догадался в далёком будущем, причём роль злого следователя, играл капитан. Полковник предложил капитану выйти и начал разговор со мной, усевшись, напротив. Не объясняя никаких причин моего пребывания здесь, он сначала

выложил на стол толстенную, в 5 пальцев, папку с бумагами и, открыв её, пробежал глазами первую страницу, в течение нескольких секунд и, участливым тоном, начал мне объяснять, что мне надлежит написать свою биографию, настолько подробно, насколько это возможно. На столе лежала пачка бумаги, из которой он достал лист и подал мне вместе с авторучкой. При этом, я должен был рассказать про своих родителей всё, что мне о них известно. Я, стараясь не выдавать своих эмоций, начал писать, причём полковник, потребовал, чтобы я комментировал свою писанину.

Как я понял через короткое время, та папка, которую принёс полковник, содержала

подробнейшее моё досье, с которым он и капитан, сверялись и постоянно поправляли меня, если я вдруг, чего-то забыл или пытался утаить. Там были данные обо мне, начиная с ясельного возраста и до нынешнего момента. Я поразился их осведомлённости и той грандиозной работой, которую

кому-то, а скорее всего не одному десятку агентов, пришлось выполнить, чтобы заполнить эту папку.

Да, подумал я, не зря КГБ получает свою зарплату! Итак, я начал писать. Сначала, дату рождения и место, а также подробнейшим образом о происхождении своих родителей, их работе, месте рождения и, по требованию полковника, об их родителях и родственниках родителей. Конечно я знал об этом мало, но полковник, поглядывая в папку, направлял меня наводящими вопросами. От них мне стало известно, что мой дед плёл лапти по заказу для Красной Армии, а затем сжёг всю партию из-за прихода белых, что в будущем и явилось одной из причин его ареста и осуждения к высшей мере. Минут через 20 полковник вышел и его заменил капитан, который начал страшить меня тем, что я, буду писать здесь до тех пор, пока не напишу всё, даже если для этого, придётся остаться здесь на несколько дней. Заглянув в папку, капитан потребовал от меня, изложить причину ареста матери, как будто он узнал об этом впервые. Я не буду подробно рассказывать всю эту историю. Все обвинения в мой адрес, по моему мнению, звучали совершенно абсурдно. Эти два, взрослых мужчины, поочерёдно сменяя друг друга, пытались мне доказать, что я виновен в том, что мать занималась антисоветской деятельностью, а я и вовсе, как враг народа, всячески пытался вредить становлению советской власти ещё с дошкольного возраста. Всё своё свободное время, мы с матерью, якобы, только и делали, что прослушивали

вражеские радиостанции типа «Голос Америки», «Немецкая Волна» и т.п., а потом, на работе и в школе, распространяли ложные слухи. По их словам, выходило, что уже только наличие радио в семье, уже являлось наказуемым проступком. Потому что всякий, слушающий радио, при настройке волны, обязательно, ненароком, натыкался на вражеский голос и невольно прослушивал какие-то отрывки речи, прежде чем до него доходил смысл сказанного, и он догадывался, что это антисоветская агитация, но он уже оказывается, получив дозу клеветы, становился, как бы заражённым и в следующий раз, уже мог специально настроиться на вражескую передачу. Я должен здесь объяснить, что в СССР, существовали спецслужбы, ответственные за недопущение свободного приёма иностранных радиостанций. Специальные устройства подавляли чужие радиопередачи, устраивали шумовые завесы, так, что, в сущности, даже при большом желании, слушать вражеские голоса, было попросту, крайне неблагоприятным делом. Из-за тресков и шумов, можно было различить лишь отдельные слова, а смысл всей передачи уловить было практически невозможно. Да и не было у меня никакого желания заниматься такой ерундой, благо я был и так, занят по горло другими делами. Но мне, тем не менее, всё равно приписали эту деятельность, хотя и не в полном объёме. Далее, мне инкриминировали, создание подпольной организации в 9-м и 10-м классах. Как я уже писал ранее, со своими друзьями создал организацию, так называемую партию

«Нейтралитета», из 5-ти человек, с уставом, запрещающим ходить на танцы, вечера, участвовать в массовых мероприятиях, а самое страшное – не вступать в ВЛКСМ. Оно действительно, детская игра, как она мне казалась ранее, в словах, Г-бистов, вырисовывалась, прямо-таки, кулацким восстанием, подрывающим устои советской власти. А дальше и того хуже – поездку в Крым в 1968 году, мои судьи обрисовали, как необходимость получения инструкций, лично от своих зарубежных покровителей. По их версии выходило, что, приехав в Алушту и поселившись подальше от людей, я, маскируясь под отдыхающего, воспользовался аквалангом, и по ночам, плавал на стоящий на рейде, в 12 милях от берега, военный корабль НАТО, где меня завербовала разведка США и поручила вести пропагандистскую деятельность в среде молодёжи, а по окончании школы, поступать в военное училище, с далеко идущими целями – проводить после получения офицерского звания, аналогичную пропаганду в Советской Армии. К их сожалению, они не смогли доказать, что я слушал Америку в военном училище, так как у меня не было приёмника и это можно было легко проверить. Также, меня обвинили в связи с родственниками, живущими за границей, о чём я услышал впервые. Как оказалось, знаменитый атаман Семёнов, по приказу которого был сожжён в топке паровоза, легендарный разведчик Лазо, оказался также моим дальним родственником и я, по их сведениям, переписывался с ним. Были и другие обвинения, в том числе распева-

ние песен, антисоветского содержания, рассказывание анекдотов, порочащих честь и достоинство руководителей партии и правительства. Я уже не могу в полной мере, вспомнить все подробности этого допроса, но продержав меня часов до 7 вечера голодным, меня отвезли обратно в училище, на том же ГАЗике и капитан даже пожал мне руку и посоветовал никогда больше не заниматься подобными делами, а я заверил его, что всё понял и буду в дальнейшем активным строителем коммунизма. Придя в казарму, я встретил командира роты, капитана Чёрного, который осведомился у меня, о причинах моего отсутствия. Я ответил, что побывал в КГБ, Капитан, помрачнел и пригласил меня в канцелярию роты, где я, вкратце рассказал ему свою историю. Он очень внимательно выслушал меня и отнёсся ко мне с пониманием. Всё это, по его мнению, было весьма серьёзно и могло вызвать неприятные последствия. Я же, почему-то был уверен, что на этом дело кончилось, но он заверил меня, что всё ещё впереди и посоветовал вести себя крайне осторожно. Должен отметить, что командир роты оказался, в конечном итоге прав, но я, отнёсся, к его словам, легкомысленно и не придавал им, нужного значения. На следующий день меня вызвал замполит батальона майор Ивашов и я вновь, рассказал ему свою историю. Замполит отнёсся к этой истории совершенно иначе, чем капитан Чёрный и, в отличии от него, проявил, я бы сказал, какое-то злорадство. Он открыто заявил, что его «агенты» в батальоне, докладывали ему

о моих похождениях, но многое он слышит впервые и даст им за это нагоняй. Далее, жизнь опять потекла своим чередом, как будто ничего не случилось. Приближалась летняя сессия. Наш комбат, попросил моего друга Игамкулова, достать ему чайный сервиз. Нужно сказать, что отец Игамкулова, занимал должность начальника ГАИ города Катта Курган, недалеко от Самарканда, и поэтому имел возможность достать фактически любой дефицит.

Игамкулов выпросил на эту операцию два дня отпуска, меня, в сопровождение и мы выехали в субботу. Приехав в Катта Курган, добрались до дома родителей Игамкулова. На первый взгляд, дом представлял из себя обычную узбекскую кибитку, обнесённую глиняным дувалом. Однако внутреннее убранство, совершенно не соответствовало внешнему, неказистому виду строения. Мебель была европейская, новая и безусловно, добытая по «блату». Соответствовала общему интерьеру и бытовая техника.

Всё было, как говорят «на высоте». Мы поели, переоделись в гражданскую одежду и пошли гулять в город. Уже темнело, когда мы подошли к городскому дому культуры. На тротуаре стоял какой-то молодой узбек, блатного вида и беседовал с несколькими девицами. По непонятной причине, он придрался к моему другу, обвиняя его в том, что тот, якобы, бросил в его сторону окурков, чуть не попав в него. Рустам оправдывался, но незнакомец, не став слушать доказательств, вдруг ударил его кулаком в лицо.

Из носа тут же полилась кровь и Рустам, чтобы не запачкаться, наклонился и прижал руки к лицу. Я до сих пор ругаю себя за нерешительность, можно даже назвать это трусостью, что тут же не двинул этого субъекта по морде, особенно, принимая во внимание тот факт, что я был гораздо крупнее и безусловно, сильнее этого парня. Тем не менее, я стоял в оцепенении и наблюдал безучастно за происходящим. Девицы тут же упорхнули, зато, совершенно неожиданно, со всех сторон повалили какие-то люди и толпой обступили нас вокруг. Поднялся гвалт, кто-то заступался за Рустама, кто-то за его обидчика. Я ничего не мог понять, потому что разговоры велись на узбекском языке. В течении нескольких минут, толпа рассосалась, оставив нас двоих и ещё несколько ребят, как я понял, друзей Рустама. Кровь из разбитого носа перестала течь, и мы двинулись дальше. Зашли в клуб, где под музыку ансамбля танцевали 3-4 десятка пар, послушали музыку, поглядели на танцующих и опять куда-то пошли. Разговор, в основном, вёлся о происшествии. Потом, откуда-то появилось вино, мы выпили и двинулись дальше. Дальнейшее я плохо помню. Побывали и в милицейском участке, куда нас привели милиционеры. Потом нас отпустили, видимо выяснив связи Игамкулова. Где-то мы ещё шлялись и домой вернулись под утро. Немного поспали и на следующее утро стали собираться в училище. Сервиз, не мудрствуя лукаво, Рустам вынул из посудного шкафа, где их стояло несколько штук. Вечером в воскресенье, прибыв на место, Игамкулов,

понёс сервис к комбату в военный городок, а я остался в казарме. Время шло, начались экзамены. Уже мы с Игамкуловым, строили планы, отметить мой день рождения в Катта Кургане, а в отпуск поехать в Ивано-Франковск, к его знакомому. Вдруг, как гром среди ясного неба, грянуло распоряжение о проведении суда чести надо мной, как опорочившим честь и достоинство курсантского мундира. Суд проводился в помещении офицерского клуба. Присутствовали почти все офицеры училища и курсанты 3-го курса. На сцене расположились за столом, начальник училища, его замы, кто-то ещё. Первым выступил замполит училища, полковник Инденюк. Он объявил, что в ряды курсантов затесался человек, который своим поведением порочит звание будущего офицера, слушает голоса вражеских радиостанций, рассказывает антисоветские анекдоты, ведёт пропаганду среди сокурсников и т.д и т.п. Далее пригласили на сцену меня. Должен сказать, что все присутствующие, просто были ошеломлены происходящим. Никто и не подозревал о том, что в их рядах мог так долго скрываться враг народа, искусно маскирующийся, под видом благонадёжного и успевающего в науках и службе, исполнительного курсанта. Особенно, этот факт поразил моих друзей и знакомых, служивших со мной в одной роте, взводе и прекрасно меня знавшими. Должен сказать, что время от времени всех нас знакомили с историями о наказании, отчислении из училища и даже отправке в дисциплинарный батальон, каких-то, неведомых нам курсантов

из других военных училищ, которые оказались врагами народа и занимались антисоветской пропагандой.

В эти истории, большинство курсантов и я, в том числе, верили с трудом. А сейчас я и вовсе понял, что это такое «враг народа» и, как им становятся. Наверное, это открыло глаза и многим другим курсантам, хорошо меня знавшим. В принципе я ничем не отличался от других. Точно также, многие рассказывали антисоветские анекдоты, завидовали жизни людей в капстранах, часто бывали недовольны существующими порядками и открыто об этом высказывались в своём кругу. Были и такие, кто действительно слушал вражеские голоса и не делали из этого тайну. Были и такие, кто напропалую пьянствовал и ходил в самоволки, грубо нарушая военную дисциплину, учился на двойки и т.п. Но, как оказалось, моей исключительности, я узнал об этом позже, я был обязан тем, что моя мать находилась за решёткой, в качестве политзаключённой и КГБ, преследовало цель, не допустить её сына к получению офицерского звания. И вот я поднялся на сцену и стал доказывать присутствующим о совершенной нелепости происходящего, что, собственно и так было ясно, почти всем. Увидев, что дело принимает неожиданный оборот, на сцену выскочил наш особист, успевший уже получить внеочередное звание майора, за «разоблачение тайного агента». Он обрушился на меня, обвиняя в уже вышеприведённых преступлениях. Меня усадили и пригласили на сцену, заранее подготовленных свидетелей обвинения. Это бы-

ли мой замкомвзвода и ещё пара человек. Их выступления были не убедительны и бездоказательны, более того, на сцену начали выходить курсанты, выступающие в мою поддержку и отрицающие возможность моей вины в антисоветской пропаганде. В их числе, выступил даже курсант Цой. Спасая положение, вновь выступил особист, прямо заявив, что защищающие меня, сами могут попасть в число врагов народа, чем остановил поток желающих замолвить за меня слово. Потом выступали начальник училища, замполит и другие, требующие моего осуждения. Под конец, опять выступил я и обещал в дальнейшем исправиться. Потом зачитали постановление о моём осуждении, деталей которого я не запомнил. На этом всех распустили. Выйдя из клуба, я узнал, что ко мне приехал отец и ждёт меня на КПП. Я пошёл туда и сообщил отцу, что у нас, якобы было собрание. Рассказывать правду отцу я не стал. Мы съездили в город, что –то мне купили и потом отец привёз меня обратно. Проводив меня до КПП, он уехал, а я пошёл в казарму. Многие из моих друзей сочувствовали мне. Но, ни я, ни другие, не подозревали, что этим дело не закончилось. Сдав часть экзаменов, большинство курсантов 3-го курса разъехались по местам стажировки. Младшие курсы ушли на каникулы. Училище опустело. Осталась только караульная рота и некоторое количество курсантов, в качестве дежурных, для поддержания порядка в казармах.

я второй справа.

Мою стажировку отменили, и я болтался по училищу не при делах. Всех оставшихся третьекурсников, числом около 30 человек, разместили в казарме 3-й роты. Служба шла, по обычному расписанию. По непонятной причине, в роте появился новый каптенармус – это лицо, отвечающее за ротное имущество: портянки, простыни,

полотенца, спецодежду и т.п. Обычно, на эти должности назначают солдат срочной службы, из числа нестроевых, или блатных – избегающих строевой службы. У нас на этом месте, последнее время, находился узбек, по имени Бурхан, очень плохо говорящий по-русски и пребывающий постоянно, в полусонном состоянии. А теперь в этой должности пребы-

вал молодой человек, славянской наружности, как бы сказали сейчас, в 21 веке. На вид, лет 27-28, с умным лицом и военной выправкой, не соответствовавшей его легенде о том, что он выпускник Пединститута, призванный на один год. Такая система практиковалась в то время и не вызвала у меня сомнений.

Сразу же по вступлению в должность, он подошёл ко мне и с завидной осведомлённостью о моём статусе врага народа, посочувствовал мне и пригласил приходить по вечерам к нему в каптёрку, для прослушивания по радио передачи «Голос Америки» на английском языке, который он знает и будет мне переводить на русский. Опять же, гораздо позже, я понял, что это была «грубая подстава». Этот, так называемый каптенармус, явно был офицером КГБ, приставленным ко мне специально, чтобы спровоцировать на противоправную деятельность. Понятное дело я, обиженный и растерянный, потянулся к умному и сочувствующему человеку, без всякой задней мысли. Мы слушали «Голос Америки», который мне был абсолютно безразличен, и я слушал его лишь из чувства солидарности и уважения, к новому другу. Но тут, начальство, чтобы не давать простаивать без дела, решило всё-таки предоставить мне стажировку. Меня отправили в батальон обслуживания учебного процесса ТБОУ-УП, при нашем училище, в качестве заместителя командира роты по технической части (зампотех). Со мной туда отправили ещё десяток курсантов, которые, по каким-то при-

чинам, не были отправлены на стаж в своё время. С нашего взвода в мою роту попал, командиром танкового взвода, мой друг Коверда Олег, которого, по причине умственной заторможенности, сначала вообще не хотели никуда посылать. Мы выехали на полигон, в место расположения ТБО-УП и приняли свои подразделения, к вящей радости замещаемых офицеров, которые, в большинстве, на время нашей стажировки, ушли в отпуск, а те, кто остался, могли теперь сачковать от службы, полагаясь полностью на нас. Я со всей строгостью отнёсся к стажировке и с головой отдался своей должности. В связи с отсутствием командира роты, мне пришлось выполнять и его обязанности. Должен ввести вас в курс, что в отличии от обычной танковой роты, которая состоит из 10 танков и соответственно 40 человек, мне пришлось иметь дело с учебной ротой, состоящей из 25 танков и всего 29 человек личного состава (не считая офицеров). Почти все, были механиками –водителями, кроме нескольких солдат, обслуживающих собственно роту. Я переписал весь состав и проводил с ними работу, как учебную, так и воспитательную, одновременно занимаясь ремонтом техники. Вставать приходилось в 5 утра, чтобы в полном порядке присутствовать при подъёме, физзарядке. Провести занятия, проверить танки на годность, провести дефектацию машин, отправить роту на обед, присутствовать при самоподготовке, провести вечернюю проверку и уложив спать, отправиться к себе. От Коверды, как командира взвода, было мало толку.

Над ним смеялись солдаты, а он их явно боялся, совершенно не имея командирских навыков. Приходилось нести обязанности дежурного по Батальону, командовать разводом караула и внутреннего наряда, принимать рапорты дежурных по подразделениям и много другого. За стажировку, я получил отметку «отлично» и довольный, вернулся в училище. Училище бурлило возвратившимися из стажировки курсантами, строившими планы на скорые каникулы. Шёл июль 1972 года. Ложный каптенармус-провокатор ещё нару раз привлёк меня к слушанию вражеских голосов, которые я слушал с явным безразличием и исчез, видимо, выполнив свою задачу и освободив место, недовольному Бурхану. Я не придал этому внимания. У нас остался один экзамен- тактика и следом заслуженный отдых. Как я уже писал, свой 20-й день рождения, 16 июля, а день этот приходился на субботу, мы с Игамкуловым, планировали провести в Катта-Кургане, но всё пошло прахом. 15-го июля 1972 года, после занятий, наша рота строем направлялась в казарму. Навстречу попался начальник училища Черенков, со свитой. Он остановил роту, и приказал повернуться к нему. Затем скомандовал: «курсант Микишин, выйти из строя!» Я, чувствуя недоброе, хлопнул по плечу стоявшего передо мной Каримкулова и он, выйдя на один шаг вперёд и влево, освободил мне место. На негнущихся ногах, с дрожью в коленках, я вышел из строя на пять шагов и повернулся на 180 градусов, споткнувшись и чуть не упав, чем вызвал злую усмешку у генерала. Ско-

мандовав «Смирно!», Черенков произнёс речь перед ротой. Он объявил, что я не встал на путь исправления и продолжаю проводить антисоветскую агитацию, слушаю радиопередачи вражеских радиостанций. Учитывая вышеизложенное, командование училища приняло решение о моём отчислении и мне приказано, в течении 4-х часов, покинуть училище и отправиться в Армию, для дальнейшего прохождения службы, в качестве рядового солдата. Место назначения определится чуть позже. Это был страшный удар. Я чувствовал себя, как во сне. По прибытии в казарму, я собрал вещи и отправился в штаб за назначением. Назначения ещё не прибыло. Я попросился на приём к замполиту училища, полковнику Инденюк и был принят. Он меня выслушал и сказал что-то, чтобы меня подбодрить. Никогда раньше я не испытывал уважения к этому, невероятно толстому, не способному пролезть в люк танка, человеку. Но, как оказалось, именно он принял самое активное участие, в моей защите от КГБ и даже, поплатился за это увольнением и отправкой в какую-то воинскую часть, со значительным понижением в должности. Также я зашёл и к Черенкову, но всё было напрасно. Решение было принято компетентными органами и командование училища не было в силах, что-то изменить. Я сдал казённое имущество, собрал свои пожитки, но предписание не поспело к вечеру и меня оставили ночевать в казарме. Утром наконец стало известно, что моё следующее место службы расположено в Туркмении, в Иолотани, городе меж-

ду Байрам Али и Кушкой. Получив документы, я забросил на плечи вещмешок со скатанной шинелью и отправился на вокзал. Меня остановил патруль и начальник патруля, прочитав моё направление, посочувствовал мне и пожелал успехов. Поезд на Ашхабад отходил вечером. Мне удалось найти место в плацкарте и путешествие началось. Через два часа, около 10 вечера, поезд сделал остановку в Катта Кургане, где меня на платформе, встретил Игамкулов и ещё несколько курсантов из другой роты. В связи с моим днём рождения, мы выпили по стакану водки, и я опять полез в вагон. Ребята махали мне, пока не скрылись из глаз. Моё место было уже занято и я, кое-как пристроившись на краюшке сиденья, продремал до утра. Днём поезд въехал в Ташкент. Поборовшись некоторое время с чувством долга, я, всё-таки, решил выйти. Без приключений я добрался в Ангрэн, домой. Там меня встретила сестра, Люда. Уже год после окончания Университета, она работала преподавателем физики в школе. Она конечно пришла в ужас, узнав о моём горе. Позже приехал и отец. Он очень расстроился, но успокаивал меня и себя, фактом повторения своей биографии. Его самого отчислили из военного Училища в 1938 году, после расстрела его отца, признанного врагом народа. К слову, отец до самой своей смерти в 1994 году, не знал, что его отец был реабилитирован в 1958 году, о чём органы постеснялись сообщить его детям. Я прилагаю здесь справку из дела, которую я нашёл в интернете в 2009 году.

Микишин Иван Никифорович 1873 года рождения, уроженец и житель с. Ст. Сарайкино Балтайского района Саратовской области. Качественник колхозной полеводческой бригады. Арестован 19.12.1937г. Осужден тройкой УНКВД по Саратовской области 27.12.1937г. за а/с агитацию к ВМН. Расстрелян в г. Вольске 10.01.1938г. Реабилитирован Саратовским областным судом 14.04.1958г. (Арх. уголовное дело №ОФ-15610). [9875.]

Кушка.
Крест.

Недолго погоревав, жизнь то не закончилась, а я был ещё молод, мы отметили мой день рождения и тут же, день рождения Люды. Через пару дней я отправился в Ташкент на вокзал. Купив билет, в очереди, я познакомился с 4-мя курсантами ТВОКУ,

как и я, отчисленными за нарушение дисциплины и сле-

дующими в ту же дивизию, что и я. Дальше ехать стало веселее. В Байрам Али мы сошли с этого поезда и пересели в поезд, следующий в Кушку. У нас был конфликт с молодыми туркменами, которые пошли за подмогой, но не успели. Мы погрузились в поезд и двинули дальше. Наконец показалась Кушка, а точнее, каменный крест на горе, точная копия креста, стоящего в Болгарии, в местах боёв генерала Скобелева с турками. По традиции, надо было перекреститься на этот крест, что мы и сделали. Поезд въехал на вокзал. Кушка являлась пограничным городом и самым южным рубежом СССР. Город был закрытый и попасть в него, можно было только со спецпропуском. На выходе в город с вокзала, проверяли документы несколько пограничников во главе с капитаном. После проверки документов, люди выходили наружу и очередь таяла. Я сунулся в проход, но осмотрев моё направление, капитан велел мне подождать. Я отошёл и встал сбоку. Один из пограничников, стоящий рядом, поинтересовался, не Микишин ли я? Я подтвердил, и он сообщил, что они уже давно меня ждут. Все пассажиры прошли проверку и разошлись. Мои попутчики, тоже пройдя проверку, ждали меня снаружи. Однако капитан не стал более со мной разбираться и велел идти с ними. Курсанты запротестовали, требуя отпустить меня, но капитан приказал им уходить. Тогда они пообещали, что не оставят меня и сообщат в штаб дивизии. Я, смиренно, побрёл за пограничниками. Мы шли по городу, и я наблюдал за некоторыми странностями. Почти

в каждом дворе, располагалось какое-либо воинское подразделение, гражданские почти не попадались. Вскоре мы подошли к зданию с надписью «Комендатура». Пограничники ввели меня внутрь и передали, находившемуся там капитану, с ярко выраженным азиатским типом лица и удалились. Капитан повёл со мной странный разговор, не то допрос, не то лекция. Я совершенно не воспринимал его речь, он талдычил о достижениях СССР, о счастье служить в советской армии, то есть совершенную ахинею. Потом он отвёл меня в какую-то комнату, в которой одна стена, выходящая во двор, была из металлической решётки, притом дверь комнаты, капитан не закрыл, оставляя мне свободу действий. Я какое-то время сидел в комнате, наблюдая за такой же решёткой напротив, где находился человек, по виду афганец, в длинной рубашке до самого пола и странном, головном уборе. Потом я вышел во двор и стал прогуливаться там. Тут ко мне подошли три молодых офицера пограничника, явно выпивших. Один из них, самый пьяный, начал без всякого вступления, укорять меня в измене Родине, другие двое слушали. Наконец им это надоело, и они утащили своего собрата в неизвестном направлении. Ещё через какое-то время, капитан – азиат вызвал меня к себе в кабинет и оставил с другим офицером, я не запомнил его звания. Тот уточнил и записал мои имя и фамилию, потом начал задавать вопросы относительно моей дальнейшей службы, о чём я совершенно не имел понятия. Также, обругав меня в измене и посу-

лив жестокое наказание, он удалился, а я опять продолжил слоняться во дворе комендатуры. Наконец, какой-то тип в гражданском, но явно с военной выправкой, велел мне следовать за ним. Время уже подходило к вечеру, а я с утра ничего не ел, но никто мне не предлагал перекусить. Гражданский привёл меня во двор какого-то длинного здания, оказавшимся казармой небольшого подразделения, не более роты. Он завёл меня внутрь и указал на одну из кроватей, предлагая мне здесь расположиться. Я положил на кровать своё немудрённое имущество и уселся на ней, размышляя о своём положении. В это время, в казарму стали входить солдаты и не обращая на меня никакого внимания, занялись своими делами. С солдатами вошли двое курсантов пограничников третьего курса, как видно находящихся здесь на стажировке. Я обрадовался и подошел к ним с расспросами, по поводу моего содержания у них. Каково было моё удивление, когда эти курсанты ничего мне не отвечая, отворачивались и делали вид, что не понимают и даже не замечают меня в упор. Это было поразительно и вызывало странное ощущение, что я всё это вижу во сне. Солдат построили на вечернюю проверку, а я вышел во двор. Никто не обращал на меня внимания. Я покрутился снаружи и, найдя водопроводный кран, вдоволь напился на голодный желудок. Потом я зашёл в казарму и улёгся спать. Утром солдат разбудили, и они убежали на зарядку. Старики, как и положено, продолжали спать и поднялись после возвращения солдат. Подошли курсанты

пограничники, построили роту и повели на завтрак. Меня, по-прежнему, не замечали. Весь этот день и следующий, я наблюдал за обыденной жизнью роты. Как они встают, занимаются своими делами, ложатся спать и т.д. Голод уже становился невыносимым. Я только пил воду из крана. Наконец я решил выйти на улицу и поискать какую-нибудь столовую. Но стоило мне выйти за ворота, как меня окликнул тот самый гражданский, что привёл сюда. Он велел мне зайти обратно, не вникая в мои объяснения. Мне ничего не оставалось делать, как зайти обратно, в полном недоумении. И тут вдруг в ворота вошёл майор, с погонами танкиста и с повязкой дежурного на левой руке. Он сразу заметил меня, и велел собираться. Я зашёл в казарму, за своими вещами и, собрав их, пошёл обратно. В это время майор, на повышенных тонах, скандалил с гражданским. Тот пытался задержать меня, но майор, весьма бесцеремонно, оттолкнул его и повёл меня с собой. По пути он рассказал, что курсанты пожаловались в штаб дивизии о моём задержании, но много времени ушло на мои поиски. Майор привёл меня в штаб, и я доложил о своём прибытии. Мне выдали направление в г. Иолотань, в танковый полк, на должность командира взвода и попросили подождать, пока за мной приедут. Я расположился в коридоре, но тут меня опять вызвали к дежурному и тот поведал мне, что пришёл приказ о перенаправлении меня в Чирчик, в ТВТКУ. Он отнял моё направление и вручил новое. Потом он вызвал дежурного писаря и приказал тому

проводить меня до вокзала. Писарь довёл меня до вокзала и оставил там. Путешествие продолжалось. Я попал в купе с тремя военными – два солдата и прапорщик. Только поезд тронулся, прапорщик достал пару бутылок вина и закуску. Предложили и мне выпить. Я признался, что трое суток ничего не ел. Прапорщик открыл банку тушёнки и протянул мне вместе с куском хлеба. Я выпил стакан вина и начал жадно есть. Прапорщик и солдаты вынули все свои припасы, и я налёг на них. Уж точно не помню, как добрался до Ташкента и вновь поехал домой. Пару дней провёл дома, пьянствовал и отъедался. Никого из моих одноклассников, в городе не было. Кто служил в армии, кто учился в институте. Время мчалось быстро, и я вынужден был отправиться к месту новой службы. Доехав до Ташкента, я решил добираться до Чирчика поездом. Видимо от усталости, я проспал Чирчик и мне пришлось возвращаться обратно. Уже после обеда я наконец добрался до ТВТКУ и представился в штабе училища дежурному. Погоны у меня ещё были курсантские и дежурный по училищу, посетовав на приключившееся со мной горе, отправил меня в батальон обслуживания. Я попал в учебную танковую роту. Как я уже писал ранее, учебная танковая рота состояла в большинстве из механиков водителей и трёх –четырёх человек обслуживания. В роте было около 30 человек, притом оказалось, что рядовым оказался только я и ещё один, разжалованный за пьянство. Все остальные были сержантами. Мой провожатый – дежурный по роте сер-

жант, подвёл меня к кроватям в казарме и предложил располагаться. Здесь произошёл курьёз. Я залез было на второй этаж койки, но сержант решительно воспротивился. Как оказалось, в армии очень чётко следовали традициям. Старослужашие обычно располагались снизу, а вторые этажи коек, предназначались молодняку. Я не был с этим знаком, но теперь приходилось считаться с новыми правилами. Служили в армии два года, а я уже прослужил более трёх лет, то есть был самым что ни на есть «дедушкой». Я оставил свои вещи и пошёл представляться командиру роты. Меня назначили радистом при штабном бронетранспортёре, который я только однажды, разглядел со стороны. За всю службу ни разу к нему не подходил. Честно говоря, я даже не помню, чем занимался те 4 месяца, до своего дембеля. Погоны пришлось нацепить солдатские, сапоги кирзовые. Относились ко мне почтительно, тем более, что мои друзья, учились на 4 курсе и я с ними встречался неоднократно. Командир роты и взводный меня не трогали. Я сблизился с несколькими сослуживцами и вместе с ними частенько выпивали на досуге. До самого дембеля я не был уверен, что меня демобилизуют, но слава Богу, всё обошлось и в числе первых я был отпущен на волю, как сейчас помню, 11 ноября 1972 года. Я получил причитающиеся мне деньги в штабе, что-то около 40 рублей. Один из моих новых друзей проводил меня за КПП, и я отправился на вокзал. Уже вечером, того же дня я вошёл в нашу квартиру в Ангрене. Несколько дней отмечал свой дем-

бель. Отметился в военкомате. Мы жили втроём: я, отец и сестра Люда. Отец и сестра работали, а я отдыхал. Мне было необходимо прописаться в квартире, для чего следовало сходить в Домоуправление. И вот, где-то на второй неделе моего пребывания, я отправился туда, одевшись в курсантскую форму. Проходя мимо одного из домов барачного типа, меня окликнули из окна угловой квартиры. В окошке, улыбались мне, несколько, разновозрастных девчонок. Я подошёл к крыльцу, а они вышли ко мне. «Куда направился курсантик?» – спросила одна из них. Завязалась беседа, с шутками и подколами, мы познакомились. Я разглядывал девчат, особенно мне понравилась одна из них по имени Света, лет 17-18-ти. Другая, Оля, была вообще ещё соплячка лет 15-ти, третья, весьма симпатичная татарка Гуля, с хорошей фигурой, лет 20-ти. Четвёртая тоже была татарка, но уже лет тридцати, имя которой я не запомнил. Я пообещал зайти к ним вечером и отправился по своим делам. Часов в 6 вечера я уже стучался в дверь барака. Из-за двери вдруг раздаётся мат, я опешил, но не придавал этому особенного значения. Они впустили меня и попросили подождать. Оказывается, они наряжались, чтобы пойти гулять. Совершенно не стесняясь меня, они продолжили переодевание. Я не был приучен к таким картинам и, хотя они и удерживали меня, вышел наружу. Через некоторое время они закончили приготовления и мы, все вместе, пошли в город. Я со Светкой отделились и отстали. Мы, вкратце поделились своими биографиями.

Как оказалось, в этой квартире проживают Света с матерью и её 10 летний брат. Мать, работает в больнице нянечкой или уборщицей, сутками. Почему у ней нет отца, я не спросил. Сама она, закончив 8 классов, бросила учёбу и нигде не работает, и не учится. Немного прогулявшись, мы вернулись в барак, где Света бесцеремонно потащила меня в кровать. У меня совершенно не было опыта в подобных делах, и я действовал весьма нерешительно. Однако, едва мы разделись и собрались заняться делом, в дверь постучали. Светке пришлось открыть дверь. В комнату вошли Гуля с Олей и три парня. Они выложили на стол несколько бутылок портвейна и немудрённую закуску. Светка накинула что-то на себя и села с ними. Я вылез из-под одеяла и присоединился к ним. Познакомились. Один парень, Эдик, крымский татарин, настоящий мачо, ростом под 2 метра, был с Гулей. Ещё один, низенький толстяк, также татарин, с Ольгой, а третий, русский, по имени Дима, оказался бывшим Светкиным ухажёром. Разлили вино по стаканам и выпили, потом ещё. Я и Дима вышли на крыльцо покурить, и он рассказал мне про Светку некоторые подробности, о которых она мне, не желала сообщить. Оказывается, Светка и её подруги были, мягко выражаясь, девушками весьма лёгкого поведения, но ни в коей мере, проститутками. То есть они не продавались за деньги, а отдавались, как бы по любви или для поддержания дружбы. Эта барачная квартира являлась притоном и сюда собирались девушки, откуда их разбирали желающие,

приезжая за ними на машинах или приглашая на какие-то мероприятия. Сама Светка была у них за старшую. Её особенностью было, заводить себе парня на пару -тройку дней и, переспав с ним, искать другого. Ещё вчера Света отставила Диму, но он опять пришёл, надеясь, что она смилостивится над ним. А ещё, он открыл мне неприятную новость. Света уже переболела и триппером, и гонореей, который подхватила у узбеков, и я возблагодарил судьбу, что не успел с ней переспать. Мы зашли и продолжили пьянку. Наконец всё было выпито и уже часа в 2 ночи, мы начали раскладываться спать. Эдик с Гулей расположились на диване, Оля с толстяком на кровати. Мы со Светкой на полу, а Дима на детской кровати Светкиного брата. Светка была вдребезги пьяна и тут же отрубилась. Толстяк забрался на Олю, но не смог ничего сделать, и они оба тоже отключились. Зато Эдик и Гуля давали жару! Я не мог заснуть, слушая их стоны. Наверное, не менее ещё двух часов, они совокуплялись на диване, используя самые разнообразные позы и способы, и я поражался их работоспособности. Но наконец и они затихли. Я никак не мог заснуть, возбуждённый всеми сегодняшними приключениями. Полежав ещё с час, я встал, оделся и незаметно ушёл домой. Потом я ещё не раз приходил к Светке в гости. Обычно гуляли с ней по тёмным переулкам, так как она не любила центра, наверное, потому, что была слишком хорошо известна в городе. Я не пытался с ней переспать и это её поражало и одновременно, сильно влекло ко мне. Она сама при-

ходила ко мне и вызывала на улицу, если я долго не навещал её. Она даже, как мне кажется, больше ни с кем не пыталась завязать отношения и неоднократно пыталась убедить меня жениться на ней, уверяя, что в качестве жены, будет верна только мне. Но я на это, конечно не купился, тем не менее, продолжая с ней довольно часто встречаться, так как у меня больше никого и не было. С ней было интересно. Она, во всяком случае, указывала на многих встречающихся нам, во время прогулок, симпатичных девушек, сообщая об их прелюбопытных сексуальных похождениях. Она на многое раскрыла мне глаза, сбросив с большой части прекрасной половины человечества, по крайней мере нашего города, покров таинственности, которым я, по своей неопытности, их надеял. Это безусловно, помогло мне в дальнейшем, справиться со своей застенчивостью, гораздо проще знакомиться и непринуждённо общаться с девушками. Должен сказать, что жизнь Светы Шапошниковой, сложилась трагически. Мы совершенно расстались уже к весне, и я ничего не знал о ней до 2012 года, когда нечаянно натолкнулся в интернете на того самого Эдика, с которым мы делили Светкину комнату, в ту ночь любви, когда он с Гулей резвились на диване, а я лежал с пьяной Светкой на полу. Эдик сообщил мне, что Света спилась и умерла от алкоголизма в конце 70-х годов. Ей было не больше 28 лет. Итак, я частенько принимал участие в попойках, происходивших в бараке и познакомился со многими интересными личностями, поднаторевшими в наруше-

нии уголовного кодекса. В бараке было весело, там к вечеру, собиралась компания девушек, которых забирали по одной и группами, чаще всего узбеки, таджики или крымские татары. В конце ноября, из морфлота, демобилизовался мой друг – Володя Тюрин. Мы с радостью встретились и несколько дней отмечали его приезд. А где-то в декабре, я его повёл вечером на «малину» к Светке. Мы думали снять для него одну из девочек. Я одел курсантскую форму, а он был в форме моряка. Уже темнело, когда мы подошли к бараку. Было нечто странное в этот вечер. Тишина в доме, какие-то странные личности, молча курившие, с обоих торцов здания. Тем не менее, мы зашли в барак и постучали в дверь. Дверь открылась, и мы, к своему удивлению, увидели стоящего перед нами капитана милиции, за его спиной, в углу, сгрудились кучкой несколько девушек и Света с ними. Там же различались силуэты ещё нескольких милиционеров. Милиционер тоже опешил и неуверенно предложил нам заходить. Однако мы решительно заявили, что ошиблись дверью и ушли. Нас никто не задержал. По-видимому, проводилась облава «на живца». Девушек задержали и арестовывали всех гостей. Если бы мы, не оказались одетыми в военную форму, то и нас бы безусловно, повязали и мы бы могли испытать все удовольствия содержания в милиции ночью, с сопутствующими испытаниями допросом и, возможно, избиением. Позже я узнал, что в ту ночь, арестовали много девчонок и их клиентов. Светку продержали в тюрьме несколько дней и отпу-

стили, обязав посещать вечернюю школу, поскольку она не имела среднего образования. Передо мной и Тюриным встала задача – чем заняться в жизни? Тюрин предложил мне поступить в профессионально техническое училище, а конкретно в ГорТУ-3, на курсы машинистов экскаватора. Благо, что в этом училище, замполитом работала мать нашего друга, Володи Соколова, а моя сестра, там же, преподавала физику и математику. Наш же бывший одноклассник, числился там физруком. Было ещё много знакомых и друзей. Недолго думая, подали документы и были зачислены, не взирая на то, что занятия шли с 1 сентября, а на календаре стоял уже конец декабря. Начали учиться. Тюрину было проще, он жил в соцгороде, где и располагалось училище, а мне приходилось приезжать на автобусе из Нового города. В группе было более 20-ти человек, в основном 16-17 летних пацанов. Незаметно пробежала зима, весна и пришёл черед экзаменов. По воле матери Соколова – Валентины Николаевны, нас освободили от экзаменов, как круглых отличников и выдали красные дипломы. По разнарядке, мы оба попали на работу, на Вскрышной разрез помощниками машиниста. Я на второй участок, к Сыропятову, а Тюрин на 9-й, к Синицкому. Помню первый день работы. Меня послали на экскаватор ЭКГ-3, с машинистом Болотовым. В обязанности помощника машиниста входит: следить за кабелем экскаватора, чтобы не наехать и не передавить его, смазывать трущиеся части, а в конце смены провести уборку. Я встал около экскаватора и под-

тянул кабель, и в это время, вращающийся контргруз ударил меня по левому виску. Надо сказать, что контргруз экскаватора располагается на высоте около 1, 5 м от земли, и при вращении экскаватора, как раз приходится на уровне головы. Так что для зазевавшегося человека контргруз, а вес вращающейся части экскаватора не менее 100 тонн, представляется весьма опасным для жизни орудием. Мне повезло, что скорость вращения была не велика и удар, нанесённый мне, всего лишь сбил меня на землю и отключил на несколько секунд, слегка поцарапав висок. Поднявшись, я вытер кровь и с того момента, ясно осознал, что при моей должности, я обязан всегда быть на чеку. Больше со мной никогда подобного не случилось. Об этом случае я никому не стал рассказывать. Начались трудовые будни. Работали по 6 дней в разные смены и два дня выходные. Ещё с лета я начал искать варианты поступления в какой-либо институт. У меня на руках имелась академическая справка о пройденных 3-х курсах военного училища, с весьма неплохими отметками, но в той же справке отмечалось, что я был отчислен по недисциплинированности. Я также не могу исключить возможность того, что в справке, каким-то бюрократическим кодом, была отображена действительная причина моего отчисления, и поэтому, стоило только кадровику любого института, в который я пытался определиться, как он, тут же возвращал мне мои документы и отказывал в поступлении. Таким образом, я отметился в Автодорожном, Политехническом, Педагогическом

и ещё каких-то институтах Ташкента и Ангрена. Поняв бессмысленность моих попыток, я начал оббивать пороги Министерства Высшего образования УзССР и в конце концов, всё-таки попал на приём к министру. Министр на моём заявлении написал весьма двусмысленную реляцию- «Принять мои документы на поступление, по усмотрению ректора института». С этим документом я посетил ещё пару институтов и тоже напрасно. Мой отец, используя свои знакомства, сумел достать для меня два рекомендательных письма, первое в Технологический институт в Коми, а второе, от ректора нашего пединститута к ректору Ферганского политехнического института. Тогда же мы с отцом, съездили на его такси в Самарканд, где мне надлежало забрать водительское удостоверение, и кое-что подправить в моей академической справке. В Самарканде мне не удалось уложиться за один день и перед нами встала задача, где-то переночевать. Мой отец очень просто решил эту проблему. Мы поехали на базар и там отец, подошёл к точильщику ножей. Они разговорились и

угольный разрез 1

залось, что точильщик этот мордвин, мать которого из Старосарайкино. Мы поехали к ним вместе. И вот ведь что интересно, семья точильщика, оказалась в родстве с нами. Более того, его мать в 1933 году ехала с отцом в Ташкент в одном вагоне! В то время, эти наши, вновь обретенные родственники, проживали двумя семьями в одном общем дворе, в двух собственных домах. К моему величайшему сожалению, я не запомнил, ни их фамилии, ни адреса, чего не могу себе простить по сей день. Итак, переночевав у

них, с утра мы поехали по делам. Мне невероятно повезло – в тот же день, получать права в ГАИ, одновременно прибыли и мои сокурсники из СВТКУ. Если бы не эта удача, вряд ли я так просто получил свои права. Со скрипом сердца, инспектор выдал мне моё удостоверение водителя, выразив удивление, что я, в отличии от других, в гражданской одежде. В тот же день я побывал в Училище и мне дали недостающие документы, а также новую характеристику, где не стали указывать причину моего отчисления. Теперь у меня появились большие шансы на поступление. В конце лета мы с отцом поехали в Фергану в политехнический институт. Попасть к ректору оказалось крайне сложно. Толпа просителей заполняла приёмную и коридор. Просители заходили к ректору не с пустыми руками, а затаскивали с собой мешки, ящики, свёртки. Шёл обычный процесс зачисления студентов. Мы долго томились перед дверями, пока

отец в конце концов нагло зашёл в кабинет и передал ректорше рекомендательное письмо от её подруги – ректора нашего пединститута. Однако это не возымело последствий и, поскольку отец не принёс подношений, ректорша его выставила. Мы с отцом поняли бесперспективность нашей акции и ещё немного потолкавшись в толпе, вознамерились уезжать. И тут, судьба вновь преподнесла мне сюрприз. Ректорша, закончив приём, собралась уезжать и вышла на порог, но по непонятной причине, её автомобиля с личным шофером, не оказалось на месте. Мы тут же взялись её подвезти и уже в машине, она, как оказалась, уже прочитав письмо, попросила меня дать ей мои документы и пообещала зачислить меня на 3-й курс заочного отделения факультета «Технология машиностроения». Жизнь продолжалась. 20 августа 1973 года я собрался, под вечер, ехать в соцгород к Тюрину, на его день рождения. Выйдя к остановке автобуса, я встретил там одну, едва знакомую девушку, которую знал, как подругу некоего, соцгородского парня, по кличке «Дьявол». Как-то раз, ещё в школе, мы с Тюриным заходили к нему по какому-то делу и встретили её там. Я не знал даже, как её зовут, но тем не менее кивнул ей, в знак того, что узнал её. Она тоже ехала в соцгород и ни с чего, призналась мне, что ей скучно и она бы не прочь, где-то погулять. Я, тут же и предложил ей ехать со мной. Девушка эта была достаточно симпатичная и, с хорошей фигурой. Мы приехали в соцгород и сначала зашли за моим другом, Пономарёвым. Я представил его ей и,

одновременно с ним, узнал её имя – Марина. Мы вместе по-шли к Тюрину. Отметим день рождения, выпили конечно и разошлись. Я пошёл провожать Марину. Она жила неда-леко от Тюрина в барачном доме. Мы зашли в её комнату и некоторое время целовались. Потом она, пожаловавшись на усталость, легла в кровать. Я продолжал её целовать и обни-мать, постепенно перебираясь к ней на кровать. Не отвечая на её, скорее риторические, вопросы, о моих намерениях, я завладел инициативой и начал её раздевать. Она вяло со-противлялась. И я наконец овладел ей. Это был мой первый в жизни секс. Этот первый опыт был неудачен и закончил-ся в первые секунды. Она с недоумением спросила: «поче-му так быстро?». Я был шокирован и в смущении. Мы про-должали ласки и через некоторое время, я повторил попыт-ку. Она невероятно возбуждающе стонала и была на удивле-ние, мягкой и восхитительно приятной, на ощупь. Я не имел ни малейшего представления о способах получения насла-ждений и действовал дилетантски. Кое как закончив с ней на третьей попытке, совершенно не удовлетворённый сам, и не доставив ей удовольствия, я вынужден был попрощать-ся и уйти, так как утром, мне необходимо было попасть на работу. Кое как отработав, я поехал к Тюрину и похвастал-ся своими успехами. Тюрин прямо-таки загорелся желани-ем подкатиться к Марине и я, почему то, великодушно пе-редал ему, свои права на неё. Марина, как оказалось, рабо-тала в столовой, разреза и я позже, частенько с ней встре-

чался во время обеда, но ни разу не пытался предложить ей встретиться. Она же, в свою очередь, сознавая, что в данный момент именно я, являюсь её парнем, жаловалась на домогательства Тюрина, но я на это, не реагировал. В конце концов Тюрин, после долгой осады, сумел с ней переспать, но быстро оставил её, потому что выяснилось, что у неё уже имеются два ребёнка от «Дьявола», который, тем не менее, не спешит на ней жениться. Потом Марина затерялась, и я уже, только в 2011 году, нашёл её в интернете, живущей в Германии и бывшей замужем за настоящим немцем, вполне счастливую и довольную жизнью. Осенью, того же 1973 года, меня послали от нашего участка, на похороны умершего, бывшего машиниста экскаватора. Я и ещё один, моего возраста парень, также помощник машиниста, должны были выкопать могилу на кладбище. Мы познакомились. Это был Володя Митрофанов, тоже из соцгорода. Он был высокий, около 192 см, худой и весёлый. Мы с ним хорошо поладили. После похорон, пошли на поминки и там хорошенько выпили. Надо сказать, что все гости выпили прилично и похороны уже, начали было превращаться в веселье, когда нас попросили расходиться. С Митрофановым мы и начали похождения в городе. Я нарядился в форму, и мы забрели в один из дальних кварталов, где встретили группу девчат, десятиклассниц. Я представился иногородним и, что мы, якобы, ищем некий адрес по соседству. Две девчонки вызвались нас проводить. Одну звали Люба, а другую Люда. Мы, на зав-

тра, договорились встретиться и ушли. Поделили Любу мне, а Люду ему. Как оказалось, девчонки поделили нас диаметрально противоположно, но смирились с нашим выбором. Зимой мне пришёл вызов, явиться на сессию в Фергану. Я взял ученический отпуск и поехал в институт. Кое как сумел найти место в гостинице, и начал посещать занятия. Познакомился с однокурсниками. Я оказался самым молодым в нашей группе. Заочная учёба заключалась в выполнении контрольных работ по разным предметам на дому. Приезжая на очередную сессию, студенты сдавали экзамены и зачёты, посещали обзорные лекции, выполняли лабораторные работы. На сессию приглашались официально, только те, кто вовремя выполнил и сдал контрольные работы. Я же не сдал ни одной работы и во время сессии, со всей возможной поспешностью, пытался догнать упущенное. С большим трудом, мне удалось кое-что сдать, но остались и так называемые «хвосты». Я, однако, нашёл одного студента, который имел тот же, что и у меня, вариант заданий и мы с ним договорились в дальнейшем, помогать друг другу. Закончив сессию, я вернулся в Ангрен и продолжил работу. Себе я дал обещание, непременно выполнить все контрольные работы, но тщетно. Работа и гулянки, поглощали всё время. Я встречался с Любой Марковой, но на почве постоянного пьянства, у нас возникли противоречия. Мы, то ругались, то мирились. В промежутках, я познакомился с ещё одной девчонкой, а потом знакомства прямо-таки полились потоком. Тут ещё один мой

друг вернулся из Армии –Соколов, и я подключил его к поиску подруг. Сейчас я не могу даже вспомнить, всех своих знакомых. Бывало, что их у меня одновременно, насчитывалось до дюжины и я прямо разрывался на части, чтобы успеть ко всем. Не уступал мне и Соколов. Что интересно, мы с ним весьма высоко котировались, в качестве кавалеров, так как никогда не позволяли себе ругаться в обществе девушек, прилично одевались и вели себя культурно, в отличии от большинства прочих ухажёров. Многие девушки сами искали возможности познакомиться с нами и буквально, передавали нас с рук на руки. Были попытки принудить нас к женитьбе, но все они проваливались, так как мы не спешили ограничивать себя брачными узами. Учёба в институте, давалась тяжело. Контрольные работы я не делал, предметы не учил. Приехав на сессию, почти всё время шатались по ресторанам, пьянствовали с такими же, как и я, гуляками. Кто-то бросал учёбу и пропадал, и я находил новых друзей. К 5-му курсу, сложилась совершенно угрожающая ситуация. У меня накопилось больше пятидесяти хвостов! Это и несданные экзамены, зачёты, контрольные и лабораторные работы, курсовые проекты. Я получил угрожающее письмо, об исключении, если в ближайшее время, не сдам все задолженности. У меня даже, возникла мысль, бросить учёбу. И мне опять судьба подарила шанс. На очередной сессии, по окончании 4-го курса, я поселился в общежитии завода, в одной комнате со своими однокурсниками, но с другого факультета

– электриками. Должен сказать, что этот факультет считался самым сложным в нашем институте. К 5-му курсу, в их группе осталось 5 или 6 человек из 30-ти, начавших учёбу, но самых целеустремлённых. Придя после занятий, они почти до утра занимались, учили, писали контрольные, помогали друг другу, а когда я им сообщил, что хочу бросить учёбу, то они уговорили меня выбросить эту мысль из головы и прямо-таки насильно, заставили заниматься вместе с ними. И я, видя их упорство, устыдился и взялся за ум. Мы засиживались до 5 часов утра, и поспав пару часов, шли в институт, сдавать наработанное. И дело сдвинулось. Я, взял дополнительно, две недели отпуска и сдал, практически все хвосты, оставив допустимые 5-6. А с 5-го курса, мы начали проходить спецпредметы по своей профессии, а именно -технологию, металлорежущие станки, инструменты, то есть то,

ГОТОВИМСЯ К ЭК

можно, так сказать, понять своим умом. Да и я уже вошёл в колею. Так что, на 6 курс, меня перевели вполне законно и в Ангрэн, я возвращался победителем. С собой я волок, здоровенную сумку, набитую купленными в Фергане и Маргилане, учебниками

и художественной литературой. В те времена всеобщего дефицита, достать хорошую книгу, было большой проблемой, но наезжая, в соседний с Ферганой, Маргилан, я находил там часто, очень много хороших книг. Население местное, в основном представляли узбеки, которые и на своём языке, не очень-то читали, не то что на русском, поэтому книги покупать было некому. Я приведу интересный факт. Разговорился, как-то, в институте на перерыве, со старостой узбекской национальной группы, по поводу литературы. К моему удивлению, этот будущий инженер, прочитал за свою жизнь всего одну книгу, да и то узбекского писателя, считающегося классиком (не помню его фамилии), «Бай и батрак», являющей-

ся обязательной, для изучения в уз-
бекских школах. Прибыв на автовокзал,
я не смог достать билет до Таш-
кента и решил ехать, с пересад-
кой, через Коканд. Я встал в оче-
редь и купил билет. Следом за
мною купила билет до Коканда, мо-
лоденькая, очень стройная и необычай-
но красивая девушка, которую прово-
жала её мать. Я сел в ав-
тобус, а уже перед отправкой, за-
шла эта девушка, попрощавшись с ма-
терью и заняла место рядом со
мною. Она была до того краси-
ва, что я извертелся, чуть не по-
ломав себе глаза, пытаюсь разглядеть
её всю, не привлекая её внимания.
Всю дорогу до Коканда, а это по-
чти 2 часа, я искал повод загово-
рить с ней, но не находил ниче-
го. А она спокойно сидела на сво-
ём месте. Я чуть не рехнулся, по-
нимая, что если я не заговорю с
ней, то потом, никогда не про-
щу себе за свою трусость. И вот
уже, замелькали пригороды Коканда, и

я решил. «Это что ли уже Ко-
канд?» -спросил я у неё, как буд-
то вижу этот город впервые. «Да»,
ответила она мне очень просто.

Ира Кольцова

тут мы заговорили с ней. Я спрашивал, про город, она отвечала. Десяти минут до прибытия хватило, чтобы мы познакомились. Её звали Ира Кольцова, и она училась в Коканде в медучилище, а жила в Фергане. Она оказалась совершенно простой, несмотря на свою невероятно восхитительную внешность. Я был уверен, что такая красавица, даже не взглянет на меня, но ошибся. Я упросил её погулять по Коканду, до прибытия в 2 часа ночи, поезда из той же Ферганы до Ташкента, отказавшись от следовавшего всего через час автобуса в Ангрэн. Мы отвезли мою сумку в камеру хранения вокзала и отправились с ней

гулять. Как я был счастлив, идти рядом с такой девушкой и был готов защитить её от любой напасти. Я действительно в этот момент ничего не боялся и готов был за неё схватиться с любым количеством хулиганов и это видимо было по мне заметно, так что к нам никто не приставал. Мы посетили дворец, смотрели фото бывшего Кокандского хана. На некоторых снимках была запечатлена казнь каких-то людей, где палач загибал голову жертвы назад, взявшись пальцами за нос казнимого и перерезал ему горло кривым ножом. Причём, приговорённые были даже не связаны, и стояли на коленях, прижимая руки к груди. Потом мы посидели в кафе, а когда стемнело, я поцеловал её, и она не сопротивлялась. И мы целовались, где только можно, пока не подошло время расставаться. Я проводил её до

училища и обещал ей писать. Окрылённый, я добрался до вокзала и сел на поезд. Утром прибыли в Ташкент, и я пересел на автобус до Ангрена. И опять на работу. Я написал Ире раз, и два, и три, но получил только один ответ и то, какого-то странного содержания. Она, как бы, смеялась надо мной. А месяца через два, я получил письмо от её подруги, тоже Иры, которая сообщила мне, что Кольцова вышла замуж и свадьба эта, была уже назначена, всего через неделю, после нашего с ней знакомства. В письме лежало фото бракосочетания. Это был страшный удар. Я сильно переживал. Эта, другая Ира, из Ферганы, успокаивала меня, и я стал переписываться с ней, пытаюсь забыть и кое-как, пересилил себя. В это время я познакомился и дружил с новыми девушками. Одни приходили, другие исчезали. Я уже работал машинистом экскаватора на угольном разрезе и вокруг моих глаз, не проходили чёрные круги, от ввевшейся угольной пыли. Создавалось впечатление, что я крашу веки. Потом меня перекинули на автовокзал и я там, работал с машинистом Жёлтиковым, ужасным охотником до женщин. Он был старше меня на три или четыре года, женат и имел двух детей. Однако этого ему было мало и, по его рассказам, по ночам он выходил на охоту, подстерегая припозднившихся женщин, в кустах. Насиловал их и удирал. Не знаю было ли это правдой, но однажды, он в пьяном виде, пытался изнасиловать какую-то женщину в парке, но его поймали, судили и посадили. Через 4 года, ещё находясь на

вольном поселении, он опять пытался кого-то изнасиловать, но не смог, и ему добавили ещё 8 лет. Так он и пропал где-то. Позже, в 2012 году, я встретил в интернете его дочь, и она сообщила, что он уже возможно на свободе, но никто не знает, где он живёт. Довелось мне поработать и на отвале разреза, и на сортировке, и ещё на нескольких участках. Запомнился один случай. Мы гнали экскаватор ЭКГ 4,6 на другой участок. Скорость 280-ти тонного экскаватора = 0,5 км в час. Машинистом был Фунтиков, а я помощник. Экскаватор медленно ехал по спуску вверх, а я подтягивал кабель и навешивал его сзади на крюк. В какой-то момент, неожиданно, обе гусеницы отключились и экскаватор свободно покатился вниз, с ускорением. Как назло, из-за неисправности, невозможно было повернуть кабину и упереться, хотя бы ковшом в землю, и поэтому он продолжал набирать скорость. Машинист Фунтиков, в панике выскочил на боковую площадку, но боялся прыгать с высоты и метался между кабиной и лестницей. Я же, сначала пытался оттащить высоковольтный кабель, чтобы спасти его от наезда, но тщетно. Вид мчащегося на меня монстра был ужасен. Скорость достигла, возможно 10-12 км в час и увеличивалась. Не предназначенный для таких скоростей, экскаватор, скрежетал и грозил развалиться, но внезапно, шестерня гусеницы, попала в зацепление и экскаватор, с ужасающим грохотом, встал. Не случись этого, ещё 50 метров и он, развив скорость до 30-40 км

в час, или бы развалился, или упал с уступа. Зрелище было грандиозным и незабываемым. Зрителями оказались я, электрик и мастер участка Цельковский. Кабель, конечно, был вырван из ячейки и переехан гусеницами, но, к счастью, оказался не передавлен и, вновь подключив его, мы смогли закончить перегон. В 1974 году, отсидев 5 лет, от звонка до звонка, вышла из тюрьмы моя мать. Она поселилась в Ташкенте у родных и не собиралась возвращаться в семью, обвиняя отца в измене, а нас детей, в пособничестве ему. Оно действительно, пока мать сидела, отец время от времени, находил других женщин. Особенно с одной из них, пока я ещё был в училище, а Люда в университете, он сожительствовал довольно долго. Она была юристом по профессии и имела двоих собственных детей. Она оказалась чрезвычайно ловкой мошенницей. Входя в доверие ко многим людям, занимала у них крупные суммы денег. Обобрав отца до нитки и прихватив все, одолженные у людей деньги, в один прекрасный день, она исчезла и даже, объявленная во всесоюзный розыск, так и не была поймана. Мать, в конце концов, вынудила отца развестись с ним, сама же поселилась в Ташкенте, в нашем, не достроенном, и уже почти полностью разрушенном доме, сумев кое-как, приспособить одну комнату и кухню. Она устроилась на работу, сначала на фармацевтический завод, а потом кладовщицей в автобазе. Всё свободное время она писала жалобы на правительство в Москву.

Я навещал её изредка. Не знаю почему, но я довольно сильно выпивал и часто приходил на работу, в совершенно отключённом состоянии. Обычно, это случалось в ночные смены. Однажды, добираясь до работы в дежурном автобусе, я упал между сидений и заснул. Меня чуть не забыли, но вовремя вспомнили и приволокли до участка, а потом, тащили до экскаватора, и машинист ужасно ругался, потому что я был не в состоянии работать и сначала расположился спать на рельсах, и слава Богу, что он вовремя заметил моё отсутствие и успел стянуть меня с рельсов, чуть ли не из-под колёс, прибывшего на погрузку состава, а затем уложил в кабине, и был вынужден сам, бегать вниз и оттаскивать кабель и грузить состав. Понятное дело, что мне было не до смазки трущихся деталей и ходовая часть экскаватора быстро вышла из строя. Я не понимаю, почему Господь, хранил меня и не дал погибнуть под гусеницами экскаватора или от открытых, токоведущих контактов под напряжением 6 тысяч вольт, а возможностей было более чем достаточно. В то же время, на разрезе, ежегодно погибало 8-10 человек, порой более опытных, чем я. В те времена, пьянство на работе, если и не поощрялось, то к нему относились весьма снисходительно. Бригадир нашего экскаватора, Арбатский, также приходил в ночную смену, часто, вдребезги пьяный и порой, приходилось выходить ему навстречу, искать его на путях, подбирать и приносить на руках, но сев за рычаги, он уже мог работать вполне

нормально. В дни аванса и получки, многие рабочие, порой и я, выходили из разреза до ближайшего магазина и, купив там горячительного, распивали там же, на месте, пока не вырубались. В эти дни, к этому магазину, частенько наведывались менты на грузовике и вывозили нашего брата до вытрезвителя. Однажды я чуть было не женился. В те времена, ко мне пристала некая девица, по имени Лариса, жившая в соседнем доме. Она была не в моём вкусе, и я относился к ней пренебрежительно, тем более, что у меня были и другие подруги. Но она продолжала цепляться за меня. Однажды она пригласила меня к себе в квартиру и я, нехотя, уступил её уговорам. Каким-то образом, мы оказались в кровати и произошло то, чего она добивалась. Как оказалось, у неё была договорённость с её матерью, которая должна была, с минуты на минуту, явиться и поймать нас в постели, но она опоздала и, сумев открыть дверь, я ретировался. На следующий день, Лариса пришла к нам домой и рассказала обо всём моему отцу. Её мать и старшая сестра, начали на меня давить, угрожая тюрьмой, если я не женюсь. Одновременно, Лариса угрожала мне покончить с собой, если я не женюсь на ней, то ли в действительности, то ли, просто пугая меня. Сложилась весьма неприятная ситуация. Мой отец, из жалости, тоже просил меня жениться, а мать Ларисы, вообще умоляла даже, хотя бы временно расписаться, а потом хоть и развестись, чтобы только защитить честь девушки. Я уже

начал было сдаваться под этим напором и даже уже попросил Соколова, быть моим свидетелем на свадьбе. Но тут в дело вступила моя сестра Лена и категорически, запретила мне соглашаться на свадьбу. Я сходил на консультацию к юристу и рассказал ему суть дела. Оказывается, в данном случае, вся вина фактически, ложилась на Ларису, а я проходил как потерпевший. Получив такую поддержку, я решительно отказал Ларисе и её родственникам. Сознаю, что поступок этот был очень некрасивый, даже, я бы сказал, отвратительный. Но я был тогда молод и чужие беды, мне казались не существенными. Я не знаю, как сложилась судьба Ларисы в дальнейшем, но, если я ещё найду её в интернете, то непременно попрошу прощения, даже если вся эта история была ей же инсценирована. Шёл 1976 год. Эпоха развитого социализма. В стране свирепствовал тотальный дефицит. Из магазинов исчезло, в первую очередь мясо, потом мясные товары, потом тушёнка и сгущёнка. Все рыбные консервы и сама рыба, крупы, мука, молочные продукты. Даже кефир, нужно было доставать по блату. На полках красовались салаты из морской капусты. Всё отпускалось только по талонам. В декабре я поехал на последнюю сессию, перед практикой. В эту зиму я поселился в Маргелане, у однокурсника – Марата Ханкельдиева. Ему было трудно учиться, и я ему помогал, оплачивая этим свои ночёвки. У него была дочка, примерно 2-х лет. Обычно, придя из института, мы до 4-х, 5-ти часов ночи,

занимались, порой отрубаясь, прямо на месте, а уже в 7 часов утра, его дочка начинала ползать по нам, теребя за уши и нос, не давая спать. Приходилось вставать. Правда, в течении недели, нам удалось отрубить все «хвосты». И тут я решил навестить свою новую знакомую –Иру Венедиктову, подругу Кольцовой. Её адрес я знал и даже ещё из Ангрена, договорился в письме, о встрече, но напрасно прождал в условленном месте. Она всё-таки приходила, но не подошла ко мне, посмотрев со стороны. Я долго не решался, но собрав решимость, пошёл. На звонок, открыла её мать. Я зашёл и познакомился с Ирой. Она оказалась тоже, очень красивой девушкой, немного выше Кольцовой. Особенно красивы были её длинные волосы. Они вместе закончили в прошлом году медучилище в Коканде. Сейчас Ира работала медсестрой в больнице, а Кольцова вышла замуж и уехала куда-то. Я позвал Иру гулять, и мы пошли по посёлку. Валил снег, и мы шли, прижимаясь друг к другу. Потом долго сидели на остановке автобуса, и я наконец поцеловал её. Её роскошные волосы пахли, чем-то приятным, запомнившимся на многие годы. Я проводил её и на последнем автобусе уехал в Маргилан. На следующий день и до конца сессии, я каждый день, после института проводил у Иры. Мы гуляли и целовались, а потом я уезжал к Марату в Маргелан, на последнем автобусе. Ира мне нравилась всё больше. Сессия закончилась, и я получил направление на завод

ТашСельМаш, в Ташкенте, на производственную практику. Я приехал к матери и поселился, на время практики, у неё. Практика проходила легко. Практиканты знакомились с производством и писали отчёты. Ходили по цехам, переписывали марки станков, высчитывали количество персонала и т.д. Для справки, должен сообщить, что уже к 2000 году, завод ТашСельМаш, прекратил своё существование. В отсутствии заказов и средств, а также из-за выезда большинства работников в Россию, его пришлось закрыть. Позже, все цеха демонтировали, оборудование скорее всего продали за бесценок. По окончании практики, собрав все необходимые материалы и написав отчёт, я вновь выехал в Фергану. В течении двух недель мы сдавали отчёты, делали какие-то лабораторные работы, посещали занятия. Я продолжил встречи с Венедиктовой. Уже даже, у меня возникла мысль, а не сделать ли ей предложение и покончить с холостяцкой жизнью? Я оставил это мероприятие до окончания института. Мне удалось сдать наконец, все хвосты и меня уже ничто не тормозило. В конце сессии, всем нам выдали дипломные задания и назначили дипломных руководителей. Мне надлежало вновь выехать в Ташкент, теперь уже на Ташкентский тракторный завод (ТТЗ). Почему-то, мне поручили для диплома, разработку производства двух деталей, в отличие от других студентов, получивших только по одной детали. Как сейчас помню, это были зубчатая

рейка и зубчатая полушестерня, выполнявшие в паре, какую-то функцию у колёсного трактора. Я вновь поселился у матери и начал собирать необходимые, для написания дипломной работы, материалы. На заводе нашёл своего дипломного руководителя и представился ему. Это оказался еврей, работавший инженером-технологом, к сожалению, фамилию его забыл. Он оказал мне, достаточную поддержку, и я считаю себя, обязанным ему, в немалой степени. Наверное, пару месяцев, я собирал данные и наконец начал писать дипломную работу. Замечу, что в начале, я сильно сомневался в своих возможностях и даже, уже был готов заказать свой диплом какому-нибудь специалисту, в частности предлагал это своему руководителю, но он категорически отнёс это предложение и уверил меня, что я сам в состоянии написать диплом. Я точно знаю, что по крайней мере, половина нашей группы заказала выполнение своих дипломных работ, у каких-то дельцов в проектных институтах Ферганы и Ташкента. Стоимость выполнения дипломной работы, в то время, варьировалась в рамках от 600 до 800 рублей, что было достаточно дорого. Для меня, эта сумма соответствовала 3-4-х месячной зарплате. И я взялся за работу сам. Диплом давался мне тяжело, притом не столько расчёты и описание, сколько его графическая часть. Я имел весьма слабую чертёжную подготовку и каждая линия, давалась мне с трудом, тем более, что рисовать приходилось, чуть ли не на

полу. Но в конце концов, работа была завершена. Двести пятьдесят страниц расчётов и пояснений, и 12 чертёжных листов формата 24. Почти 4 месяца титанического труда, бессонных ночей и головной боли, стоило это мне. Но я справился и мог, без труда, ответить на любой вопрос по своей работе. Защита была назначена в июле, а перед защитой, мне ещё предстоял госэкзамен по научному коммунизму. Опять вся группа собралась в Фергане. Начались консультации к предстоящему госэкзамену. Я опять посетил Венедиктову. Её родители относились ко мне, уже, как к своему. Я нередко обедал у них. За один день до госэкзамена, я отправился в областную библиотеку и засел там с раннего утра. Набрал с десятков книг, из собраний сочинений Ленина, Маркса, Энгельса, я перелистывал их, бегло прочитывая их содержание, можно сказать, выхватывая самую суть произведения, запоминая годы написания произведения и название. Вряд ли кто поверит, я и сам поразился своим возможностям, но за весь день мне удалось перелистать и, в основном, запомнить все произведения вышеперечисленных авторов, а это более 150 томов сочинений, порой абсурдного и малопонятного содержания. Но я мог, без особого труда, кратко рассказать о чём говорится, в том или ином произведении классиков марксизма. На следующий день, я блестяще сдал госэкзамен, получив твёрдую пятёрку и похвалу экзаменаторов. Самое интересное, что сразу после экзамена, я почти начисто забыл

всё, что я прочитал. Кстати, в тот день я познакомился с одним из своих однокурсников, которого я увидел впервые. Это был узбек, лет 30-ти, пришедший на экзамен в галошах на босу ногу. Он сам ко мне подошёл и поздоровался. По его рассказу вышло, что он оказывается, имел мой вариант заданий и попросту покупал у методиста института, мои контрольные, переписывал их и сдавал. На сессии он не являлся, а приезжая позже, за деньги собирал подписи преподавателей в свою зачётную книжку. Как я понял, он был спекулянтom и торговал каким-то дефицитом. Вот такие возможности в получении диплома о высшем образовании, предоставляла своим гражданам республика Узбекистан. Я, признаться, даже не представлял подобного цинизма в те времена и был просто шокирован. Наступил день защиты диплома. Я помню, зашёл к Венедиктовым, показался им в наглаженных брюках и с галстуком. Было очень жарко и я потел в пиджаке. Ира и её мать, пожелали мне успеха, и я отправился в институт. Защита проходила нормально, я ответил на все вопросы комиссии без запинки, чего не скажешь о некоторых моих однокурсниках, защищавших, сделанные чужими руками работы. Порой, они вели себя, как пленные партизаны и ответы из них, приходилось выдавливать силой. Однако комиссия не стала портить показатели и, в конечном итоге, вся наша группа защитилась. Я вновь посетил Венедиктовых, и мы устроили что-то вроде банкета, коронным блюдом на

котором, выступала окрошка с кефиром. Кефир удалось достать по благу Ириной матери, так как все молочные изделия в это время, были дефицитными. На следующий день я сдал все учебники, дипломную работу и подписал у ответственных лиц все необходимые бумаги. С институтом было закончено, оставалось только получить диплом и значок об окончании ВУЗа, в просторечии, называемым «Поплавок». День получения всех этих атрибутов, должен был нам позже, назван по почте. И этот день наступил, я получил на руки диплом и значок, зашёл к Ире и попрощался с ней, недвусмысленно дав ей понять, что я жду её к себе в Ангрэн, с определённой целью – больше не расставаться. Она уклончиво пообещала приехать в августе. Ну вот и сбылась мечта, я инженер! Я был очень горд собой и строил различные планы. Однако, вновь пришлось идти на работу на разрез. За время моего отсутствия, многое изменилось. Наш экскаватор передали в другую организацию – ШСМУ. Членам экипажа, предложили перейти, вместе с экскаватором, и некоторые согласились, я же решил остаться, тем более, что руководство разреза обещало мне инженерную должность. Однако, пока рекомендовало, ещё немного поработать на экскаваторе. Опять потянулись рабочие будни. В связи с отсутствием свободных вакансий машинистов, меня опять назначили помощником машиниста на вскрышном разрезе. Сейчас я работал на экскаваторе Ижорского завода ЭКГ-8У

с модернизированным ковшом, ёмкостью 10 кубометров. Машинистом был парень, чуть старше меня, по имени Виктор, имеющий среднетехническое образование. Он был жутким болтуном и фантазёром, что не мешало мне, однако, нормально работать. Время от времени, я посещал контору, заходя то к парторгу завода Климовичу, то к директору Гринблату, вновь и вновь получая от них заверения в моём ближайшем трудоустройстве по специальности. Однако обещания оставались пустым звуком. В отношении сердечных дел, наступил застой. За те полгода, которые я затратил на защиту диплома, все мои старые подруги, куда-то исчезли. Надо было искать новую пассию. Не найдя никого и прозябая в течении месяца, в одиночестве, я был готов на что угодно. Кроме того, уже шёл август, а Ира Венедиктова не приезжала и вообще, не отвечала на письма. И вот, как -то раз, отец сообщил мне два номера телефонов, с подходящими, по его мнению, кандидатурами. По его словам, обе закончили консерваторию и весьма красивы. Некоторое время я собирался с духом и наконец, позвонил одной из них. На другом конце провода, моя собеседница, держалась с холодной гордостью и на моё предложение встретиться, ответила отказом. Повременив несколько дней, я позвонил второй. На этот раз, всё прошло удачно и мы, договорились о встрече у неё дома, в этот же день. Я, приведя себя в порядок, направился к ней, благо жила она рядом, в соседнем квартале. И

надо было тому случиться, что в момент моего прибытия, в квартире оказались все её родные –отец, приехавший на обед, мать, только что прибывшая из отпуска и брат школьник. Я всегда старался встречаться с подругами приватно, не знакомясь с родителями, чтобы ни в коем случае не подавать им, несбыточных надежд. В этот же раз волей-неволей, я был вынужден представиться её родителям, что весьма обескуражило меня и наложило на мои плечи весьма тяжёлое бремя ответственности перед ними, что вероятно сыграло свою роль в дальнейшем и привело к свадьбе. Мы начали встречаться и наши отношения почти сразу же стали очень близкими. Моя будущая жена- Ольга, только что закончила педучилище в Абакане, получив специальность музработника и распределение в Шушенское, бывшее место ссылки В.И. Ленина. В Ангрэн она приехала в гости к родителям, на время отпуска. Уже гораздо позже, я пришёл к выводу, что наша женитьба, была в немалой степени обусловлена желанием Оли остаться в Ангрэне, в благословенном и тёплом Узбекистане, рядом с родителями, а желание это, могло быть удовлетворено, только в случае выхода замуж за местного. Моё предположение, кстати, подтвердилось, когда за день до свадьбы, об этом недвусмысленно заявила мне бабушка моей невесты. Но я не стал возмущаться, посчитав, что данное мной обещание жениться, уже не подлежит изменению. И вот, Оля так энергично взялась за дело, что уже через два месяца

мы подали заявление в ЗАГС. Свадьба состоялась 3 декабря 1977 года в помещении столовой ПМК 95. Здесь я должен, кое-что добавить. Ещё до защиты диплома, у меня, как бы, определились две, в какой-то степени, чуть ли не официальные невесты. Первая – Света Болгарина, приёмная дочь моей крёстной, тёти Нюры, ближайшей подруги моей матери и соседки по дому в Ташкенте. Ещё в школьном возрасте, наши родители прочили её в мои жёны, в чём уверилась, и она сама. После школы, она закончила текстильный институт и ко всему, сама умела очень хорошо шить на дому. Между нами была большая дружба, но я не рассматривал Свету в качестве своей будущей жены, хотя она мне нравилась. Вторая – Галя Акиншина, опять же дочь другой близкой подруги матери, достаточно приятная девушка и очень хорошая хозяйка, как, между прочим, и первая. Я уже не говорю о Ире Венедиктовой из Ферганы, которая мне нравилась гораздо больше, перечисленных выше и которую я, в то время, взял бы в жёны без оговорок. Народу на свадьбу прибыло около 150 человек. Всё было организовано и проведено в жизнь, моей тёщей Екатериной Петровной, в то время, заведующей столовой в школе. С помощью своих, достаточно высокопоставленных в Ангрене, подруг, свадьба была организована по первому классу. Должен сказать, что я, практически ничего не запомнил в этот день, находясь, как бы в тумане. Свидетелем с моей стороны выступал Володя

Соколов. Присутствовали Тюрин с женой и Пономарёв, почти все родственники по отцовской и материнской линии. Сначала тёща предложила жить у неё в квартире, но моя мать категорически отвергла эту идею и нам отвели комнату в нашей квартире, где уже жили моя сестра, с мужем Анатолием и отец. И к нашему невероятному счастью, уже через месяц или два, моя сестра получила собственную квартиру в новом квартале. Отец, в основном, редко бывал дома, так что мы безраздельно пользовались всеми 3-мя комнатами. Оля, через посредничество своей матери, устроилась на работу в детский сад музыкальным работником. Работа не пыльная и всего лишь до обеда, зарплата, соответственно мизерная – 85 рублей. Но это нас не смутило. Я получал весьма неплохие деньги – от 220 до 270 рублей в месяц, по тем временам довольно приличная сумма. Средняя зарплата по СССР, тогда составляла около 180 рублей. Когда моя сестра, через пару месяцев, переехала с мужем на новую квартиру, они прихватили с собой практически всю мебель и мы, некоторое время, вынуждены были принимать пищу на полу, сидя на овчинном тулупе, что было даже романтично. Вынужден снова заметить, что времена были сложные, в стране не хватало буквально всего. Мебель, бытовая техника, одежда и обувь, некоторые виды продуктов, находились в разряде дефицита и приобретались, либо в порядке общей очерёдности, что принуждало к длительному ожиданию, либо по благу, иначе говоря, по

знакомству с нужными людьми или, при наличии денег, за большую переплату. К счастью, Олина мать, входила в круг знакомств с весьма нужными людьми и довольно скоро, мы обзавелись приличной мебелью и бытовой техникой – телевизором, стерео-проигрывателем, холодильником. Магнитофон у меня уже был – «Днипро», здоровенный ящик, позволяющий прослушивать магнитофонные бобины, с длиной ленты до 350 м на двух скоростях, с временем звучания до 3 часов. Был у меня и неплохой фотоаппарат «Зенит Е», с фотовспышкой, которым я довольно часто пользовался, поэтому и фотографий у меня было дома более чем достаточно. Вот так мы и жили до следующего лета. Мой отец сошёлся с сестрой моей тёщи и переселился жить к ней, а мы остались в квартире вдвоём. Прошла зима и как-то весной, я встретил своего одноклассника Валерку Простякова. Как он мне рассказал, он, в настоящее время, работает в Проектно-конструкторской Лаборатории (ПКЛ), Средазуголь, начальником горного отдела. Он хвастался своими успехами, чрезвычайно интересной работой, спаянным коллективом и предложил мне, перейти на работу к ним, обещая похлопотать за меня перед начальством. Выбрав время, я зашёл в эту лабораторию, где Простяков представил меня руководителю ПКЛ. В те времена им являлся Карелин Вадим Анатольевич, который согласился принять меня на работу инженером. Дело было за мной – уволиться с прежнего места. Я конечно, направился

прямоком к директору разреза Гринблату и заявил о своём решении перейти на работу в ПКЛ. Однако, Гринблат, вновь начал обещать мне хорошую должность в будущем, прося меня ещё некоторое время поработать на экскаваторе. Должен сказать, что Гринблат и парторг разреза Климович, довольно долгое время морочили мне голову, обещая найти мне подходящую должность, особенно усердствовал в этом деле Климович – давя на мою партийную совесть. Дело в том, что после некоторых размышлений и подталкивания меня со стороны начальства участка, я подал заявление на вступление в Компартию и был принят в феврале 1978 года, кандидатом в члены КПУзССР и состоял на учёте в коммунистической организации разреза Ангренский, что давало Климовичу субъективное право на распоряжение мной в рамках разреза, но коммунисты ПКЛ, входили, организационно, туда же, и это развязало мне руки. Я подал заявление в ПКЛ на устройство, и Карелин подписал его, обещая должность старшего инженера и разрешение на перевод с разреза, благо, что обе организации подчинялись общему руководству Средазугля. С подписанным заявлением я поехал в выходной день в Ташкент, контору Средазугля. Попав на приём к директору по кадрам, я объяснил ему ситуацию, в которой мне, в течении, более 8 месяцев, не предоставляют работу по специальности. Все козыри были у меня на руках и тому, ничего не оставалось делать, как согласиться на

мой перевод в ПКЛ. Подписанное заявление я передал в отдел кадров разреза и некоторое время, в соответствии с законом, дорабатывал до момента увольнения. Были разговоры с директором и парторгом разреза. Они упрекали меня в предательстве и просили остаться, но я настоял на своём, и наконец наступил день, когда я переступил порог ПКЛ, сразу же, в должности старшего инженера. Карелин назначил меня в горный отдел, с окладом в 150 рублей, что составляло, чуть больше 130 рублей чистыми. Однако, фактически, я начал работать в технологическом отделе, под начальством Альберта Ефима Яковлевича. Как раз с ним, мы и расположились в одном, довольно-таки тесном, кабинете. Мне предоставили кульман и канцелярский стол. Прежде всего, я постарался познакомиться с коллегами. Коллектив состоял из чуть более 20-ти человек. Было два отдела – горный и технологический, позже добавился ещё один – рекультивации. В технологическом, существовали подотделы – строительный, электрический, сантехнический. Была также группа сметчиков из двух человек. У Карелина была ещё секретарша, крымская татарка по имени Феридэ Джамиловна, но, по её просьбе, все её называли Полина Дмитриевна. Только пятеро сотрудников, из всего ПКЛ, были старше 40 лет, все остальные, ещё не перешагнули комсомольского возраста. Кстати, моим первым партийным поручением, стало назначение меня секретарём комсомольской организации ПКЛ. В связи

с отсутствием партийной ячейки, я вошёл в тройку руководства, состоящую из начальника ПКЛ, профорга и комсорга. Первым моим заданием, стало проектирование нового участка сортировки угля на угольном разрезе. Мне, ранее приходилось работать на сортировке машинистом экскаватора и я, вполне был знаком с самим участком, организацией работы на нём, с руководством и многими работниками. Пришлось конечно несколько раз посетить участок, рассмотреть его во всех подробностях, выслушать мнение начальника участка. Потом я чертил новый план сортировки, с расположением оборудования и т.п. Очень много времени, на первых порах, ушло на консультации с начальником отдела и самим Карелиным. Я, также перелопатил кучу справочной литературы. Помог своими советами и Простяков. В те, благодатные советские времена, мы могли наслаждаться достаточно либеральным планом, позволяющим неспешно выполнять свои обязанности. Никто нас не гнал, и мы имели весьма много свободного времени. Уж не помню точно, сколько времени я потратил на этот проект, но наверняка больше, чем он требовал. Далее, меня подключили к проектированию закрытого городского бассейна, которым в те времена, занималась ПКЛ. Проект был очень большим и значительным, а контроль, вёлся непосредственно, Горкомом партии. Проектирование заняло не менее года, и я, в начале проектировал отдельные детали и узлы, по мере накопления

опыта переходя на более сложные и ответственные разделы. А опыт приходил очень быстро, я, можно сказать схватывал всё на лету. В итоге, меня назначили главным инженером проекта (ГИП), ответственным за весь объём проекта. Самые первые мои разработки строительных конструкций, а в строительстве я был полным профаном, вызывали у меня позже смех и стыд. Однако, начальник ПКЛ и проектировщики строительного сектора, с пониманием отнеслись к моим ошибкам и не заостряли на них внимания. К счастью, я очень быстро учился и совершенствовал своё мастерство, прямо на глазах. Строительство бассейна, велось несколько лет и началось параллельно с его проектированием. К сожалению, в связи с трудностями по обеспечению строительства всеми, заложенными в проект материалами и оборудованием, а также стремлением, побыстрее закончить объект, приходилось по ходу строительства отказываться от некоторых прогрессивных новшеств, заменяя их на более простые. Во многом, проект был изменён и без нашего согласия, по воле Горкома партии, курировавшего строительство и, в конечном итоге, построенное сооружение, во многом не соответствовало первоначальному замыслу. Но тем не менее, объект был принят под фанфары. Все участники награждены подарками, премиями и т.п. Мне, к примеру, выдали талон на приобретение ковра, которые составляли в те времена один из многочисленных предметов дефицита.

Так дело и пошло. Я всё более набирал опыт и быстро совершенствовался. Работа мне очень нравилась. Коллектив был дружный, начальник демократичный, а сама работа, не обременительной. В те времена, ПКЛ располагалась в соцгороде, как раз напротив клуба Горняк, в бывшем здании управления вскрышного разреза. С нами, здание разделяли сберкасса и контора по нормированию и контролю рабочего времени на угольных предприятиях. Обедали мы либо в ресторане, на соседней улице, либо в лежащей напротив, пловной. Плов был отличный и славился на весь город. Цены были смешными. Порция плова обходилась в 50- 75 копеек, а обед в ресторане, не дороже 1 рубля 30 копеек. Вспоминая те времена, невольно, сравниваю цены на обед в немецком ресторане, в далёком будущем 2015 году, в размере от 12 до 16 евро и при зарплатах чистыми – 130 рублей и 1200 евро в месяц, вполне можно приравнять тогдашний рубль по покупательной способности, к 7-8 евро. Пришлось познакомиться и с частыми командировками. Наша головная организация – «Средауголь», объединяла все угольные предприятия советской средней Азии, куда входили, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан. Самым значительным угольным предприятием региона, значился угольный разрез «Ангренский», с размерами добычи угля в 5 млн. тонн в год, расположенный в Ангрене. Здесь же действовали ещё несколько предприятий Объединения: Шахта № 9, Погрузочно-

транспортное управление, Трест Узбекшахтострой, Шахто-строймонтажное управление, автобаза и т.д. Множество подведомственных предприятий функционировали на территории других республик, в городах: Кызыл Кия, Ош, Шаргунь, Сулюкта, Ташкумыр и др. Все эти предприятия обслуживались единственным проектным учреждением – ПКЛ, в составе, примерно 40 человек, из которых в Ангренском филиале, работали 25 человек, а остальные в городе Ош. В те времена работники министерства угольной промышленности, носили специальную форму, и я заказал для себя комплект. Форма была чёрного цвета, с двубортным пиджаком. Знаки различия располагались на петлицах и мне, как старшему инженеру, полагались петлицы с одним просветом и тремя звёздочками, что очень было похоже на военную форму образца 30-х годов, а также чрезвычайно напоминало современную форму прокурорских работников. Надо сказать, что наш, форменный наряд, соответствовал ещё дореволюционным нарядам чиновников и практически не изменился. Знаки различия, фактически показывали классы чиновничьего ранга. Я по дореволюционному табелю о рангах, принятому, ещё при Петре 1, значился бы чиновником 10 класса, иначе говоря, коллежским секретарём, коему соответствовал офицерский чин поручика. Сходство с формой прокурора, нередко спасала меня в будущем, во время остановок меня работниками ГАИ. Малограмотные

узбекские милиционеры, принимали меня за своего коллегу. Итак, по служебной необходимости, я объездил за несколько лет практически все предприятия Средазугля, и не только их. Приходилось посещать и другие города, с предприятиями которых, наше объединение сотрудничало. В этом же году командировка спасла фактически мою жизнь. После получения диплома о высшем образовании, мне было присвоено звание лейтенанта запаса, и я был приписан к воинской части, находящейся в Азадбаше (рядом с Чирчиком). На случай войны, я был бы назначен комсоргом танкового батальона и, таким образом относился к политработникам. В городе, из политработников сформировалась группа, порядка 20-25 человек, которых компактно вывозили на редкие переподготовки в нашу часть, где мы слушали лекции и стреляли в тире из автоматов и пистолетов. Так вот, в середине декабря 1978 года, я получил повестку из военкомата и прибыл туда, наряду с многими другими офицерами запаса. Причина вызова нам не сообщалась. Нас продержали почти весь рабочий день в актовом зале военкомата и к концу дня, отпустили домой, наказав никуда завтра не отлучаться из города. Я не сильно прислушался к этому сообщению и выехал на другой день в командировку, уж не помню в какой город. Приехав через пару дней, я получил от жены врученную ей повестку для меня, с требованием прибыть в военкомат в позавчерашний день. Я пошёл в военкомат,

чтобы рассказать о моей командировке. Начальник отдела сильно меня отругал за невыполнение приказа о запрете выезда и сообщил, что группа политработников, в которую я входил, полностью отбыла в Афганистан, для поддержки начавшейся там революции. Оказывается, в Афганистане произошёл переворот, в результате которого был убит Хафизулла Амин, тогдашний руководитель государства. Его сторонники были разгромлены, а власть перешла к народной партии, под руководством Бабрака Кармаля. По просьбе правительства Афганистана, в страну был введён, так называемый, «ограниченный контингент» советской армии. В основном это были части Туркестанского военного округа, а также, срочно мобилизованные солдаты и офицеры запаса республик Таджикистана и Узбекистана. По дошедшим до нас слухам, все эти запасники и молодые необученные солдаты регулярной армии, понесли огромные потери на первых порах, в боях с афганскими сторонниками свергнутого режима. Уже через год после этого события, я как-то встретил на базаре одного знакомого, из нашей группы политработников. Он рассказал, что их привезли в Кабул через день после начала революции и задействовали в боях со сторонниками Амина. Вся группа, за исключением двух человек, сложила там свои головы. Более чем вероятно, и я нашёл бы там свою смерть, но Бог, распорядился по-своему. Наступил новый 1979 год. Работа шла по накатанной колее, я влился в коллектив, и работа мне

направилась. Зарплата, однако оставляла желать лучшего. Мои 130 рублей в месяц, да 80 рублей жены, были весьма недостаточны для достойной жизни. В то время, к нам в ПКЛ, к тому времени переименованной в ПКБ – проектно-конструкторское бюро, поступил на работу Рукавишников Валера. Он был моложе меня, но весьма практичный парень. Он организовал работу по выполнению курсовых и дипломных работ, для студентов. Заказы посыпались, как из рога изобилия. Студенты из узбеков и таджиков, которые, как национальные кадры, имели льготы при поступлении в ВУЗы, но не имели ни малейших способностей к учёбе, несли к нам свои работы. У нас определилась своеобразная такса за выполнение соответствующих работ, привязанная к формату чертежа и дело наладилось. К нашей зарплате прибавился доход, достигающий в среднем около 60-80 рублей в месяц, что весьма облегчила нашу жизнь. Дополнительно, мы регулярно получали премии за выполнение плана, 13-ю зарплату, ещё какие-то надбавки и в результате, выходило для меня гораздо более 200 рублей в месяц. А после повышения моего оклада до 175 рублей, жить стало ещё веселей. В нашем коллективе повелось, ещё до меня, отмечать почти все праздники, а также получение премий, устройством выпивки прямо на работе. Карелин этому не противился, да и вообще такое положение дел, было характерно для всей страны. Гастроном располагался в 100 метрах от нас и, при необходимости, спиртные

напитки доставлялись в кратчайшие сроки. А на крайний случай, у Карелина в сейфе всегда хранился запас спирта, литров на пять, предназначенный для протирания пластин копировальной машины «Эра». Обычно, в случае праздника или чьего-то дня рождения, сотрудники приносили с собой закуску из дома и к обеду подготавливался праздничный стол. Обед организовывали совместный и обычно он переходил в пьянку до самого конца рабочего дня. Как правило, я напивался до свинского состояния и домой добирался просто чудом. В этом году я завершил обучение в Университете Марксизма – Ленинизма, на факультете партхозактива, где учились руководители предприятий. Учёба была в вечернее время и стоило больших моральных трудов, посещать занятия после работы. Со мной, в группе учились, прокурор города и базарком – директор базара. Оба считались самыми почитаемыми гражданами города и на уроках сидели вместе и пили чай, слушая лекции. А у меня, в этом году, появилась возможность вернуться в армию офицером. По какой-то причине, мне предложили этот вариант, но я, взвесив все «за» и «против», решил отмазаться от этого, весьма настойчивого и безвариантного предложения. При медицинском осмотре, я прикинулся страдающим головными болями и знакомый врач, поняв меня правильно, написал отрицательную рекомендацию. Не знаю, правильно ли я поступил или нет, но дело было сделано. 24 августа, у меня родился сын. Ещё задолго

до женитьбы, я уже решил для себя, что у меня будут двое детей – сын Миша и дочь Настя. Поэтому, имя не пришлось придумывать. Через два года, 10 июля, у меня опять родился сын, тут уж пришлось поломать голову. Назвали его Дмитрий. В больнице ребёнку занесли инфекцию, и он тяжело заболел. Уже в 4 месяца ему было настолько плохо, что его положили в реанимацию и шансов, что Дима выживет, было очень мало. Врач узбечка ничего не могла определить, но к нашему счастью, дежурный врач – русская женщина, обнаружила, что одно лёгкое не функционирует и после проверки на рентгене, выявился пневмоторакс лёгкого, характерного заболевания, вызываемого механическим проколом лёгкого, к примеру пулей или штыком. Как назло, этот факт определили в субботу, когда все врачи в основном отдыхали. Тесть – водитель скорой помощи и по этой причине знакомый со многими врачами, сам пришёл домой к ведущему хирургу и попросил того сделать всё возможное. Хирург, будучи выпивши обещал, что если ребёнок доживёт до понедельника, то он сможет его спасти. В самом деле, Дима дотянул до понедельника и ему сделали операцию, во время которой он впал в клиническую смерть, но его выходили. Операция прошла успешно, но для дальнейшего излечения требовалось крайне дефицитное лекарство, которое мы, с огромным трудом, купили за баснословную цену -25 рублей за ампулу. Дима пошёл на поправку и вскоре

был выписан. В дальнейшем, почти всё его детство, он страдал болезнями и не один раз приходилось его отхаживать, привлекая знакомых тёщи и отца. Но болезни эти доставили нам много мучений и тревог. В 1979 году, отцу, наконец-то, выделили машину Волгу, из числа списанных такси. Машину приволокли на буксире, так как у неё не было даже мотора. Это был просто кузов на колёсах. Но отец был счастлив и этим. За машину заплатили 4500 рублей – всё приданное, полученное мной через жену. К тому же пришлось покупать гараж за 2000 рублей. Гараж был рядом с домом, его даже было видно с балкона. Теперь отец всё своё свободное время проводил в гараже, занимаясь восстановлением машины. Я чем мог, помогал ему. Отец натаскал из таксомоторного парка всякие старые запчасти для машины: двери, сиденья, рессоры, амортизаторы, части двигателя и т.п. Через какое-то время, машину всё-таки собрали, и она поехала! Внешний вид был конечно неказистый. Кроме того, на боках ещё виднелись шашечки такси, которые надо было бы закрасить, но пока ещё до этого не дошли. Отец рулил на машине целыми днями и также через день, целыми же днями, ремонтировал её. Наличие машины в те времена, являлось необычайно престижным фактом. Очень многие люди имели средства для покупки машины, но, как предмет величайшего дефицита, они распределялись строго по спискам, в первую очередь передовикам производства, во –вторую в общей

очереди, которая была настолько длинна, что возможность приобретения машины подходила к пенсии. К отцу, в ту пору, обращались с просьбой продать машину за сумму вчетверо и впятеро большую её номинальной стоимости, но отец отвергал их безоговорочно. Машину кое-как довели до ума и сложилась некая традиция, что я, с утра забирал машину в гараже и ехал за отцом, потом отец оставлял меня на работе и уезжал по делам, а если таковых не было, то он использовал машину в качестве такси, зарабатывая на бензин и, в немалой степени, на улучшение жизненных условий. В 1980 году я, по рекомендации знакомых, приобрёл путёвки для себя, отца, сестры Люды с сыном на озеро Иссык-Куль, в пансионат «Шахтёр», принадлежащий шахте г. Каджисай, входящей в систему нашего объединения «Средазуголь». Стоимость путёвок была чисто символической – по 9 рублей на 18 дней. Мы поехали на нашей Волге своим ходом. Расстояние до Каджисая от Ангрена, составляло примерно 1000 км. Выехав рано утром, добрались до места примерно в 16 часов следующего дня. Спали в дороге, прямо в машине. Пансионат располагался непосредственно на южном берегу Иссык-Куля, как раз, напротив расположенного на другом берегу озера города Чолпон-Ата – главного курортного центра области. Пансионат представлял из себя территорию примерно в 1 гектар, обнесённую оградой. Несколько маленьких домиков и один большой, предназначались

для отдыхающих. Каждая группа прибывших, получала в своё распоряжение отдельный домик или комнату в большом здании. Имелись холодильник и газовая плита. Приготовление пищи отдавалось на волю приезжих. На территории пансионата имелся продуктовый магазин, в котором, на удивление с существующим дефицитом, постоянно имелись в продаже мясо, молочные изделия, яйца и некоторые другие продукты, которые мы в Ангрене могли купить только по блату. Вода в озере была чистейшая, слегка солёная и прохладная. В связи с нахождением озера на приличной высоте, почти 1000 м от уровня океана, температура воды не превышала 18 градусов летом, тогда как температура воздуха порой приближалась к 40 градусам. Трудно было зайти в воду, но через минуту, организм привыкал к прохладе и купание приносило одно удовольствие. Накупавшись вдоволь, мы ездили на машине в город Каджисай, находившийся в паре км от пансионата, чуть выше в горах. Город был маленький, располагал несколькими магазинами, в которых мы покупали кое-какие промтовары. Был и книжный магазин, в котором часто продавались весьма дефицитные книги. Пару раз мы ездили в райцентр, город Боконбаево, где также в основном интересовались книгами. Здесь необходимо отметить, что южный берег Иссык Куля, во все времена, был населён значительно меньше северного. Да и туристов сюда приезжало совсем мало. Местное

население представляли в основном киргизы, которые, как и узбеки, впрочем, литературой не интересовались. Должен сказать, что на мой взгляд, киргизы в большинстве своём, совершенно были лишены предприимчивости и не отличались предпринимательской смекалкой. Я бы даже назвал их ленивыми. Может я и не прав, но те киргизы, которых я имел возможность видеть, именно таковыми и казались. Во многих дворах киргизов, мы видели множество плодовых деревьев, слив, абрикосов, персиков, яблок и т.д. Плоды созревали и падали на землю, а хозяева даже не предпринимали попыток, собрать эти плоды и продать, хотя спрос на них был значительный. В отличие от узбеков, использующих для себя каждый клочок свободной земли и добывающих с этого клочка пропитание, не только для себя, но и для продажи, киргизы совершенно равнодушно относились к возможности, заработать лишнюю копейку. Предпринимательством в этом регионе, занимались немногочисленные Дунгане, китайцы, придерживающиеся мусульманской религии. Их число в самом Китае более 40 млн, живут они также и в Казахстане, в приграничных с Китаем территориях. Вот эти самые дунгане и занимались здесь частным предпринимательством. Они же, содержали мелкие лавочки, с традиционной дунганской пищей, которую мы также пробовали. За время отдыха, мы также посетили несколько населённых пунктов на южном побережье, включая городок

Тамга, с небольшим зоопарком. Планировали доехать до Пржевальска, расположенного на самом востоке озера, примерно в 100 км от Каджисая, но так и не собрались. В Пржевальске, стоит памятник Пржевальскому, знаменитому этнографу и путешественнику, побывавшему в этих краях в 19-м веке. Среди населения региона бытует легенда, что Иосиф Сталин, является внебрачным сыном Пржевальского, наглядным подтверждением чему, является именно памятник Пржевальского, разительно похожий на самого Сталина. Через 18 дней мы вернулись в Ангрэн. Мне чрезвычайно понравился отдых на Иссык Куле, само озеро и окружающая его природа. В дальнейшем, я каждый год проводил свой отпуск в Каджисае, а позже, побывал и на северном берегу в Чолпон Ате. Обычно мы ездили своей семьёй с отцом и его женой, иногда с сестрой и её сыном. На работе я достиг определённых успехов и начальство высоко ценило меня. Карелин увеличил мой оклад до 175 рублей. В том же году, уволился мой начальник отдела Альберт. Как этнический немец, он добился разрешения на выезд в Германию с семьёй. Как оказалось, у него в ФРГ проживали родственники, приславшие ему вызов. К этому времени, из ПКБ ушёл и Простяков, а его заменил Рукавишников Юра. Альберт устроил небольшую прощальную вечеринку на работе. Без всякого сомнения, все сотрудники завидовали Ефиму Яковлевичу, уезжавшему в цивилизованную Европу. Особенно сокрушался опьяневший начальник горного

отдела. Он горько сетовал на советскую действительность и поздравлял Альберта с выпавшим тому счастьем. На освободившийся пост начальника технологического сектора, Карелин назначил меня. Как оказалось, на этот пост, претендовала работница строительного отдела Софа Исмагилова. Она высказала мне своё недовольство и пообещала, так сказать, засовывать мне палки в колёса, по возможности. Я не воспринял серьёзно её угрозы и в дальнейшем, вполне успешно обходил расставляемые ею западни. В конце концов, она уволилась и устроилась на другом предприятии. В мой сектор входили несколько, разнопрофильных групп: строительный отдел, электрический, сантехнический и собственно я сам, олицетворяя собой технологический отдел. В мои обязанности входила проверка чертежей, выполненных моими подчинёнными и разработка технологической части, в том числе генеральные планы и общий вид проектируемых объектов. Одновременно, я должен был все проекты утверждать в головных, ведущих проектных институтах республики, расположенных в Ташкенте, в соответствии с профилем. Утверждения и согласование проектов, являлось весьма трудоёмким и нудным занятием. Сложилась ситуация, что практически все утверждающие должности в НИИ, занимали евреи. Да и большинство сотрудников этих НИИ, также имели ту же национальность. Даже в случае соблюдения всех норм проектирования,

проекты отклонялись по причине нахождения каких-то, придуманных причин. Рассмотрение и подписание проектов откладывалось на новые сроки, на неопределённое время. Было понятно, что для утверждения проекта, необходимо дать взятку. Специально для решения подобных вопросов, в производственном объединении, имелся «специалист». Им был в те времена, еврей по имени Ефим Исакович, а фамилию я забыл. В его обязанности входило проталкивать проекты в жизнь. Ефим Исакович, был весьма умным и широко эрудированным человеком, общительным и весёлым. Он был участником отечественной войны и имел немало наград. Обычно, мы с ним отправлялись в какой-либо институт, вдвоём. Я с чертежами, а он при параде – в костюме с галстуком и с наградами на груди пиджака. Сначала мы заходили в кабинет вдвоём, и я показывал и рассказывал суть проекта, а потом я выходил, а Ефим Исакович оставался в кабинете с руководителем того или иного головного НИИ. О чём они там говорили, я не знаю, но он всегда выносил проект согласованным, со всеми необходимыми печатями и подписями. Я в те времена, по причине своей молодости и неопытности, удивлялся подобному обстоятельству, но позже, привык к этому. В те времена повсеместно, любые проблемы решались в основном с помощью взяток или через значимых друзей и родственников. Все, кто имел возможность, брали взятки. Таковыми были реалии тогдашнего времени.

Руководство республики смотрело на это, через пальцы, получая безусловно свою долю. Мало того, получение взяток планировалось вышестоящими руководителями и облагалось поборами и поэтому, решение проблемы без взятки, означало лишь потерю своих личных доходов, ведь наверх тогда приходилось отдавать свои деньги. Все доходные должности или места работы, имели свою цену. Я уже точно не помню, но, к примеру, стать работником ГАИ на один год, стоило несколько тысяч рублей, заведующим аптекой около 30 тысяч, перевод с грузовика на маршрутное такси – 600 рублей и т.д и т.п. Всё продавалось и покупалось. И заведовали всем этим безобразием партийные и государственные деятели. Оля продолжала работать музработником в детсаду, и я, постоянно уговаривал её поступить в пединститут, чтобы получив высшее образование, иметь более высокий оклад. Наконец она согласилась и подала документы на поступление. В то время, стоимость зачисления в институт, при любых результатах вступительных экзаменов, равнялась одной тысяче рублей. Тёща заплатила эти деньги, и Оля поступила на факультет младших классов. Надо сказать, что училась она очень хорошо, а также проявила себя, как активистка и даже чуть не вступила в партию, но, к сожалению, несколько ранее, она потеряла свои комсомольские документы, а это считалось чрезвычайным происшествием и расценивалось, как разгильдяйство и вредительство, а потому, с этим

планом пришлось тихонько расстаться. Так жизнь и потекла, год за годом. Являясь руководителем, в числе своих подчинённых, работников строительного сектора, я был обязан проверять строительные чертежи и, поскольку

ПКВ

На фото все три начальника отделов ПКБ.

я в этом отношении был дилетантом, я принял решение поступить в институт на факультет ПГС – промышленное и гражданское строительство. Получив рекомендации от предприятия, я был принят на третий курс вечернего отделения ангренского политехнического института. Ходить на учёбу после работы, было весьма неудобно, и я со следующего курса, перевёлся на заочное отделение Ташкентского института. После окончания 5-го курса, я всё – таки бросил учёбу, посчитав, что этого мне достаточно, да и желания дальше учиться, у меня уже не было. Тем не менее, и 5–ти курсов, в самом деле, вполне хватило, чтобы иметь достаточное представление о строительстве зданий и гражданских, и промышленных, учитывая, что почти все наши проектировщики строители, имели всего лишь техникум за плечами, то я был даже гораздо выше их по теоретической подготовке. Работа чередовалась с командировками, летом отпуск, как правило, на Иссык куле. В отсутствии Карелина, я оставался, замещая должность главного инженера и в будущем, в случае ухода Карелина на пенсию, наверняка был бы назначен на его место. Будучи молодым коммунистом, мне поручили, в качестве партийной нагрузки, работу в милиции, нештатным сотрудником. Работа заключалась в проверке паспортов жителей нашего квартала. Я должен был в свободное от основной работы время, а это были суббота и воскресенье,

выявлять старые паспорта и заставляя их владельцев, получать новые. Для выполнения этого задания мне вручили удостоверение внештатного сотрудника милиции. Что интересно, удостоверение было напечатано таким образом, что по нему выходило, что я, якобы, и есть начальник паспортного отдела милиции, капитан Абдуллаев, так-как моя фамилия, стояла на другой, малозаметной странице. Вкупе с моим форменным пиджаком, прокурорского типа, это удостоверение волшебным образом, воздействовало на работников ГАИ, останавливающих мою машину, в надежде получить бакшиш, и они, откозыряв, отпускали меня с миром. Работа в милиции продолжалась год, пока я не сдал все списки жителей квартала. Однако удостоверение было ещё годным и я, даже после окончания его годности, самостоятельно подделал сроки и пользовался им до самого выезда из Узбекистана. В те же времена, работающий горным мастером на разрезе, мой одноклассник по имени Виктор, каким-то образом, был избран на пост второго секретаря городского комитета комсомола города. Надо сказать, что ещё со школы он был, мягко выражаясь, «тюфяком», то есть малоразговорчивый и стеснительный, почти ни с кем не друживший. Будучи секретарём комсомольской организации ПКБ, я еженедельно встречался с ним на планёрках, и заседаниях горкома. В его обязанности входило проведение подобных мероприятий. В течении года, с ним произошла решительная метаморфоза.

Будучи вынужденным, постоянно быть на виду и вращаться в высших сферах городской партийной верхушки, он решительным образом изменился и превратился в типичного партработника, умеющего часами болтать о выдающейся роли партии и правительства. И замашки его стали более представительными. Как раз пришла директива сверху, об организации на местах, так называемых, советов молодых учёных и специалистов, из числа людей, недавно закончивших институты и техникумы с целью продвижения их по службе и для борьбы с ретроградством на предприятиях. Идея была сама по себе перспективная, но, как водится, её обюрократили. Виктор предложил мне возглавить городской совет молодых учёных и специалистов, кратко ГСМУиС при комитете ВЛКСМ города и стать его председателем. Я согласился. Мне было предложено написать доклад, о необходимости такого органа и разработать инструкции по осуществлению его деятельности, чем я и занялся. Одновременно, меня избрали на ближайшем съезде Горкома комсомола, его членом, поскольку моя новая должность, требовала соответствующего поста. В дальнейшем, я занялся организацией ГСМУиС по предприятиям города, назначая на должности председателей, подходящих работников. Надо сказать, что, воспользовавшись служебным положением, на должности председателей, я в большом числе случаев, назначил своих знакомых и, если была возможность, то

и одноклассников. Через некоторое время, организация была устроена и начала своё существование. Первым делом были организованы еженедельные заседания председателей ГСМУиС предприятий в помещении горкома комсомола под моим руководством. Должен признаться, что в основном, эти заседания занимались переливанием из пустого в порожнее, поскольку никаких прав на предприятиях, эти советы не имели, а являлись очередным бюрократическим институтом. Тем не менее, я, как городской председатель, получил возможность разъезжать по республике на всевозможные семинары, совещания и т.п., освобождаясь на это время от работы. Расскажу один интересный эпизод из этой жизни. Как-то, меня пригласили на очередной семинар по обмену опытом, в город Фрунзе, столицу Киргизии. Семинар организовал республиканский комитет комсомола и в числе участников, присутствовали председатели ГСМУиС крупных городов республик, а также работники ташкентского обкома комсомола. Нас разместили в центральной гостинице города. Я попал в одну комнату с моим коллегой из города Бекабада, если не ошибаюсь. С утра мы ходили на заседания, обедали в ресторане, а вечером, по инициативе Фрунзенского обкома комсомола, нам устроили вечер в том же ресторане. В итоге, вечер превратился в пьянку и вечером, я едва добрался до гостиницы. Что же я застал в своей комнате? Мой коллега, пригласил к себе каких-то знакомых и они, устроили в

комнате оргию. Напившись до чёртиков, кто-то из них, расколотил унитаз, в результате чего, в комнату хлынула вода и когда я зашёл, она уже поднялась на 4-5 см, а ковёр уже плавал на поверхности. Один из гостей, в совершенно непотребном виде, сидел у унитаза и пытался остановить воду, поднимая бачок вверх, но через некоторое время, засыпал и отпускал бачок из рук, и вода вновь лилась на пол. Чрезвычайно обрадовавшись моему приходу, компания срочно покинула комнату, оставив меня в одиночестве. В первую очередь я закрыл кран подачи воды, а потом начал решать предстоящую задачу. Взяв несколько полотенец, я начал собирать воду и выжимать её в ванну. Довольно скоро мне удалось убрать всю воду и привести комнату в более или менее, приличный вид. К нашему счастью, вода не просочилась на нижний этаж. Устав от всех перипетий дня я уснул. Утром явился протрезвевший коллега и униженно просил прощения за неудобства. Семинар закончился через три дня, и его участники отправились в аэропорт, чтобы улететь в Ташкент. Однако при сдаче комнаты, работники отеля увидели разбитый унитаз, и мой коллега был вынужден заплатить 25 рублей за установку нового. При прибытии в аэропорт, выявилась очень неприятная картина. Оказывается, работники ташкентского обкома комсомола, выезжая из гостиницы, прихватили с собой полный портфель столовых приборов- вилок, ножей и ложек, которые были у них с позором отняты догнавшими их, по

горячим следам, работниками ресторана. Дело обошлось без привлечения милиции, приборы были возвращены незамедлительно. Далее, произошла неприятная история со мной лично. Уже после начала посадки, я, пропустив всех вперёд – а как же! Ведь я уже получил посадочный талон и никуда не торопился. Вступив на трап самым последним, я совершенно неожиданно, был остановлен и мне объявили, что я лишний. Произошла перепалка, с вызовом моих руководителей, которая окончилась не в мою пользу. Как оказалось, на моё место усадили человека, которого сопровождала милиция. Его необходимо было срочно доставить в Ташкент. Я был вынужден вернуться в зал ожидания и дожидаться следующего рейса, который вылетал через 6 часов. Этот случай, заставил меня в будущем, никогда не оставаться последним, в какой бы то ни было очереди, на посадку в транспорт. Заметив мои старания и учитывая быструю карьеру в политическом направлении, Горком партии предложил мне должность инструктора при Горкоме, с возможностью дальнейшего роста и последующего направления в Москву, в высшую партшколу, по окончании которой, я мог рассчитывать стать вторым секретарём горкома партии и расти дальше. Я проработал в Горкоме почти неделю. Особенно мне понравилась столовая для работников Горкома и Горисполкома. Цены были низкие, а качество высокое. Честно говоря, я не помню, что я делал, но, во всяком случае, не сидел

без дела. Однако, в конце недели, меня вызвал к себе второй секретарь Горкома и честно мне рассказал, что его вызывали в городской отдел КГБ и рекомендовали не брать меня на работу, по причине моей политической неблагонадёжности. Он посетовал на обстоятельства и предложил возвращаться в ПКБ, благо, что моя должность ещё не была занята. После этого инцидента, я понял, что моя карьера, на данном этапе, завершена. Забраться выше, мне не позволят. Печальный факт, но жизнь продолжалась, и я смирился с этим. Угольный разрез расширился и пришло время, когда его граница приблизилась, к зданию нашей конторы. Ранее, мы спроектировали наше новое рабочее место, которое располагалось на окраине Нового города в новом здании ШСМУ. В этом месте были построены, вынесенные из района, подпадающего под снос, из-за расширения разреза, следующие предприятия: Автобаза «Средазуголь», Автобаза № 29, где работал мой отец, Хлебокомбинат, Автобаза № 72, ШСМУ и ряд более мелких организаций. При этом, весь комплекс ШСМУ, был спроектирован под моим руководством и во многом, мной лично, как и кислородная станция ЦММ и др. И вот мы переселились в новое здание и продолжили свою работу. По каким-то причинам, в первую зиму, в новом помещении не было подключено тепло, и мы жутко мёрзли в кабинетах, обогреваясь принесёнными из дома электрогрелками и прожекторными лампами,

мощностью в 1 квт. Пережив зиму, мы начали страдать от жары летом. К концу лета прибыли кондиционеры, и мы сами их установили. На этом всё устаканилось и следующий год прошёл нормально. Осенью выезды на овощи, потом на хлопок, перемежались с проектами. В ПКБ происходили замены. Многие люди уходили, на их место приходили другие. Организовали новый отдел «Рекультивации», который возглавил Володин. Простяков уволился, а за ним и Рукавишников и теперь начальником горного отдела, стал Целыковский. Так получилось, что все три начальника отделов, поместились в одном кабинете. Мы работали дружно, работа была интересная и, что самое главное, не спешная и не очень трудоёмкая. В одной из своих командировок по линии молодых учёных и специалистов, я привёз идею о создании системы поощрения работников, повышением зарплаты за перевыполнение плана. Мой начальник Карелин, вдохновился этой идеей и предложил мне разработать принципы этой системы и правила определения размера поощрений. Разыскали нормы времени на выполнение проектных работ. Назначили комиссию по проверке отчётов. Теперь каждому работнику вменялось в обязанность, ежемесячно отчитываться о проделанной работе и определять фактическую выработку за месяц, согласно нормативам времени. В случае перевыполнения плана, назначался размер премии, определяемый процентом перевыполнения. И дело пошло.

Практически все перевыполняли план, и зарплата стала гораздо весомей. Жить, как говорится, стало веселей. Одновременно я продолжал выполнять курсовые проекты студентам. Как ни странно, но работников ПКБ, почему-то преследовало какое-то проклятие. Смертность превышала все допустимые нормы. Я только начал работать в ПКБ, как умер, от почечной недостаточности, мой одноклассник, Витька Филиппов, оставив после себя вдову с двумя детьми. Следом за ним умерла от рака Галя Климович – жена парторга Разреза, далее, совершенно молодая, в возрасте всего 22 лет, копировщица, от невроза. Всего за время моей работы, 7 человек, то есть, по человеку в год, самой старой из них оказалась работница горного отдела Неумывакина – как раз перед пенсией. Для коллектива в 24 человека это слишком много. Со смертью Неумывакиной связаны были, опять-таки, неприятности. Во-первых, она умерла во время своего отпуска, находясь дома. Мы заволновались только потому, что она должна была прийти на работу, чтобы отметить свой день рождения и принести торт. Сообщили в милицию и те, взломав дверь, обнаружили её уже на третий день после её смерти. У неё в городе не оказалось никаких родственников и все заботы по похоронам, пришлось взять на себя. У неё в квартире нашли 60 рублей, которых оказалось слишком мало для похорон, и все работники скинулись по десятке. После похорон, мы всем коллективом уселись помянуть её, когда вдруг прибыл брат покойной и потребовал отдать

ему те самые 60 рублей, что мы нашли в квартире. Это было вопиющим фактом бесстыдства, но Карелин отдал ему эти деньги. Однажды, к нам поступила на работу новая сотрудница, по фамилии Безродная. Должность инженер – конструктор, в мой отдел. Что удивительно, задания она стала получать непосредственно от самого Карелина, а что она там проектировала, я даже понятия не имел. Позже выяснилось, что она, на самом деле, любовница шефа, и числится в ПКБ, чисто символически, практически ничего не делая, но получая при этом повышенный оклад. Я оказался в щекотливом положении. Я не могу проверить, чем занимается моя подчинённая и также не могу дать ей никакого задания. Это состояние, очень угнетало и раздражало меня, до такой степени, что я решил уволиться. Я подал Карелину заявление на увольнение, и он мне его без раздумий подписал. К тому времени, я нашёл себе другую работу – преподавателем спецтехнологии в профессионально техническое училище. Поэтому увольнение, проводилось переводом, с одного места на другое. На календаре стоял май 1987 года. Позже, я не раз пожалел об этом решении. Никогда больше, я не встретил настолько интересной и не обременительной работы, а наш начальник Карелин, по сравнению с другими, оказался, образцом демократичности и заботливости, в отношении подчинённых. В стране, за последнее время, произошли значительные перемены. Умер Л.И Брежнев,

генеральный секретарь ЦК КПСС, в течении более 20 лет, возглавлявший СССР. В последние годы правления, он постоянно болел и всё чаще впадал в старческий маразм. И хотя он, уже не раз пытался освободить свой пост, но политбюро КПСС не позволяло ему это сделать. Весь состав политбюро, уже давно перешагнул возрастную отметку в 70 лет и, страдая старческой подозрительностью, очень не хотел изменений. Но со смертью Брежнева, все растерялись, произошло замешательство, режим не то что рухнул, но затрещал по швам. Началась свистопляска, с частой сменой руководства. Генеральным секретарем назначили Юрия Владимировича Андропова, возглавлявшего до этого КГБ СССР. Первым делом он начал наводить трудовую дисциплину. Например, на дневных сеансах в кинотеатрах, совершались милицейские облавы, выявлявшие тунеядцев и прогульчиков. Также участились суды над приближенными и родственниками предыдущего правителя, возросло количество осужденных за уголовные преступления. Началась масштабная, антиалкогольная кампания и борьба со спекулянтами. Население, с удовольствием, поддержало инициативу генсека. После периода брежневского застоя, жители радовались «твердой руке». Очень твёрдо повёл себя на мировой арене, снискав себе уважение и даже страх, со стороны зарубежных правителей, в первую очередь США. Особенно он проявил себя, в борьбе с приписками и коррупцией

в высших эшелонах власти. На всю страну прогремело т.н. «Хлопковое дело» в Узбекистане. Направленные в республику следователи прокуратуры по особо важным делам, Гдлян и Иванов, выявили огромное количество эпизодов приписок сотен тысяч тонн хлопка, якобы собранных сверх плана, фактов подкупа должностных лиц и произвола властей. По делу были арестованы и посажены за решётку несколько тысяч виновных в этом деле. Были раскрыты и преданы гласности, настолько шокирующие факты, в том числе, бросающие тень на руководящую роль КПСС, что дело попытались притормозить, что и было достигнуто, после смерти Андропова в 1984 году, а следователей Гдляна и Иванова, даже привлекли к уголовной ответственности. Тем не менее, первый секретарь ЦККПУзССР, Шараф Рашидов, скончался в 1983 году, возможно не пережив позора, к своему счастью, не дожив до собственного разоблачения, и был похоронен с почестями, в городе Джизак, где он родился. Большинство, из числа посаженных и отбывающих наказание в Узбекистане, были освобождены и даже, признаны потерпевшими, а порой, и несправедливо осуждёнными героями и, с приходом нового руководителя государства, всё вернулось на круги своя. Период правления Андропова, стал весьма значимым для нашей семьи. Наконец-то, жалобы моей матери в центральные органы власти, были рассмотрены по существу и со смертью Рашидова,

последовало постановление суда- считать осуждение матери неправомочным, реабилитировать её полностью, с восстановлением в рядах партии и выплатой компенсации, за причинённый ущерб. Компенсация состояла в том, что разрушенный в Ташкенте дом, подлежал восстановлению за счёт государства, что и было сделано и мать, наконец-то, зажила по-человечески. А к власти, следующим пришёл Константин Черненко – шестой по счету вождь страны в 20 веке. В 1984 году он был выбран Генеральным Секретарем ЦК КПСС. Мужчина, при принятии правления, имел серьезные проблемы со здоровьем, в результате чего, пробыл вождем всего один год и двадцать пять дней. Поздний СССР в то время, напоминал Ватикан: как католические иерархи, порой выбирают в понтифики старца, как временную компромиссную фигуру, так и представители советской партийной элиты, избрали больного Черненко, чтобы он, какое-то время, побыл ширмой для скрытой от глаз, яростной борьбы за власть. Почти весь свой срок, Черненко провёл на больничной койке. Никаких особых преобразований в стране, за его время правления, не произошло. После его смерти, на внеочередном пленуме ЦК КПСС 11 марта 1985 года, был избран генеральным секретарем ЦК КПСС Горбачёв М.С, а с 1 октября 1988 года, он занимал и пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР и, тем самым, совмещал высшие должности государства и партии. Его же избрали в

последний год существования, президентом СССР, первым и последним. Проводимая им внешняя политика отличалась вялостью и соглашательством с позициями западных стран. СССР потерял все свои политические достижения, приобретённые Андроповым. А внутренняя политика и вовсе, свелась к борьбе с алкоголизмом и уничтожением виноградников, что повлекло за собой, практическое уничтожение виноделия в стране. Я начал свою работу преподавателем в мае, последнем учебном месяце года. Этот факт сыграл положительную роль в моей работе. С непривычки, пытаясь перекричать галдящих за партами учеников, я уже через пару дней сорвал голос и до конца мая сипел, едва слышно. Что представляло в те времена профтехобразование? Дети, которые плохо успевали в школе, с грехом пополам, дотягивались учителями до 8 класса, и уходили в профтехучилища. Обычно, это были недостаточно дисциплинированные, малограмотные недоучки, не желающие учиться, которые, в сущности, были вынуждены посещать училища, чтобы получить в результате диплом и профессию и наконец-то, освободиться от опеки родителей и педагогов, начав трудовую деятельность. Срок учёбы в училищах обычно составлял три года. Дети проходили упрощённый курс средней школы и получали трудовую профессию, по своему выбору. Успевающим, выплачивалась стипендия, от 27 до 45 рублей в месяц. В некоторых училищах,

детей кормили. В моём училище, детей готовили к профессиям; токарь, фрезеровщик, слесарь, сварщик, маляр и ещё каким-то, сейчас не помню. Я вёл сразу несколько предметов, как-то; спецтехнологию токарного и слесарного дела, технологию металлов, металлорежущие станки и инструменты и ещё какие то, в общем около восьми предметов. Сначала я пытался преподавать предметы, в соответствии с требованиями программы обучения, но ученики проявляли крайнюю степень нежелания учиться. Я старался изо всех сил, втолковывая им теорию, ставил двойки, приглашал на разбор родителей, но все мои усилия пропадали даром. Зато за двойки в журнале, директор, как ни странно это выглядело для меня, объявил меня же самого, виноватым в неуспеваемости моих подопечных. Дескать, я плохо их учу! Я был шокирован таким подходом, однако посетовав на эту тему, своему соседу по кабинетам, преподавателю истории, добродушному человеку пенсионного возраста, получил в ответ следующее – эти дети не хотят учиться, к тому же работать по специальности они научатся в процессе работы, уже на предприятиях. Зачем в таком случае, тратить свои нервы на их обучение, тем более, что более половины учащихся, являются узбеками и таджиками, едва говорящими порусски. Сам историк признался, что вместо уроков истории, он читает своим ученикам детские сказки. После этого, я резко сбавил обороты, хотя продолжал пытаться их хоть

чему-то научить. Просто перестал ставить двойки. Вскоре пришло лето и с ним, каникулы. Преподавателям вменялось в обязанность привести свои кабинеты в порядок. Раздобыв на какой-то стройке известь, так как в училище никаких материалов не имелось, я побелил стены, покрасил столы и стулья, разобрал учебные пособия. До отпуска оставалось ещё немало времени, и я решил обставить кабинет в соответствии с его направлением. Мне удалось добыть несколько плит ДСП, которые я прибил к стенам, в длинный ряд, а на плиты прикрепил всевозможные слесарные и токарные инструменты. Получилось очень даже неплохо. Тут и подошло время отпуска. Как обычно, я провёл отпуск с детьми на Иссык Куле. В сентябре начался новый учебный год. На этот раз, я уже будучи наученный горьким опытом, не пытался перекричать своих подопечных и давал свои уроки, не напрягая голоса, руководствуясь принципом – кому надо, услышит. Иногда правда, дети доставали меня. Однажды, один таджик, вывел меня из себя и я, прервав урок, потащил его к директору. Парень был тщедушный, но с гонором, и сопротивлялся со всех сил. Навстречу нам попался замдиректора, тоже таджик, высокий, атлетического сложения. Он поинтересовался происходящим, и я рассказал ему о недисциплинированности этого ученика. Совершенно неожиданно для меня, замдиректора, со всего маха влепил оплеуху хулигану. Ладони его, были размером с хорошую лопату, и парень покатился по полу, как куча

тряпья. Одной рукой замдиректора схватил его за шиворот и поднял в воздух. Зрелище было потрясающим. Пацан моментально потерял свой гонор и, обливаясь слезами, стал просить прощения. Что и говорить, назад в класс, он пришёл, как шёлковый. Я же был шокирован. У меня и в мыслях не было, ударить кого –либо из учеников, ведь они были для меня детьми. Им было от 14 до 17 лет, хотя попадались экземпляры гораздо крупнее меня. Как оказалось, битьё учеников считалось нормальным способом воспитания, и все учителя не брезговали подобным. Женщины педагоги, лупили детей линейками или указками, а мужчины кулаками. Даже сами дети удивлялись, что я их не бью, но мне претило подобное и до самого последнего урока, я не смог поднять руку на ученика и даже в мыслях не позволял себе подобного. Чтобы не заморачиваться, порой я рассказывал ученикам о различных необычных явления, в том числе и об НЛО. Как раз, в те времена, эти темы вошли в моду. Выпускались журналы на эти темы, ходили рукописные книжечки. Дети порой сами подбивали меня рассказать, что-нибудь интересное и я соглашался. В октябре всё училище вывезли на сбор хлопка. Учителя выполняли роль надзирателей. В ноябре занятия возобновились. Не сказать, что работа мне нравилась, но я относился к ней добросовестно. Зарплата, была достаточно высокой, даже выше, чем в ПКБ. Однако, мне крайне не понравился моральный климат в училище. Директором училища, был

таджик, из числа бывших партработников, напыщенный, как индюк. К учителям он относился, как к слугам, карал и миловал, по своему усмотрению и те терпели, боясь увольнения. Именно там, я понял расхожую поговорку – «кто умеет, тот работает, а кто не умеет – учит других». Преподаватели, кроме, как преподавать свою дисциплину, ничему другому научены не были и держались за свою работу обеими руками. Директор, даже болеть, не разрешал. За бюллетени отчитывал преподавателей, как нашкодивших детей. Ко всему этому, я не понравился директору, из-за своей независимой позиции, нисколько не считаясь с его мнением по очень многим вопросам преподавания. К числу плюсов преподавательской работы, принадлежали: близкое расположение училища, до которого я добирался пешком за 10 минут, неплохая зарплата, достаточно много свободного времени и много других факторов. Прошли осень и зима, а уже весной, у меня появились новые заботы. Практически, всем учителям, вменялась обязанность, так сказать, «навербовать» в школах, из числа 8-миклассников, желающих продолжить обучение в нашем профтехучилище. Довольно-таки сложная задача, учитывая, что в городе действовали 4 или 5 профтехучилищ, а также 3 техникума, которые тоже нуждались в абитуриентах. Не просто было заманить вчерашних школьников в совершенно новые, непривычные для них, условия. В свободные часы, мы уходили по школам и проводили

там беседы с учениками. Школы помогали нам, поскольку тоже не были заинтересованы задерживать в своих стенах недисциплинированных троечников и двоечников. В городе было около 40 школ, которые были поделены на сферы влияния соответствующих профтехучилищ. Директор создал штаб, в котором нам приходилось отчитываться по итогам своей «вербовки». Каждому преподавателю было поручено переманить в училище соответствующее количество учеников. Во время своих бесед и выступлений в школах, мне очень помогал мой собственный опыт обучения в профтехучилище и поэтому, я выкладывал этот факт, как некий козырь, привлекая учеников, возможностью повторить мой опыт поступления в институт после окончания училища. Очень многие дети считали, что, учась в училище, они теряют возможность поступления в вузы и я, эти их сомнения разрушал своим примером. С приходом весны, выпускникам училища были розданы задания, что-то вроде дипломных проектов, которые каждый, должен был выполнить к выпуску и защитить, во время экзаменов. Понятное дело, что сложность этих работ не выдерживала никакой критики и не стояла даже рядом со сложностью, хотя бы техникумовского диплома, но учитывая слабую грамотность контингента и их нежелание напрягать свои умственные силы, подавляющее большинство выпускников, предпочитали покупать готовые дипломные работы, которые выполнили предыдущие, более

грамотные выпускники, тем более, что продажа таковых осуществлялась непосредственно заместителем директора училища по воспитательной части, с одобрения самого директора и, являлась, их дополнительным, не хилым, заработком. Дипломные работы продавались по цене, в среднем около 50 рублей и, учитывая количество покупателей до 200 человек, сумма набегала немаленькая, порядка 10 тысяч рублей. Я не знаю в каких пропорциях делили выручку директор с замом, возможно им приходилось делиться с вышестоящим начальством, но в любом случае, каждому доставалось от 3 до 4 тысяч рублей, а на такие деньги можно было безбедно прожить целый год. В продающихся дипломных работах, попросту переписывалась фамилия, а порой, даже и эта процедура пропускалась. Защищающиеся дипломанты, порой не могли объяснить, что же они там нарисовали и написали, но экзаменаторы были не взыскательны, а дипломные работы, вновь поступали в склад, до следующих экзаменов. И вот я подорвал этот, налаженный многими годами, процесс. Я поставил перед собой задачу, помочь каждому своему ученику, из курируемых мною двух групп – слесарей и токарей, выполнить дипломное задание самостоятельно, но с моей помощью. Это было не очень сложно, поскольку задания были односложными и типовыми. Достаточно мне было на доске, нарисовать среднестатистический элемент задания и начать разработку типового технологического

процесса перед учениками, прибегая к подсказкам в индивидуальном порядке. Почти все ученики обеих групп, посещали мои консультации и дело пошло. В результате, из 50 человек, 40 выполнили дипломные работы, и только самые недалёкие и ленивые, всё -таки купили себе готовые дипломы. Но на защите дипломов, мне не советовали придирааться к явным ошибкам и все, без исключения, выпускники, получили аттестаты среднего специального образования. Той же весной я узнал, что в городе Янгиабаде, расположенном в 15 км от Ангрена, открывается новое предприятие –Приборный завод с отделением от Союзного научно исследовательского института приборостроения, короче СНИИП, в который принимают инженеров-конструкторов и технологов, для научной деятельности. Выбрав время, я поехал туда на собеседование, после которого получил согласие на устройство меня инженером-конструктором. Я немедленно подал заявление на увольнение из профтехучилища. С большим трудом, мне удалось добиться увольнения, поскольку было сложно найти преподавателя по моим дисциплинам, но директору ничего не оставалось делать, и он подписал заявление. На следующий день я поехал в Янгиабад и был принят на работу в СНИИП.

Несколько слов о городе Янгиабаде: – этот город был построен на месте добычи радиоактивного урана, содержащихся в руде –Флюорите. Добыча флюорита

началась здесь практически сразу после войны. Город считался засекреченным и попасть в него до самого 1980 года, можно было только по спецпропускам. В городе жили шахтёры, добывающие руду и работники обслуживающих подразделений. Здесь же располагалось рудоуправление, входящее в систему закрытых предприятий по добыче урана на территории Узбекистана и Таджикистана, в городах Красногорск, Той Тепа, Ходжент и ещё каких то, названия которых я забыл. Предприятия подчинялись министерству Атомной энергетики и промышленности. Снабжение этих городов осуществлялось непосредственно из Москвы и в магазинах Янгиабада можно было увидеть такие товары, которые простым смертным, даже не снились. К сожалению, к 80-м годам, ассортимент товаров заметно сократился. Первое время на рудниках работали заключённые, осуждённые на длительные сроки и даже к расстрелу, но заменённым на опасную работу по добыче урана. Шахтёры не долго трудились на рудниках, срок их жизни при этой работе, исчислялся в среднем 10 -15 лет. Однако, гораздо позже, когда в шахтах стали применять кое-какие средства защиты и рабочее время уменьшили до 6 часов, смертность уменьшилась и шахтёрами уже принимались обычные граждане. Зарплата работников рудников была весьма высока и люди стремились устроиться на эту работу, не взирая на её опасность и короткую жизнь. К концу 70-х годов, практически

весь флюорит был извлечён и часть рудников была закрыта, а те, которые ещё работали, добывали последние остатки. Поэтому, чтобы каким-то образом трудоустроить оставшееся без работы население, в городе было решено открыть производство запчастей к военным самолётам. Название предприятия звучало: «Отделение Союзного НИИП с экспериментальным заводом». Конструктора должны были улучшать или изобретать, новые способы производства, в основном электронных блоков военных самолётов, а экспериментальный завод, производить опытные образцы. Конструкторский состав подобрали из числа бывших инженеров рудоуправления и новых, набранных по объявлению, таких, как я. С июля 1988 года предприятие начало свою деятельность. Я поступил туда переводом 08.08.88 – незабываемая дата. Сначала нас разместили в здании Рудоуправления, но потом, с расширением производства, частично перевели на территорию бывших, электромеханических мастерских, на базе которых, устроили экспериментальный приборный завод. Место нахождения завода располагалось, в так называемом, рабочем посёлке «Перевалка», у города Дукент, иначе Янгибад-2. Директором завода назначили некоего Кормилицина Г. И., который начал отбирать и сортировать нас – ИТР. Назначил главного конструктора, главного механика и т.п. Технологов было два – я и ещё один парень, и директор, сначала предложил нам

самим определиться, кому быть главным технологом, но мы свалили дурака и постеснялись сами себя назначать. Тогда директор рассердился и объявил, что должности главного технолога не будет вообще. А мы остались ни с чем, а могли бы хоть жребий кинуть. У главного технолога, зарплата была гораздо выше. Ничего не поделаешь, пришлось смириться и начать работать. По поводу работы, пока не было ничего определённого. Нам передали из Москвы кучу чертежей на различные устройства, как электронные, так и механические, в основном, из схем управления военным самолётом. Мы должны были определить, какую из деталей, электронных плат и схем, мы сможем сами выпускать, с учётом имеющегося оборудования. Поэтому, до самого ноября, мы занимались ознакомлением с чертежами и своими возможностями. Одновременно мы знакомились

с другом, а начальство расставляло нас по местам.

В Янгиабаде, в рудоуправлении, разместили конструкторское и технологическое бюро, с чисто исследовательскими функциями, там же расположились и руководители. На Перевалке, при заводе, определили конструкторское бюро, по оснастке производства и технологический отдел, для разработки техпроцессов обработки изделий, а также руководство самим производством. Работы пока практически не было, зато мы, иногородние ангренцы, впервые смогли воспользоваться преимуществами секретного предприятия, а именно «столом заказов». В эти годы, уже незадолго перед развалом СССР, снабжение работников предприятий и населения закрытого города Янгиабада, заметно ухудшилось и дефицитные товары, уже не лежали в свободной продаже, а распределялись среди работников, по определённому лимиту. Раз в неделю, нам давали списки продуктов, которые мы могли себе заказать в ограниченном количестве и которые потом, нами выкупались, по получении их со складов. В эти списки входили, к примеру: сгущённое молоко, гречка, мясо, тушенка, осетровые рыбы, конфеты, печенье и пряники, кофе растворимый, спиртные напитки, мандарины или апельсины и ещё что-то, отсутствующее в обычных магазинах. Кроме этого, распределялись и промтовары – холодильники, стиральные машинки и т.п. Я сразу же почувствовал себя крутым парнем, принадлежащим к особой касте. Позже

мне удалось купить для себя, для тещи и сестры стиральные машинки «Малютка» и ещё что-то, чего не найдёшь в домах обычных граждан. Ну и конечно, питание дома – дефицитная гречка с колбасой сервилатом, сгущёнка для детей и т.д. А на работе, в обеденный перерыв, нас возили в столовую, где за очень небольшие деньги, можно было покушать по-человечески, очень вкусно, почти по-домашнему. Наконец, от конструкторов стали поступать кое какие разработки и рекомендации. Начальство определило некоторый перечень деталей для изготовления. Сверстали какой никакой план, заказали недостающие станки и начали реконструкцию старых мастерских. Я нарисовал план расстановки оборудования и станков, которые начали, тут же, устанавливать и проводить пробные работы. Самое смешное было в том, что заказываемые станки, были последних моделей, автоматы с системой ЧПУ – числовой программой управления, но, в числе наших работяг, не было ни одного, кто имел опыт работы на этих станках. Поэтому программное управление со станков выдиралось и выкидывалось, превращая станки в обыкновенные. Рабочие потихоньку выдавали продукцию, мы – технологи, разрабатывали техпроцесс, конструктора проектировали приспособления, плановики утверждали план, снабженцы добывали материалы, то есть дело стонулось с мёртвой точки. Пришлось правда, на некоторое время, приостановить производство, как и все другие предприятия в Узбекистане. По традиции, в сентябре и октябре, большинство работни-

ков вывезли на сбор хлопка, меня в том числе. Месяц мы жили в кишлаках, собирая хлопок, а те, кто остался, выезжали по выходным, нам на помощь. И, только в конце ноября работа возобновилась. Наш завод никак не мог остановиться на чём-то конкретном. Всё, за что мы брались, оказывалось слишком затратным, нерентабельным. К тому же, помощь из Москвы, не приходила. Система в СССР агонизировала. Гонка вооружений, изматывающая советскую промышленность, разорительная помощь развивающимся странам и странам социалистического лагеря, подточила экономическую основу, а внутренняя неразбериха и чехарда в правительстве, в котором отдельные лица, подкармливаемые западом, изо всех сил расшатывали устои государства. Рвались старые производственные связи, некоторые предприятия начинали буксовать, их продукция, не находила спроса. В стране стала ощущаться нехватка наличных средств, особенно валюты, источником которой являлись полезные ископаемые. Нефть на мировом рынке, обесценилась, не без помощи наших американских друзей, что очень сильно ударило по экономике. Правительства союзных республик не нашли более удобного способа успокоить начинающее волноваться население, как обвинить во всех бедах русских. Правда, это делалось негласно, но русские, проживающие в других республиках, почувствовали на своей шкуре, закипающую злость аборигенов. В чём проявлялась эта политика? Во-первых, стало очень распространённым явлением, нападе-

ния на русских, как физические, так и политические. Очень часто, на русских нападали, избивали, даже убивали, а уж скандалов было море. Правоохранительные органы спускали подобные преступления на тормозах, часто обвиняя в нарушениях, именно русских. А местные от наказаний уходили. Это развязывало руки различным негодьям, поощряло их. Как пример политических нападков, стала статья в узбекскоязычной газете, о нашем заводе. Автор негодовал по поводу того, что работниками завода и СНИИП набрали только русских. Это в самом деле было фактом, но это была вынужденная мера. При приёме на работу, с кандидатами проводились беседы на предмет их грамотности, умения работать с чертежами, наличие стажа работы на соответствующих профессиях – как раз то, чего не было у местных. Чтобы замять дело, пришлось принять на работу несколько узбеков, в основном уборщицами, кладовщиками и т.п., то есть на работу, не требующую особого профессионализма. Таким же образом, в печати подняли вопрос о свинофермах в мусульманской республике. В Ангрене пришлось ликвидировать свиноферму, как и в некоторых других городах.

Стало опасно ходить в одиночку по городу – вполне можно было нарваться на хулиганов, из числа узбеков, разгуливающих по городу группами. Это была местная молодёжь, которым некуда было пристроиться. У моего сына, узбеки отобрали велосипед. У тёщи в кафе, где она работала, узбеки избивали русских парней, отбивая у

них девушек и потом могли их увести и сделать с ними что угодно. Бывали случаи пострашней. На племянницу моего знакомого, которая с подружкой зашла в магазин, напали несколько молодых узбеков и девчонки, которым было всего по 13 лет, спасаясь от них, бросились в протекающую недалеко от этого места реку, Дукент сай, которая по причине весеннего разлива, стала многоводной и попытались переплыть её. Одна девочка переплыла, а племянница друга утонула. Узбеки скрылись и никого найти из них не удалось. Да их и не искали. Я присутствовал на похоронах этой девочки. Особенно страшный случай произошёл с нашей соседкой, 14-ти летней девочкой Верой. Она, однажды пошла на дачу, которая находилась за городом. Возвращаясь с дачи, она подверглась нападению молодых узбеков. Убегая от них, она пыталась скрыться в будке сторожа завода ЖБИ, но он, испугавшись толпы озверевших парней, не пустил её к себе. Веру схватили и уволокли в кишлак, где насиловали её, в продолжении нескольких дней, держа её на цепи на крыше одного из домов, пока она не умерла от голода, жажды и издевательств. Веру нашли, но о том, что кого-либо наказали за это, я не слышал. Принимались законы, в соответствии с которыми, на должности руководителей любых рангов, мог назначаться человек знающий два языка, русский и местный, что практически закрывало русским карьерный рост. Многие русскоязычные начали искать

пути трудоустройства и переезда в Россию или на Родину предков. Узбекистан принял, во-время и после войны, миллионы переселенцев из других республик. И хотя, среди них были люди множества национальностей, но их роднил общий русский язык. Самыми первыми, массово пострадали месхетинские турки. Это были этнические турки с юга Грузии, переселённые в Узбекистан, из боязни вступления в войну Турции. Во многом, схожие с узбеками и говорящими на сходном языке, они селились в сельских районах и занимались в основном, хлопководством. Не понятно, почему именно на них обратили свой гнев узбеки, но факт имел место. Последовали драки, переросшие в резню. В дело вступила армия. Но защитить турок не удалось. Узбеки настолько рьяно нападали на них, что правительство СССР приняло решение о массовом переселении турок на юг России, в Воронежскую и Белгородскую области, где те и поселились. Русскоязычных, выдавливали более мирными методами, но это было очень заметно, и мы чувствовали себя крайне некомфортно. Все, кто имел возможность, начали перебираться в Россию. Сначала это были руководители предприятий и классные специалисты, потом и все остальные, кто имел родственников или мог найти работу. Узбекские власти, прилагали все усилия, чтобы затруднить выезд, вынудить людей давать взятки за выписку и заказ контейнеров, что заставляло людей бросать имущество и уезжать налегке. А СССР уже трещал

по швам. Начали расти цены на товары и услуги. Деньги обесценивались стремительно. В августе 1991 года, группа высших руководителей государства и партии, в попытке остановить развал союза, попытались устранить с поста президента и генерального секретаря КПСС, Горбачёва. Эта попытка была названа августовским путчем. Попытка провалилась, по моему мнению, из-за нерешительных действий её участников. Они не решились привлечь армию и действовали больше уговорами. Противников переворота возглавил Ельцин Б.К. Своей активностью и личным участием он добился больших успехов в повышении своего авторитета среди простого народа, ещё не понимавшего, куда их влечёт новая власть. Путч провалился. Участников путча арестовали. Кое-кто из генералов путчистов покончил с собой. Но, как оказалось, держали их не слишком долго и вскоре выпустили на свободу. Зато Ельцин купался в славе. Его выбрали президентом России, тогда как Горбачёв, на короткое время, стал первым и последним президентом СССР. А вот авторитет Горбачёва заметно упал. Ельцин чуть ли не выгонял последнего из Кремля, где размещался и его кабинет. В таких условиях, я вновь сменил место работы. На этот раз, случилось следующее – я встретил брата своего одноклассника, Соколова Николая и разговорившись с ним, узнал, что в объединении «Средазуголь» образовалось новое подразделение, т.н. «Совместное, Узбекско-Испанское предприятие, по добыче и переработке каолина, Берёзка

–Азия». Во главе предприятия, чисто номинально, стоял сам генеральный директор объединения. Уже набрали штат рабочих, служащих и требовался замдиректора по производству. Я вполне подходил на эту должность, а сам Соколов работал там водителем главного механика. Я отправился в контору предприятия и узнал, что главным механиком там, является, знакомый мне по работе в разрезе Максим Ли, который поддержал мою кандидатуру перед начальником и я был принят незамедлительно. Мой новый оклад, превышал предыдущий, более, чем в 10 раз. Как и в прошлом, вновь пришлось принять сражение с руководством СНИИП, которое не хотело отпускать меня. Мне даже предложили увеличить зарплату вдвое, до 1000 рублей в месяц, но это нисколько не устроило меня с моим новым окладом в четыре тысячи рублей, суммой гораздо большей, чем получал директор СНИИП. Как раз, в последний год моей работы на приборном заводе, я был избран секретарём партийной организации. По устоявшимся в те времена правилам, эта должность считалась второй по значению, на любом предприятии СССР. Должность, почётная и перспективная, дававшая возможность быстрого роста по карьерной лестнице, при соответствующем подходе к исполнению своих обязанностей. Как я уже говорил ранее, в прошлом мне не позволили даже стать инструктором горкома партии, но времена изменились. КГБ уже потеряло свою власть и едва удерживалось на плаву. А КПСС,

при попустительстве Горбачёва и с лёгкой руки Ельцина, стремительно теряло популярность и значение. Сам Ельцин, только что, демонстративно вышел из рядов партии, бросив свой партбилет на стол бюро ЦК КПСС. Мне довелось застать тот ужасный период, когда коммунисты массово сдавали свои партбилеты и выходили из рядов партии. Ситуация была непредсказуемая. Миллионы партийцев, не решившиеся порвать с членством в партии, не знали куда сдавать партийные взносы, поскольку почти все руководящие органы уже были разогнаны и последнюю сумму взносов, я был вынужден раздать обратно. Некоторые отказывались принимать эти деньги. Но, тем не менее, к моменту моего увольнения, КПСС практически не существовало. Все документы парторганизации, я закопал на своём дачном участке, где они уже, наверное, сгнили. Должен заметить, что свой партбилет я никому не собирался отдавать и до конца своих дней, решил хранить его при себе, считая, что идеи КПСС были правильными и только развал СССР и деградация тогдашнего руководства партии, вызвало почти полное её уничтожение. Я прибыл на новое место работы, которое располагалось в районе т.н. «Перевалки». Это название, местность получила по той причине, что ранее, в 50-е и начале 60-х годов, в этом месте находилась перевалочная база складирования, добываемой в Янгиабаде урановой руды, откуда её перегружали в ж.д составы и увозили дальше. Здесь же располагались

склады продовольствия и товаров народного потребления, для обеспечения населения того же Янгиабада. В 70-е годы здесь остались незначительные остатки пром и продтоваров, а также некоторое количество обслуживающих эти склады работников. Там же располагалась автобаза и приборный завод, который я только что оставил. Наибольшей популярностью пользовалась здесь столовая, где по старой памяти, отлично готовили и куда пообедать, приезжали не только местные работники, а и, в массовом порядке, привозимые сюда рабочие многих других ангренских предприятий. Наше предприятие разместилось на самом краю Перевалки. С севера мы граничили с городским кладбищем, с запада карьером глинозёма, на востоке проходила автодорога в Коканд, с юга не было ничего. Я познакомился с конторским составом – бухгалтером, директором, секретарём и водителем директора. Предприятие должно было заниматься размельчением каолина, добываемого на угольном разрезе, который, кстати, являлся попутным продуктом добычи угля и в основном, выбрасывался на отвалы, в количестве до 5 млн. тонн в год, совершенно не находя применения в народном хозяйстве, за исключением нескольких тысяч тонн, используемых местным керамическим комбинатом. Полученный продукт мы должны были направлять на керамические комбинаты в другие города. Предприятие, по идее, должно было

принадлежать на равных паях Испании и Узбекистану, но пока ещё, это решение не вошло в силу. Мало того, пока ещё мы не начали получать каолин, то 25 работников предприятия были заняты изготовлением передвижных саней с опорами под высоковольтные провода. Мне, как замдиректора, практически было нечем заняться. Таким образом, мы протянули пару месяцев и, наконец, нам начали везти каолин. У нас была дробилка, два экскаватора, огромный бульдозер ДТ 300 и промежуточная площадка для каолина. Каолин дробили и насыпали в кучу. Наконец куча выросла до необходимого размера, и мы запросили полувагоны, для отгрузки. Полувагоны пришли. Это было грустное зрелище – борта повывломаны, в полу громадные дыры. Пришлось закрывать дыры подручными средствами – досками, камнями, бумагой и т.п. Загрузили каолин и повезли на станцию сортировки. При взвешивании обнаружился значительный перевес. Вместо 40 тонн, в вагонах оказалось по 60 и более, тонн. Директор побежал к диспетчеру, тот послал к машинисту грейфера. Загнали вагоны на запасной путь и грейфером выгрузили лишнее. Никто не хотел работать бесплатно. Пришлось и диспетчера, и машиниста грейфера, принять на работу на полставки, нелегально. Позже, на полставки приняли и диспетчера погрузочно- транспортного управления, чтобы нам присылали годные вагоны. Таким образом, с громадным скрипом, дело сдвинулось с мёртвой точки. Но нас

поджидали и другие подводные камни, вызванные развалом страны и промышленности, а также рождённой этими явлениями, массовой коррупцией и воровством всех, кто только мог этим воспользоваться. Наш бульдозер ДТ300 не мог работать без солярки, а её требовалось ему много. А вот поставлять её нам, как и газ пропан, для сварочных работ, а также сварочных электродов, никто не торопился. Вот и приходилось выкручиваться. Солярку удалось покупать за наличный расчёт у машинистов тепловозов. Пропан нам привозили на газовозах и скачивали нам, в убыток городским сетям, снабжавших горожан, по знакомству. В результате, у горожан в квартирных плитах, газ едва горел и его хватало на неделю, вместо месяца. А сварочные электроды, мы готовили сами, используя арматурную проволоку, обмазанную жидким стеклом. Цены на товары, росли неумолимо, зарплата за этим ростом не поспевала. Народ роптал, но его никто не слушал. В СССР провели референдум, на котором ставился вопрос о желании людей сохранить страну. Результаты были впечатляющими – более 90 % населения, проголосовали за сохранение СССР. Однако, безвольный Горбачёв, практически лишённый власти, к тому же, потерявший авторитет своей нелепой, внутренней политикой и соглашательством с Западом, пошёл на поводу у республиканских руководителей, позволив им начать автономизацию своих регионов, под предлогом освобождения от коммунистической

диктатуры. Запад аплодировал Горбачёву, называя его строителем новой демократии. И наконец, настал день, начавший процесс, названный впоследствии «Парадом независимости». Сначала прибалтийские, а потом, по очереди, все остальные республики, заявили о своей независимости и объявили свои республики новыми государствами. Президентами, как и ожидалось, стали бывшие, первые секретари центральных комитетов этих республик. Узбекистан стал независимым государством и в нём, срочно ввели свою валюту – «Сум». Его приравнивали рублю, но он быстро обесценился и продолжал падать в цене. Началась, совершенная неразбериха с ценами и зарплатами. Все рублёвые сбережения граждан в сберкассах, моментально обесценились. Я, к своему сожалению, потерял 500 рублей вклада, положенного на детей. Но были ещё неудобные моменты. Новое правительство Узбекистана постановило: – всех бывших осуждённых по «Хлопковому делу», считать безвинно пострадавшими, а бывшего первого секретаря Рашидова вообще считать героем. Я с матерью, начали опасаться, что её реабилитация, как несправедливо осуждённой при Рашидове, может быть пересмотрена и поэтому, приняли решение немедленно перебираться в Россию. Встал вопрос – куда ехать? Решили, что лучше всего перебираться в южные районы России, Воронежскую или Белгородскую области, поскольку там всё-таки теплее и климат ближе к узбекскому. Мать продала свой, 5-ти

комнатный дом, давно уже добивавшемся этого, районному судье за миллион рублей. Сумма в то время, показалась нам огромной, но, как оказалось позднее, мы жестоко ошиблись. Падение рубля превратило этот миллион, через короткий срок в ничто. Мы должны были продавать дом за доллары, но мы конечно не догадались. Я взял отпуск, и мы с матерью поехали в Воронеж. С нами отправились материны знакомые – чета пенсионеров. Конечно же, мы предварительно списались с некоторыми своими знакомыми, уже уехавшими в том же направлении и получили от них обещание, принять нас, на короткое время и оказать возможную помощь. Выехали в октябре. У нас в это время ещё стояла достаточно тёплая погода и я, никогда ранее не бывавший в России осенью, и понятия не имевшим о российских морозах, не взял с собой даже головного убора. И вот мы уже пересекли границу Казахстана и въехали в Россию. В пути мы вели беседы с ехавшими с нами в вагоне, беженцами. Большинство выехавших, уверяли нас, что в Воронежскую и Белгородскую область нет смысла селиться, поскольку в эти области направлен поток русских, покидающих кавказские республики. Поверив этим рассказам, мы решили выйти в Сызрани и попытаться найти убежище в Пензенской области, что и сделали. Однако нам необходимо было где-то остановиться. У матери и у её подруги, как оказалось, имелись знакомые, недавно уехавшие из Ташкента и обосновавшиеся в городе Чаадаевка, этой области. Туда мы

и направились. Нашли этих знакомых. Это были казанские татары, которые в Ташкенте жили по соседству. Они нас поселили в пустой избе, где имелась всего одна комната. Посредине комнаты располагалась деревянная тахта, на которой мы и легли спать, вчетвером. Поутру, мы на электричке выехали в Пензу. Посетили горисполком и имели беседу с заместителем председателя. Надо сказать, что тот принял нас достаточно приветливо, расспросил нас о наших специальностях, но, к его сожалению, из нас четверых, только я ещё был трудоспособен. Пообещал рассмотреть возможности нашего устройства и попросил приходить позже. Мы вернулись обратно уже вечером. Вновь переночевали и утром поехали в город Кузнецк, где ситуация повторилась. Сходили мы в горисполком и в самой Чаадаевке, но нам было нечего предложить. Я бродил по городу, наведываясь в различные учреждения, в поисках работы, но всюду встречал отказ. Как назло, неожиданно выпал снег. Температура упала до минус 5-6 градусов. В тот день, мы с матерью, вернулись домой с совершенно мокрыми туфлями и поставили их сушиться на печку. К утру нас ожидало неприятное зрелище – материны туфли развалились, не выдержав перепадов температур. Мои, к счастью, остались целы. Полдня ушло на поиски туфель. В магазинах практически не было товаров, а базар, в будний день, не работал. Кое как нашли какие-то туфли и мать переобулась. На обед и

ужин мы ходили к нашим знакомым, которые жили в снимаемом ими доме втроем. Наша знакомая с мужем и их дочь, примерно лет тридцати с небольшим. Я заметил, что в городе преобладают казанские татары. В поисках продаваемого жилья, мне неоднократно жаловались хозяева домовладений, что татары моментально перекупают все предлагаемые дома, а затем, выдавливают, остающихся по соседству русских. Я даже затрудняюсь объяснить причину массового переселения татар из своей республики в соседние области – Ульяновскую, Пензенскую, Саратовскую. С появлением татар, в каких-либо городах этих областей, в них значительно увеличивался уровень преступности, а когда татар становилось много, то жившим там русским, становилось очень неудобно. Русские, непривыкшие в случаях агрессии к объединению и действующие обычно в одиночку, постоянно были биты татарами, действующими толпой. В конечном итоге, русская молодёжь, да и люди более зрелого возраста, боялась по вечерам выходить на улицу. Часто такое положение вынуждало людей продавать дома и уезжать подальше, чего татары и добивались. Кстати, у дочери наших хозяев, имелся любовник, мужчина примерно моего возраста, по кличке «Бешеный». Как-то раз, он пришёл к ней и застал нас. Видимо заревновав, он позвал меня на улицу, якобы, помочь ему что-то принести. Вытащил пистолет и начал расспрашивать меня о причине моего присутствия в этом доме. Как ни странно,

но я совершенно не испугался, ни пистолета, ни его угроз. Видимо, это его озадачило и он, выслушав мои объяснения, ушёл восвояси. Всё это, в конечном итоге, мне не понравилось, и я решил обратить свой взор на Рязанскую область. Ещё в Ангрена, я знал, что многие ангренцы, особенно работники разреза, переезжают в город Касимов, где имеются несколько карьеров, по добыче известняка и камня. К тому времени, туда переселились многие знакомые мне люди, в том числе и упоминавшийся мной ранее, Соколов Николай, устроившийся там машинистом экскаватора. Там же, уже жили и некоторые другие наши друзья из Ангрена. Я оставил пока мать в Чаадаевке и поехал в Касимов. Помню, что, доехав до города Шилово, я сошёл там и на автобусе добрался до посёлка Лашма, Касимовского района, где жила одноклассница моей жены Людмила с мужем Михаилом. Уже наступил вечер и я, по темноте, расспрашивая прохожих, кое как нашёл дом, который они, временно, снимали. Было холодно, шёл снег, и я настолько устал от всех этих приключений, что ввалился к ним, не обращая внимания на их пса, громадного Ризеншнауцера, который встал, упираясь мне на грудь, но не тронул. Переночевав у них, я поутру поехал в Касимов, в управление карьерами. Я знал, что там, в должности главного инженера, работает лично мне знакомый, бывший механик ангренского разреза, Лебедев. Я зашёл к нему в кабинет и попросил найти мне какую – либо работу. Конечно, сразу же он не был

готов мне что-то предложить, но попросил наведаться позже. Я вернулся в Лашму и с Михаилом и его другом Игорем, начали решать мою судьбу. У них была куча проектов, исполнимых и фантастичных, которые мы обсуждали. Сами они, в настоящее время нигде не работали, обживаясь. Семейство Игоря, снимали два дома – родители с дочкой и сам Игорь. У Михаила, тоже был съёмный дом, притом уже не первый. Обе семьи начали строительство собственного жилья на границе посёлка, практически на берегу Оки. В посёлке проживали ещё несколько семей беженцев из Узбекистана и других республик. Сам посёлок Лашма, назывался рабочим посёлком, по причине нахождения в нём достаточно развитой инфраструктуры. Во-первых, здесь имелись три, достаточно крупных предприятия. Это были: Известковый карьер, завод известковой муки, где эту известь измельчали и чугунно-литейный завод. Была там также больница, цех распиловки брёвен, автобаза. Сам посёлок состоял из слившихся в одно целое, трёх деревень Лашма, Курман и Акишино. Все названия имели мордовские топонимы, напоминая о бывшем угро- финском, историческом прошлом этих мест. Местность была чрезвычайно живописна. Посёлок протянулся вдоль старого русла Оки, в течении времени, превратившемся в большую старицу, названную здесь затоном и представлявшим из себя, как бы аппендикс, длиной около 4-х км, соединяющийся с Окой, протекавшей параллельно. С другой

стороны, стоял лес, принадлежавший к массиву, знаменитых мещерских лесов, соседствующих с не менее знаменитыми, муромскими лесами. Леса, с заповедниками, с наличием кое-какого количества, до сих пор не уничтоженного зверья. Как мне сообщили мои друзья, в посёлке имелись дома, которые можно было купить не дорого. В первую очередь, два, подлежащих закрытию, магазинчика, которые мы осмотрели на следующий день. Оба располагались в Акишино. Первый представлял из себя помещение, больше похожее на сарай из кирпича, расположенный в микрорайоне, при известковом карьере, среди трёхэтажных домов, а второй, рядом с чугунно литейным заводом и поселковой больницей. Это здание оказалось обычной избой – пятистенкой, по легенде, построенной перед самой войной председателем сельсовета, который практически не успел пожить в доме, арестованный по чьему-то доносу, как враг народа и сгинувший в лагерях. В этом доме, устроили продмаг, который ещё еле теплился, продавая в основном хлеб и крупы, но уже готовившийся к закрытию. Этот дом мне понравился гораздо больше и я, остановил свой выбор именно на нём. Как раз подъехала и моя мать из Пензы. Все мы расположились у Михаила с Людой. С матерью мы отправились в Касимов, в райпотребсоюз, в ведении которого находились магазины в Лашме. Председателем там, оказался молодой человек, с предпринимательской хваткой. Он предложил купить приглянувшийся нам дом,

за 185 тысяч рублей, но с уплатой взятки в 250 тысяч. Мы согласились, предварительно. Председателю в качестве аванса выдали 100 тысяч рублей. Договорились начать вселение сразу по моменту закрытия и освобождения магазина от остатков товаров. После этого, мы ещё пару дней жили в Лашме, строя планы на будущее. С друзьями я договорился о приобретении для меня циркулярной пилы и мини трактора, если такая возможность появится в моём отсутствии. Я с матерью оставили у Михаила, оставшиеся у нас полмиллиона рублей на хранение, которые, в нашем присутствии, были зарыты в стеклянной банке в подвале их дома. На этом мы распрощались и разъехались, я в Ангрэн, а мать в Барабинск, договорившись, встретиться в апреле следующего года. Как выяснилось позже, Михаил с Людой, недолго думая, тут же выкопали банку с деньгами и положили эти деньги на депозитный счёт в сбербанк. Сами мы о такой возможности не подозревали. Я вернулся в Ангрэн и продолжил работать. Качество жизни продолжало ухудшаться. Теперь мы жили в независимой республике Узбекистан. По установленному порядку, все руководящие посты, полностью перешли к национальным кадрам. Русским ничего не оставалось делать, как работать на рядовых должностях. Даже евреи, до того занимавшие руководящие посты на многих предприятиях, вынуждены были уйти. Их кабинеты, занимали самодовольные представители коренной национальности, часто, по

протекции из Ташкента. Однако, некомпетентность нового руководства, очень быстро показало свои плоды. На недавно пущенной в эксплуатацию Новоангренской ГРЭС, в связи с недостатком кадров, уехавших в Россию и недосмотру вновь назначенных мастеров, произошла крупная авария – сгорел один из 6-ти блоков, а остальные пришлось на некоторое время отключить. Сгоревший блок удалось запустить, через несколько лет. Резко упала добыча угля. В недалёком будущем, как мне сообщали, из-за недальновидного планирования преобладающего количества угля, при недостаточном освобождении его пластов от породы, образовалась аварийная ситуация, когда высота уступов превышала 50 метров и экскаваторы вычерпывали уголь из-под нависающих козырьков, угрожающих рухнуть и завалить технику. Начал сдавать позиции керамический комбинат и завод резинотехники, которые уже к 2000 году, вообще остановились и были ликвидированы. Похожая картина наблюдалась и на многих других предприятиях. Особенно анекдотичная картина, наблюдалась в министерстве обороны. Все генералы и большинство офицеров, выехали в Россию. Правительство Узбекистана, с трудом, создали собственную армию, срочно устроив переподготовку для выпускников педагогических ВУЗов, присвоив им звания от лейтенантов до капитанов. Зато имеющиеся офицерские кадры коренной национальности, были востребованы и смогли, совершенно неожиданно, вырасти в званиях и

должностях на 2-3 и более ступеней. Главкомандующим, стал бывший полковник, генералами, бывшие капитаны и майоры. В количественном отношении, армия примерно соответствовала 3-4 дивизиям. После вывода войск, в республике осталось более чем достаточно военной техники и вооружения. Я не берусь предсказать, как распорядились новые военные части этим оружием, но очень сомневаюсь, что оно, в случае конфликта, с кем бы то ни было, будет использовано с толком. Выезд русскоязычного населения возрастал и правительство, наконец-то, сообразив, что, лишившись профессиональных рабочих, будет весьма сложно поддержать на плаву имеющиеся предприятия и, тем более, организовать новые. Стало чрезвычайно трудно, выписаться с места жительства, особенно в связи с выездом в Россию. Практически невозможно стало, продать свою квартиру или дом. Узбеки, прямо говорили – уезжайте, всё ваше останется нам бесплатно. Чтобы получить контейнер для погрузки своих пожитков, надо было дать взятку. Также взятка, требовалась таможенной службе, за разрешение этот контейнер, отправить. Мы взяли 5-ти тонный контейнер, загрузили его и отправили на ж.д. станцию. В назначенный день я и ещё два десятка отправителей, собрались у своих контейнеров, чтобы предъявить их к осмотру таможенникам, на предмет недопущения к отправке запрещённых предметов. Я решил, что ни за что не буду давать взятку, поскольку, ничего

запрещённого к перевозке, у меня не было. Вскоре к контейнерам подъехал автомобиль с таможенником. Из машины вышел парень лет 25 и начал обход контейнеров, перед которыми стояли их хозяева, готовые ответить на вопросы или показать содержимое. В автомобиле же, продолжал оставаться сам таможенный чиновник. Я уже успел спросить у знающих людей о размере взятки, а также о том, что без таковой, контейнер не отправят. Я заметил, что парень, осматривающий контейнера, довольно быстро продвигался среди контейнеров, даже не пытаясь осмотреть их содержимое. Наконец он подошёл ко мне и вопросительно поглядел на меня. Я показал на открытую дверь контейнера, приглашая его убедиться в отсутствии запрещённого. Минуту постояв, парень осмотрел вещи, лежащие впереди и попросил вытащить их, чтобы посмотреть следующий ряд. Я вынул их. Парень посмотрел следующий ряд и попросил вынуть ещё часть предметов. Я опять освободил место. Наконец я понял, что он просто хочет заставить меня вынуть все пять тонн, уложенного нами аккуратно, груза, который потом мне придётся в спешке, засовывать обратно. Смирившись с необходимостью, я предложил ему деньги, на что парень, улыбнувшись, снисходительно согласился. Что показательно, он не трогал деньги руками, заставляя класть их ему, непосредственно в карман. По-видимому, таможня опасалась проверок, а в данном случае, принимающий деньги, вообще не имел к таможне никакого отношения и,

в случае чего, мог бы отказаться от принимаемых денег. После сбора всех денег, парень отнёс их в автомобиль и затем, милостиво позволил присутствующим, закрыть двери контейнеров, после чего таможенник вышел и запечатал двери своей печатью. Кроме меня, никто не пытался отказаться от взятки и также, ни у кого не было проведено проверки контейнеров. По сути можно было в контейнерах вывозить что угодно, хоть самого президента, лишь бы была уплачена, соответствующая мзда. Позднее, посоветовавшись, мы приняли решение, что первым в Россию уеду я, с младшим сыном Димой. После того, как я смогу достаточно прочно обустроиться на месте, ко мне выедут Оля с Мишей. Я рассчитался на работе и купил билеты на 4 апреля 1993 года. Собрав чемоданы, мы с Димой и отцом, приехали на вокзал, где отец проводил нас в путь. Я из вагона видел, что он плачет, но что поделаешь, жизнь заставляет! В Ташкенте, мы пересели в поезд Ташкент – Москва и через трое суток, ночью, сошли на станции Шилово, Рязанской области. Зашли в здание вокзала и уселись там, ожидая утра. Через пару часов, к нам подошёл какой-то мужчина и спросил нас, куда мы едем. Как оказалось, он ехал в Касимов и искал попутчиков. Я уже не помню, какую сумму он запросил, но она, оказалась не очень высокой, и я согласился ехать с ним. По дороге, я уговорил его довести нас до самой Лашмы, добавив ещё немного денег. И вот мы с Димой у нашего дома. Мать встретила нас, с чувством

огромного облегчения, признавшись, что уже вообще потеряла надежду, нас дождаться. Здесь я должен немного отступить назад и рассказать кое какие подробности, покупки дома. Оказывается, мать, не дождавшись апреля, уже в январе, вернулась в Лашму и закончила операцию с покупкой дома. При этом, действуя своими методами, она вывела начальника Касимовского ОРСа, на чистую воду, сдав его с потрохами в милицию, поймав на взятке. Таким образом, дом достался нам за, уже условленную цену, в 180 тысяч рублей, потеряв только, уплаченную ранее, часть взятки в 40 тысяч рублей. У нас оставалось, с учётом всех расходов, около полумиллиона рублей, которые, из-за стремительной инфляции, обесценились до размера 400 долларов. С ценами в России происходила форменная чехарда. Рубль стремительно падал, люди не успевали определять новые цены на товары, которых в России стало не хватать. Многие люди взялись за торговлю, а точнее спекуляцию. Повсюду открылись вещевые рынки, самые большие в Москве. Люди скупали оптом товары в Москве, где главный рынок действовал на стадионе Черкизово, куда их свозили из Польши, Прибалтики, Турции и т.д. и продавали потом у себя с наценкой. Вплоть до 2000 года, эта профессия, стала одной из самых престижных и распространённых в России. Казалось, что весь народ ухватив весьма примечательные, как раз для переноски товаров предназначенные, огромные клетчатые

сумки, ринулся в ближайшее зарубежье, скупать все бытовые товары, по большей части одежду, чтобы потом, с выгодой, продать их на родине тем, кто ещё имел какую-либо работу. А с работой становилось всё хуже. В Лашме, ещё продолжали функционировать, все три, уже описанных мною выше, предприятия. Я попытался устроиться на одно из них, но мест не было. Кроме того, нам необходимо было ещё оформить дом и привести его в жилой вид. С оформлением дома, нам с матерью, пришлось много раз съездить в Касимов, в ОРС, Горисполком, отдел архитектуры и т.д. посетить множество чиновников разного ранга. Со скрипом, оформление, в течении, наверное, 2-х или 3-х месяцев, кое-как, удалось закончить. Большую проблему обеспечила нам планировка, нашего домовладения. Дом располагался в бывшей деревне Акишино, почти на границе с собственно Лашмой. Акишино начиналось с территории поликлиники и местной больницы. Далее стояли жилые дома, на трёх улицах посёлка. Одна улица была главной, переходя в дорогу на Касимов, а начинаясь от здания управления, Акишинского известкового карьера и расположенного тут же, маленького микрорайона из 3-х этажных домов, для его работников. Второй, была улица Свердлова, на которой и стоял наш дом, а следующей улицей, вдоль старицы Оки, на протяжении всей Лашмы, улица Набережная. Наш дом имел № 3 и соседями мы имели, в №1 старушку пенсионерку, а №5 двух супругов, также пенсионеров,

имеющих жительство в Москве и приезжающих в Лашму, с апреля до октября. Ниже нашего дома, располагалась аптека и местные жители, привыкли ходить туда через территорию нашего дома, не имеющего ограждения, что безусловно, не могло нам понравиться. Я самолично начертил план нашего участка, причём границы его раздвинул насколько можно шире и представил этот план в отдел архитектуры и бюро технической инвентаризации. План им понравился и поскольку, рисовать этот план самим им не хватало времени, то он был согласован и утверждён нужными печатями. Имея план участка, встала задача, построить ограждение. Как раз подвернулся случай – местный лесничий, предложил мне провести, так называемое «осветление» участка леса, что означало вырубку засорявших лес молодых, диаметром ствола не более 10 см, лиственных деревьев, берёз, осин и т.п. В качестве оплаты, я мог забрать себе стволы этих деревьев. Я и решил изготовить из этих стволов жерди для ограждения. Чтобы перевести стволы срубленных деревьев, я сговорился с водителем КраЗа, работающего на карьере. Утром он привёз меня на участок, где я в течении рабочего дня, срубил и освободил от сучьев около 700 стволов. К вечеру, водитель забрал меня с уже готовыми жердями и отвёз домой. Половину жердей я отдал ему. Пошарив по окрестностям, я нашёл и притащил домой, приличное количество алюминиевой проволоки и за пару дней, обнёс наш участок забором из жердей,

высотой примерно 2 м, скреплённых проволокой, при этом перекрыв проход к аптеке. К аптеке можно было пройти по другой улице, между 5-м и 7-м домами, но народ возроптал. Сначала, несколько человек вызывали меня и требовали оставить проход, но мать была решительно против этого. Тогда к нам заявился депутат сельсовета и вполне откровенно, пообещал нам спалить наш дом, если мы не согласимся с требованиями населения. Хотя мать продолжала упорствовать, поскольку мы были в нашем праве, я всё –таки, освободил проход между нашим и первым домами, шириной, позволяющей проехать грузовику. Одновременно я приводил в порядок дом. Вынес всё оставшееся, брошенное продавцами имущество магазина, как-то – прилавки, витрины, кучи старых ящиков, мусор и т.п. Что интересно, сосед сообщил мне, что дом имеет подвал, на поверку оказавшийся до самого верху забитый мусором. Продавцы, чтобы себя не затруднять, сваливали мусор в подвал. Несколько дней потребовалось, чтобы освободить подвал, который оказался размером под весь дом и который я позже, привёл в порядок, но для жилья он оказался не приспособлен и мы, использовали его, как кладовую. На участке росли сосны, которые, как сообщили соседи, мы не имеем права срубить. Тем не менее, председатель горисполкома, у которого мы побывали на приёме, посоветовал нам валить эти деревья, не спрашивая никого. Деревья выросли здесь за последние

50 лет и имели в диаметре, в среднем, от 30 до 80 см. Вооружившись двуручной пилой, мы начали пилить. Я позже посчитал, что для спиливания дерева, в полметра диаметром, необходимо протянуть пилой туда и обратно до 600 раз, притом с немалым усилием. Матери было уже 74 года и конечно, она была для меня слабым подспорьем, и в дальнейшем я пилил один. Это был титанический труд и длился он, наверное, около 4 –х месяцев. Приходилось вдобавок обрубать сучья и укорачивать слишком длинные стволы, до размера 4-5 метров. Полученные брёвна я стаскивал в одну кучу, перед забором. Тогда-то я и совершенно надорвал свои руки и позвоночник, которые самым неприятным образом напомнили о себе через 20 лет. Всего собралось ровно 86 брёвен. Некоторое количество брёвен я использовал для постройки сарая и туалета. Занимались мы и благоустройством участка. Земля, в основном состояла из песка, поэтому, я заказал привести несколько Кразов хорошей земли. В качестве платы шла водка. Две бутылки за Краз. Вообще, в ту пору, в деревне, да и во всей России, самой распространённой валютой, слыла водка. Ею расплачивались за любые услуги, потому что рубль продолжал падать в цене. Мы провели водопровод в дом. К сожалению, из-за того, что наш дом стоял на высоком месте, то подаваемая от водонапорной башни вода, доходила до нас в последнюю очередь, чаще всего ночью. Подошёл июль месяц. Я продолжал дружить со

своими земляками – семьями Михаила и Игоря, несмотря на выходку Михаила Рассказова, наварившегося на мои деньги, процентами от депозита. Пришлось закрыть на это глаза, поскольку мне очень нужна была их помощь и советы. На мой день рождения 16 июля, Люда, жена Михаила, подарили мне трёх крольчих. В то время они держали большое хозяйство – корову, свиней, кур и кроликов. А у семьи Игоря и вовсе было 20 или 30 коров, взятых на откорм. Я съездил в Касимов на базар и приобрёл там роскошного, чёрно-бурого, кролика самца. Пришлось из бутылочных ящиков, оставшихся мне от магазина, соорудить несколько клеток для кроликов, которые я расположил вокруг дома, к его стенам. Теперь приходилось собирать траву для их пропитания. Работы хватало, но моя мать, начала уговаривать меня идти работать. Я вновь начал искать работу в Касимове. Там было несколько серьёзных предприятий, которые я посетил. Для меня, работа, в принципе была, но я искал возможность получить какое бы то ни было жильё. И вот, на приборном заводе, мне предложили работу инженера-технолога, за совершенно смешную, по тем временам зарплату, в 17 тысяч рублей в месяц, что примерно соответствовало 20 долларам, но с возможностью получения через два года квартиры в строящемся доме. Это мне пообещали твёрдо, в чём мы и составили соглашение. Для временного жилья, мне предоставили комнату в общежитии, куда я

и отправился. Общага находилась недалеко от завода и представляла из себя 4-х этажное здание, в группе подобных. Вечером в комнате, собрались все мои квартиранты. Ими оказались два молодых парня, лет по 25 и, моего возраста, мужчина, занимавший должность заместителя начальника охраны завода. Пришлось раскошелиться и устроить «прописку». На «огонёк», заглянул сосед – пожилой мужчина, знакомый моих новых друзей. Пили они, не в пример мне, по-настоящему и, как оказалось, ежедневно. С утра, с больной головой отправился на работу. Мои друзья опохмелялись и предложили и мне, но я к такому, был совершенно не привычен. Однако таблетку анальгина пришлось принять. Проход на завод, был с пропусками, поскольку здесь разрабатывались детали к военной технике. Меня провели в наш отдел, где я познакомился с начальником отдела и с коллегами. Мне предоставили стол и кульман, выдали задание – разработать какое-то приспособление, для обработки детали. Мне пришлось посетить производство, чтобы ознакомиться с его технологией и выпускаемой продукцией. Я прошёлся по цехам, рассмотрел всё необходимое для себя и вернулся в отдел. Работа была достаточно привычная и знакомая. Я чертил, что-то обдумывал и предлагал руководству. В отделе работал конструктором, коллега по несчастью – беженец из Таджикистана. Он, до позапрошлого года, работал в Душанбе, в проектном институте, пока там не начались

боевые действия между различными группировками, в которых самыми пострадавшими оказались конечно русские. Он рассказал о том, как жители города организовывали отряды самообороны в русских кварталах, дежурили и даже были вынуждены, порой вступать в бои с бандитами, пытающимися поживиться за счёт жильцов. Подобное противостояние, вынудило большинство русскоязычных, в срочном порядке, покинуть республику. Ситуация в Таджикистане сложилась намного тяжелее, чем в других республиках СССР. По некоторым данным, появившимся гораздо позднее, в боях, там погибли несколько сот тысяч человек. Мой коллега, как и я, жил в общежитии с дочерью Полиной, ровесницей моего сына. Так прошло некоторое время, до первой зарплаты. Денег, которые я получил, едва хватало на еду. Наши с матерью деньги, уже были истрачены, и мы жили на пенсию матери и мою зарплату. У меня были единственные, белые брюки, дырки в которых я многократно зашивал. Одна пара туфель, пиджак, куртка. Практически, нечего было носить в школу моему сыну Диме. К тому же, он продолжал расти и его брюки стали слишком короткими для него. Было очень стыдно, но мы ничего не могли поделать. Нам повезло, в некоторой степени в том, что у Димы обнаружили проблемы с лёгкими и его удалось пристроить в детский санаторий в городе Солотча, примерно в 150 км от Касимова, куда он и уехал. На выходные, я приезжал в Лашму и занимался

домом и кроликами. Крольчихи принесли первый приплод, штук по 4-5 крольчат. Пришлось достраивать клетки вокруг дома, для подрастающего поколения. Рассаживать приходилось самцов, потому что они, жестоко дрались. Ну а самок я размещал вместе. Возвращаясь назад, я должен описать о получении мной автомобиля Опель кадет. Мой отец женился в конце 70-х на сестре моей тёщи, Елене Петровне Гаус, первый муж которой, имел в Германии брата, переехавшего туда ещё в 60-х годах. В начале 90-х, из России начался массовый исход немцев и евреев, воспользовавшихся открывшимся возможностями, в связи с объявленной Ельциным, демократией. Поток эмигрантов достигал в самые «урожайные» годы, сотен тысяч человек. Притом люди эти, были не самыми худшими гражданами бывшего СССР. Утекали за границу, трудолюбивые и добропорядочные немцы, талантливые и музыкальные евреи, а с ними их жёны или мужья, часто совсем не немцы, а большей частью русские, казахи и многие другие национальности, отказываясь от последних, в пользу немецкой или еврейской. По приглашению брата, первый муж Елены Петровны, выехал в Германию и тут же вызвал к себе своих детей, Валю и Люду с семьями. Они переехали туда в 1991 году. А уже в 1993 году, вызвали в гости свою мать Елену Петровну. Она поехала туда с моим отцом. Погостив там, они направились обратно своим ходом, на подаренном им автомобиле Опель кадет,

в сопровождении сыновей Люды, старшей дочери Елены Петровны. Отец известил меня об этом и назначил встречу в городе Бресте, на квартире младшего брата моего лучшего друга Соколова, Василия, который проживал в Бресте уже несколько лет. Я в то время ещё не работал, поэтому без проблем, выехал заранее в Брест и явился к Василию, который был очень рад мне, поскольку я привёз ему некоторую сумму денег, переданных ему его матерью. Я пару дней прожил в семье Василия, пока не приехали мой отец с Еленой Петровной. И надо было же случиться в тот день, пренеприятному событию! Мы с Василием, пошли на местный базар за продуктами и вдруг, я обнаружил, что в моём портмоне отсутствуют все мои деньги. Я не помню, сколько там было денег, но Василий, расспросив своих детей по поводу возможной кражи, в которой, они решительно отказались, предложил мне какие-то деньги, а я взял их, хотя позже, горько пожалел об этом. Василий и без того, едва перебивался с хлеба на квас, а я как раз, ещё имел кое-какие деньги в Лашме. Но дело в том, что в подобном случае, я бы поступил таким же образом. Рано утром следующего дня, мы выехали в Лашму, провожаемые недобрыми взглядами Васиной жены, да и он был не весел. И их можно было понять. Я так и не узнал, куда делись мои деньги, может быть я их потерял, а может в самом деле дети украли, но это осталось в прошлом. Мы ехали по отличному шоссе, на Москву. Проблемой стало отсутствие

бензина на заправках. Уже подъезжая к границе России, мы были вынуждены купить канистру бензина у местного спекулянта, аж, за 20 дойчмарок, что, наверное, раз в десять, превышало истинную цену бензина. Уже глубокой ночью я выехал на московскую кольцевую дорогу. Хотелось спать, и мы остановились на стоянке, приткнувшись к какому-то автофургону. Разбудил нас грохот. Автофургон уже не было, а снаружи, два каких-то бомжеватых типа, снимали с верхнего багажника машины, притороченные там вещи – четыре колеса и чемоданы с барахлом. Одно колесо упало и разбудило нас. Оба типа бросились бежать в разные стороны. Я выскочил из машины и погнался за одним из них, но потом остановился в нерешительности. А может этот тип ещё пырнёт меня ножом? Я вернулся к машине, и мы начали осматривать свои вещи. Недоставало двух колес, из четырёх и одного чемодана с вещами. Мы поискали свои вещи вокруг автомобиля, но ничего не нашли и поехали дальше. К обеду приехали в Лашму. Мать конечно, встретила отца с Еленой Петровной не очень приветливо и это понятно. Два дня отец жил с нами. Мы с ним ездили в ГАИ, где пытались оформить машину, но нам посоветовали попросту взять у нотариуса доверенность на меня, что мы и сделали, заплатив приличную сумму. Заодно, купили билет на поезд до Ташкента, из Сасово. Поезд Москва-Ташкент, должен был приехать в Сасово вечером. На следующий день я повёз отца в Сасово. С нами поехал ещё

один брат Соколова, Николай. Он работал на Акишинском карьере, машинистом экскаватора и собрался съездить в отпуск в Ангрэн. Поезд, по каким-то причинам, опоздал на 5 или 6 часов, и я поехал домой уже утром. Отец, с Еленой Петровной, без приключений, добрались до дома. Теперь у меня появилась машина. Это было очень хорошим подспорьем в хозяйстве. На ней я ездил за травой для кроликов, возил кирпичи для постройки водопроводного колодца, доски и т.п. Когда я начал работать, то машину держал в построенном гараже. Сосед из 5-го дома, уговорил меня съездить на куриную ферму во Владимирскую область, и мы привезли оттуда молодых кур, и ему, и мне. Уже через месяц куры начали нестись. Гнездились они в гараже. Наступила зима. Выпал снег. В тот год снега было очень много. Приезжая на выходные, я замучился, отбрасывать снег от забора, освобождая дорожку перед домом. Дорожка использовалась жителями для прохода в аптеку и в больницу. К февралю, снег уже почти скрыл наш забор, при его высоте около 1 м 80 см. На работе, ещё в ноябре, я зашёл в отдел капстроительства (ОКС) завода и, познакомившись с его начальником, предложил свои услуги в качестве инженера строителя, по совместительству, потому что денег на жизнь катастрофически не хватало. Как оказалось, в ОКСе, уже скопилось громадное количество нерешённых, из-за отсутствия проектировщиков, работ. Начальник ОКСа, моментально решил мой вопрос с

работой на две профессии, с директором завода и тут же, озадачил меня заданием на проектирование склада ГСМ для завода. Поскольку я не был особо загружен основной работой по проектированию приспособлений для производства деталей самолётов, так как их производство начало резко сокращаться и уже через пару лет сошло на нет и уже сейчас завод был вынужден переходить на мирные рельсы и переключился на выпуск микроволновых печей и компактных магнитофонов, я расположился за своим кульманом и начал рисовать план здания ГСМ, Работа, была привычная, и для меня элементарная. Теперь мне, к моему окладу, добавили ещё половину оклада, что составило уже 24 тысячи рублей, но и это не решало моей проблемы. Обедал я, в заводской столовой, при этом, брал только лишь самое дешёвое блюдо – молочный суп с макаронами без хлеба. Хлеб приносил с собой. Уже даже не помню, что я ел на завтрак и ужин, но точно очень мало, потому что похудел с бывших 100 до 78 кг. В те времена, все люди, всячески пытались подработать хоть сколько – нибудь. Размер зарплаты на всех практически предприятиях России, упал до плинтуса. К тому же, множество предприятий закрылись и продолжали закрываться, выбрасывая на улицу миллионы безработных. В стране царил хаос, бедность, но зато, расцвела преступность. Молодёжь объединялась в банды, которыми руководили бывшие партработники и руководители разорённых этими же

самыми руководителями, заводов и фабрик. Банды срашивались с органами власти, милиции и прокуратуры и уже совместно, грабили торгашей и зарождающийся класс частников. Кроме этого, начались разборки между бандами за сферы влияния, сопровождающиеся перестрелками и поножовщиной, влекущей к большому количеству жертв. Жизнь человека обесценилась до минимума. Убить могли за копеечные суммы и даже, ни за что. Обращаться с жалобами, было некуда. Нам с матерью удалось, в конце концов, окончательно оформить дом и получить российское гражданство. Все деревья на участке, я спилил и свёз на лесопилку. Нас, конечно обманули, предложив оформить сданные 83 ствола за 6 кубометров, вместо двенадцати, объяснив, что так будет дешевле распилить их, надо только дать взятку распиловщиком. Обман выявился при получении досок, которых оказалось то ли 104, то ли 112, то есть, практически, по одной доске со ствола. Мало того, мой друг Миша, тайно, забрал из моих досок штук 50, уверив рабочих, что я ему разрешил. И главное, по закону мы не могли ничего сделать, так как в самом деле, по документам выходило 6 кубометров. Пришлось смириться с фактом. Доски я свалил во дворе и в дальнейшем построил из них большой гараж для машины и выложил полы в подвале. В то же время, начали подрастать кролики. Одну крольчиху я зарезал и это было ужасно. Мне было настолько её жалко, что я не смог её есть. Мать получала пенсию,

но её размер был начислен неверно и мать писала жалобы во все инстанции, получая отписки, как это было и при советской власти. Как гром с ясного неба, пришло известие о смерти отца. Сообщала Елена Петровна, что отец умер 27 января. Телеграмму принесла почтальонша, в то время, когда мы, все втроём, были дома и собирались обедать. Мне показалось странным, поведение почтальонши, которая передав мне телеграмму, не ушла сразу, а ждала, когда я её прочитаю. Мы совершенно не ожидали подобного события. Я всего два дня назад разговаривал с отцом по телефону, и он как раз сетовал на старость и что уже ему пора умирать. Я тогда вообще не обратил внимания на его слова. А мать и вовсе не поверила телеграмме, предположив, что это повод для моего приезда в Ангрен. Ситуация осложнялась тем, что у нас совершенно не было денег на поездку. На следующий день, я поехал на работу и отпросился в отпуск. Уже даже не помню, где нам удалось взять деньги, но билет я покупал на следующий день прямо в Сасово, куда я приехал на автобусе утром, 29 января. Мне дали билет без очереди, согласно телеграмме и я выехал в Ташкент. В Ангрен я приехал 31 января, опоздав на похороны на один день. Смерть отца была неожиданностью для всех нас. Отец в тот день, вышел из дома, с целью ехать в гараж отремонтировать машину. Дойдя до остановки, он сел на скамейку и, как рассказывали очевидцы, при подъезде маршрутки, он поднялся со скамейки и тут же упал, лицом вперёд на землю.

Смерть была мгновенной. Отец явно ожидал подобного и в кармане у него, была записка с телефонами. Врачи скорой помощи, вызванной чтобы его забрать, позвонили к нам домой, где в это время находился мой сын Миша и сообщили ему о смерти отца. Миша обзвонил Елену Петровну, Олю, мою сестру Людю. На тот момент среди них, не было ни одного мужчины и всю тяжесть с организацией похорон, взвалилась на плечи вышеперечисленных. Всё, что я успел, это съездил на кладбище и помянул отца в компании родственников. После этого, я вернулся в Лашму. Должен отметить, что железнодорожные перевозки, претерпели крайне неприятные изменения. По непонятной причине, стало опасно ездить в поездах, внутри Узбекистана. Поезда подвергались прямо-таки обстрелу камнями, со стороны молодёжи, при проезде населённых пунктов. В результате, все окна в вагонах были выбиты и вместо них установлены листы железа, поэтому в вагонах было темно. Поезда в Москву теперь не блистали чистотой, а ещё через пару лет, превратились в подобие эшелонов, времён гражданской войны, когда вагоны представляли из себя, нечто наподобие платформы на колёсах, с полным отсутствием полок и сидений. В общем помещении, где пассажиры рассаживались на полу или на своих чемоданах, в середине, на куске железа горел костёр, для обогрева в зимнее время. А во время проезда по Казахстану, в вагоны набивались казахи, следующие по пути движения

и едущие без билетов, просто оплатив проезд проводнику. Проводники творили всё, что хотели и обычно, бывали пьяные вдрызг, порой забывая открыть дверь вагона для входа и выхода. В моём случае, наш проводник, вообще отстал от поезда на какой-то станции. Тем не менее, я кое как доехал до Сасово и далее в Касимов, где и продолжил работать. В Ангрене же, случилась очередная беда. Сын моей сестры Люды, Ваня, стал наркоманом. В те времена, наркотики стали весьма доходным товаром для многих криминальных личностей. С выездом российских войск из республик Средней Азии, практически прекратила действовать погранслужба и через афганскую границу на территорию бывшего СССР, хлынули потоки наркотиков, как обычной анаши, так и более тяжёлых –героина, опиума, морфия и т.п. Некому было остановить этот поток, зато нагреть на этом руки, нашлось достаточно много. Ваня, как это обычно бывает, начал с конопли и в конце концов, подсел на героине. Количество необходимых инъекций, выросло до 7 и более, в день, что требовало всё больше денег. Соответственно, у Люды стали пропадать вещи, деньги, всё, что можно было продать или обменять на укол. Милиция стала часто появляться на пороге дома, забирая порой Ваню с собой. Само его состояние, конечно же, было удручающим. Все попытки отдать его на лечение, были безуспешными. Дело могло кончиться трагически, но тут мы нашли выход. Решено было привезти Ваню в Лашму, на, так сказать,

лечение. В Лашме было много алкоголиков, но о наркоте, там ещё не слышали. И Люда с Олей привезли Ваню к нам. Ваня стал жить с матерью, а я работал. Как и всегда, приезжал на выходные и мы общались. И в самом деле, отсутствие наркотиков, помогли Ване встать на ноги. Он отошёл от ломки и немного помогал нам в хозяйстве. Летом Оля приехала к нам на каникулы и привезла старшего сына Мишу, окончившего 8 классов. Миша остался в Лашме и вместе с Димой, пошли учиться в Лашманскую школу, а Оля уехала, забрав с собой Ваню. Сразу по приезду в Ангрэн, Ваня сорвался и вновь принялся за старое. Тут уже не оставалось ничего делать, как Люде бросить всё – работу, квартиру, имущество и приехать с Ваней на постоянное жительство в Лашму Ваня нашёл какую-то работу, у местного мелкого мафиози, с выездом в Москву. Там рабочие разбирали мусорную свалку, добывая металл и пригодные к вторичному применению вещи. Люда быстро нашла работу в Лашме, устроившись преподавателем физики в школе. Поскольку у неё совершенно не было денег, то мы устроили комбинацию, с получением Людой беспроцентной ссуды на, якобы покупку нашего дома. Дом переписали на Люду, чем крайне была недовольна мать. Хотя сделка носила чисто формальный характер, но по факту, дом переходил в собственность Люды. Мои кролики дали многочисленное потомство и у нас на столе теперь, частенько появлялась крольчатина. Хотя с деньгами,

всё ещё была напряжёнка. Из Ангрена прибыла подруга Вани, тоже Люда. Они сняли дом и стали жить в нём. Я же нашёл в газетах объявление о поиске для школы в посёлке Приокский, который располагался, как раз, между Касимовым и Лашмой, учителя пения. Я поехал в школу и имел разговор с завучем школы, как оказалось тоже беженкой, на этот раз из Киргизии, Ольгой Николаевной. Получив предварительное согласие на трудоустройство своей жены, я немедленно сообщил ей об этом. Оля приехала в конце учебного года и с несколькими другими претендентками, поучаствовала в конкурсе на замещение должности. Это место, по результатам, досталось ей, и она вернулась в Ангрен, чтобы уволиться с работы и, по возможности, послать контейнер с вещами. К концу лета она прибыла в Лашму, окончательно. Мать сначала обрадовалась, но к вечеру, её настроение вдруг резко упало, и она категорически потребовала, чтобы мы убирались из её дома. Я еле уговорил её разрешить нам хотя бы переночевать. Утром я с Олей приехали в Касимов и заявили к директору общежития. Я забыл уже, как звали эту женщину. Мы сообщили о нашем бедственном положении, и она прониклась к нам жалостью. К вечеру, она предоставила нам одну комнату на 4 –м этаже, распределив её жильцов по другим комнатам. Общежитие представляло из себя две половины. В одной жили семьями, а в другой, где мы поселились, неженатая молодёжь, по 4-5 человек, в

комнате. На каждом этаже располагалось по 12 комнат, с двумя душевыми и двумя туалетами и одна общая кухня с тремя электроплитами по 4 конфорки. Нам досталась угловая комната, площадью 14 кв.м. В течении недели, мы перевезли туда своё имущество и расставили его, как можно компактней. У нас было две кровати, которые поставили к стенам. К 1 сентября сюда же приехали и Миша с Димой, которых мы устроили в Касимовскую школу № 1. Оля же, начала свою работу в Приокском, в школе №6. Вчетвером, в комнате было тесно. Спали на полу двое и двое на кроватях. Утром убирали матрацы с пола. В уголке примостили столик, где принимали пищу и делали уроки. Жили бедновато. Впервые в жизни, я понял, что значит, перебиваться с «хлеба на квас». Мы даже не могли позволить себе купить белый хлеб. Кроликов пришлось всех прирезать, так как ухаживать за ними стало некому. Невзирая на поведение матери, я всё-таки, продолжал на выходные приезжать к ней. Позже, она позволила приезжать и Оле с детьми. Люда с Ваней и его женой, тоже Людой, снимали дом в деревне, поближе к школе. Чуть позже, на зиму, им разрешили жить, в только что отстроенном доме, одной миллионерши, которая приезжала в Лашму, только на лето. Семья Вани, жила в доме, в качестве сторожей и для ухода за собакой хозяйки. Дом был двухэтажный и зимой там было жутко холодно, хотя работало отопление и электронагреватели. Дело в том, что дом строили на скорую

руку, совершенно бесконтрольно и рабочие, пользуясь этим, укладывали кирпичи с большими промежутками друг от друга. Образовавшиеся дыры, снаружи замазали штукатуркой, чтобы они не бросались в глаза. Летом Ваня опять переселялся в другой дом. К счастью, посёлок построил для учителей свой дом, напротив школы и Люда получила там квартиру, которую, после ремонта, отдала Ване, а сама переехала к матери, хотя мать была категорически против. Так и стали жить. Моя семья в Касимове, Ваня с женой в квартире, а Люда с матерью в доме. К весне стало известно, что квартира, которую мне посулил завод, мне не достанется. И не только мне. Коробку дома выложили, а на большее, у завода не хватило денег, и стройка остановилась. Дом просто бросили, и он остался стоять, зарастая травой и разваливаясь. Я понял, что мне надо искать другую работу. Приборный завод дышал на ладан, работники увольнялись и уходили на другие предприятия, где зарплата была выше. Хотя моя зарплата и повысилась, где-то, до 40 тысяч рублей, но инфляция съедала все прибавки. Зато Оля в школе получала более 200 тысяч рублей в месяц. На все эти деньги мы не могли даже одежду детям купить. Оля подружилась в школе с преподавателем труда, который был хорошим знакомым главного механика тамошнего завода цветных металлов, сокращённо ПЗЦМ, который занимался переплавкой золото и серебросодержащей руды, поставляемой из Сибири в

золотые и серебряные слитки для Гохрана России. Завод был построен совсем недавно и, по слухам, там была очень неплохая зарплата. Нам удалось устроить встречу с главным механиком, где Олин знакомый попросил того устроить меня на завод и тот согласился. Что интересно, большая часть управленческого персонала, да и многие рабочие, являлись беженцами из Узбекистана, где раньше работали в городе Навои, на подобном предприятии, а другая часть прибыла из Казахстана, из такого же завода. Главный механик был из Навои и поэтому помог мне. Далее я встретился с начальником цеха, в котором мне предстояло работать. Его фамилия была Звонцов. Он посмотрел мою трудовую книжку и согласился меня принять. Конечно, я немедленно подал заявление на увольнение с приборного завода, руководство которого, весьма неохотно согласилось меня отпустить, поскольку я, в то время, был занят проектированием центральной сберкассы для Касимова, за что завод, получал хорошие деньги. Я же проектировал сберкассу совершенно один, поскольку других строительных проектировщиков на заводе не было, да и в самом Касимове, не существовало проектной организации такого профиля. Я как раз, практически закончил проектирование и здание уже частично было построено, я лишь, осуществлял контроль строительства. В конце концов, мне удалось уволиться, и я прибыл на работу в ПЗЦМ. Мне выдали два пропуска, первый для прохода на территорию завода и второй,

для прохода в главный цех, где производилась плавка золота, серебра и платины из поставляемого из Сибири, золотоносного песка. Система пропуска была следующей – на входе предьявлялся пропуск, и все проходили на территорию завода. Кто-то шёл в контору – служащие и начальство, кто-то, на обслуживающие участки и склады, а те, кто имел отношение к выплавке драгметаллов, шли дальше, к отдельно стоящему, трёхэтажному зданию, с крепко заколоченными окнами и заграждением из колючей проволоки вокруг. Здесь рабочих ожидала раздевалка. Все раздевались до трусов и шли на пост, охраняемый военными. Это были прапорщики из расположенного в посёлке, воинского охранного подразделения. Сначала надо было пройти через подковообразную арку с металлодетектором, а потом встать, руки в стороны и дать себя проверить ещё и ручными детекторами. Как я позже узнал, детектор был настроен на 2-3 грамма металла. Были, однако, работники с металлическими зубами, в очках, но таких проверяли особо. Выход предполагал аналогичную процедуру. У женщин был свой проход, с военнотружущими женщинами. Но вот я вступил на территорию цеха, где мне выдали спецовку, которую я надел и меня провели к своему участку. Участок располагался на первом этаже здания и занимал площадь примерно в 80 кв.м. Два помещения, оборудованные верстаками и сварочными кабинками, гильотина для рубки стальных листов, несколько станков, токарных, сверлильных

и фрезерных. Небольшой склад и кабинет для механика. Пока я рассматривал это хозяйство, подошёл, как оказалось ещё один механик. Он назвался, как Славик, такая у него была интересная фамилия. Выяснилось, что он сначала был единственным механиком в цехе, но с увеличением объёмов работ, увеличилось и количество слесарей по обслуживанию технологического процесса, до почти 40 человек. Вот и было принято решение, создать две группы слесарей. В цеху, также существовала группа сантехников, группа электриков, инструментальный участок и некоторые хозяйственные участки. Объясню технологическую схему выплавки драгметаллов; – 1. Золотой песок добывался в Сибири и присылался на т.н. Аффинажные заводы, которых в нынешней России было несколько. 2. Предварительно, на заводе осуществлялась первичная проверочная плавка, устанавливающая процент содержания драгметаллов в присланном сырье. Из этих процентов, получали плату золотодобытчики. 3. Далее песок складировался и выдавался на плавильные участки. 4. Драгметаллы, а это были отдельные благородные составляющие песка, как-то – платина, золото, серебро и ещё какие-то, незначительные добавки, подвергались обработке по выплавке и разделению металлов на составляющие. Больше всего приходилось на долю серебра, наверное, 70-80 %, потом золото 15-20 % и немного платины. Каждый металл, требовал отдельной технологии выплавки, при различных температурах. Я

сейчас точно не помню, но в месяц, выплавляли до 200 тонн серебра. Количество золота находилось под секретом. Я вообще-то, особенно и не интересовался этими цифрами. 5. Слитки драгметаллов различного веса, отправлялись на обработку к фрезерным станкам, где из них, под неусыпным контролем и очень аккуратно, чтобы не потерять ни единого грамма, обрабатывали, превращая в стандартные слитки, с определённым весом, и клеймили, обозначая вес и марку золота. Наш завод выпускал золото чистотой до 99, 9 %, но несколько позже, довёл качество до 99, 99 %. 6. Эти слитки, по мере накопления, вывозили в Москву, в ГОХРАН – государственное хранилище драгоценностей. Имелось несколько плавильных, отличающихся методами плавки. Где-то, для процесса, использовали хлор, где-то ртуть, где-то, что-то другое. Для плавки, применялись индукционные электропечи с водяным охлаждением, требующими напряжения в несколько тысяч вольт, притом силовые кабели проходили в шлангах, с проточной охлаждающей водой. Нашей задачей было обеспечить плавильный процесс, с максимальной отдачей от оборудования. Работы было очень много и мне приходилось, в основном, бегать по плавильням, определять поломки и нарушения в технологическом процессе, а затем, правильно организовать решение этих проблем. Мы со Славиком, поделили слесарей на две группы, с различными задачами. Моя группа, отвечала за литейное производство, а

другая группа за трубопроводы и вакуумное оборудование. Остановлюсь немного на характеристике начальника цеха-Звонцове. Сам он был из Казахстана, следовательно, являлся ставленником директора завода, находясь в оппозиции к главному механику завода, Козину, протезе которого я являлся. Не скажу, что между ними была вражда, но трения наблюдались. Главный механик завода, не мог влиять на решения начальника цеха и, в какой-то мере, зависел от его расположения. По рассказам рабочих и ИТР, Звонцов прибыл в цех, сначала в должности рядового инженера, притом с работой своей едва справлялся, к тому же, его, не уважали за стукачество директору. И вдруг, директор, неожиданно назначал его начальником цеха, сразу, как говорят –«из грязи в князи», без занятия промежуточных должностей, начальника участка, замначальника цеха и т.п. Под начальством Звонцова, оказались около 300 человек, полностью зависимых от него. Директор доверял ему и тот, пользуясь его доверием, мог уволить или перевести любого своего работника на нижеоплачиваемую должность или в другой цех, в самом лёгком случае, лишить премии, которая была весьма значительна, а то и вообще уволить, чем он сразу же начал злоупотреблять. А времена были очень тяжёлыми. Найти, вообще какую бы то ни было работу, стало сложно, а хорошо оплачиваемую и вовсе, из разряда фантастики. Поэтому люди, были вынуждены терпеть его самодурство. Из запуганного и робкого, каким его помнили,

он превратился в самодовольного и капризного барина, перед которым все заискивали. Весь цех превратился в его вотчину, где, в первую очередь, решались его желания, а заводские интересы, во вторую. Уже примерно через 2-3 недели, он вызвал меня и поручил изготовить для его дачи поливальное устройство с разбрызгивателем, какое он, недавно увидел в рекламе. Я пообещал заняться этим, но из-за загруженности производственными задачами затянул с его заказом, полагая, что производство важнее полива дачи, даже начальника цеха. Как оказалось, я жестоко ошибался. Через неделю, Звонцов поинтересовался выполнением своего заказа и узнав, что он ещё не готов, разъярился и пообещал меня немедленно уволить. После работы, я зашёл к главному механику и рассказал тому о нашем конфликте. Козин воспринял это сообщение с большим беспокойством и признался, что он не сможет меня защитить и скорее всего, меня уволят. Безусловно я огорчился, тем более, что уже получил первую зарплату, в размере полтора миллиона рублей! Это были в то время огромные деньги и после моих 40 тысяч и даже, Олиных 240 тысяч, казались сказкой. Мы даже не знали куда бы их потратить. Купили видеомэгаффон, одежду, обувь, продукты и, главное, почувствовали себя людьми, на фоне всеобщей нищеты, окружающей нас. В субботу я, как обычно, приехал в Лашму к матери, немного поработал по хозяйству, заодно рассказал о своей беде. Не думал,

что мать сможет мне чем-то помочь, даже об этом и не предполагал, но именно она решила этот вопрос в мою пользу. К тому же, обстоятельства, вдруг, сложились для меня благосклонно, будто получив приказ свыше, так как Звонцов ушёл в отпуск, а директор уехал в Москву по делам. Как оказалось, Звонцов уже подсуетился и приказ на моё увольнение, уже был подготовлен и лежал на подписи у главного инженера. Моя мать в понедельник поехала на завод и попросилась на приём к главному инженеру, а тот незамедлительно принял её. Моя мать рассказала ему про моё бедственное положение и причины, вызвавшие это. Как ни странно, но главный инженер согласился с тем, что увольнять меня совершенно не за что, тем более, что я отработал совсем ничего. В результате, приказ был уничтожен, а я остался работать. Когда Звонцов через месяц явился на работу, то был крайне удивлён и раздосадован моим присутствием. Он спросил меня, как мне удалось остаться, на что я ему ответил, что главный инженер, якобы, мне заявил, что не хочет бросаться грамотными специалистами и не будет меня увольнять. Конечно же, я не встречался с главным и придумал эту беседу, но я был уверен и угадал, что Звонцов постесняется спрашивать у того, истинную причину отказа ему, в его желании. Мне кажется, что Звонцов поостерёгся нападать на меня, боясь реакции со стороны главного, будучи не уверен в его истинном расположении ко мне. Как и все недалёкие люди,

Звонцов боялся идти наперекор начальству и не стал даже пытаться, качать свои права. В дальнейшем, он вынужденно, старался быть со мной корректным. В остальном, цех использовался Звонцовым для обеспечения своих личных нужд и, как я мог только догадываться, нужд директора и его камарильи, иначе было бы просто невероятным, непотопляемость Звонцова, при подобных масштабах воровства. К примеру, инструментальный участок, работал по заказам Звонцова, изготавливая ему, для его дома и дачи, различные инструменты и сооружения- типа септика, водонапорной башни, сауны и т.д, используя для этих целей, совершенно дефицитные материалы из титана, нержавеющей стали и цветных сплавов. Кроме этого, на его даче и в доме, постоянно трудилась строительная бригада от строительного участка цеха. Работы, всегда хватало на всех. Сейчас строили летнюю кухню во дворе дачи. Кирпич был заказан, якобы для строительства разделительной стены в плавилке, в количестве 20 тысяч штук, из которых на стену, ушло, примерно 4 тысячи, да и то, уже через месяц, стену потихоньку разобрали, за ненадобностью. По рассказам работников, на заводе процветало воровство драгметаллов, притом в огромных количествах. Говорят, что в первый год работы предприятия, золото, лежало, свободно на складах и плавилках, и не крал его, только ленивый. Охранники, за оговорённый процент, пропускали рабочих с украденным золотом наружу. А в самом городе Касимове,

вокруг краденого золота, сложилась организованная банда, занимавшаяся сбором и сбытом золота, платины и серебра. Уже совершены были несколько убийств, а число пойманных и посаженных за решётку, исчислялось десятками. И даже, после того, как на заводе были приняты серьёзные меры к пресечению краж, золото продолжало утекать с завода, правда более тонкой струйкой. Во-первых, в главный цех, теперь можно было пройти только по спецпропуску и через магнит и дополнительный обыск ручным металлоискателем, притом количество охранников должно было быть не менее двух. Само 3-х этажное здание, было законопачено наглухо. Окна не открывались, все отдушины и отверстия замурованы, и даже отходящая канализация фильтровалась. При плавке драгметаллов, также было обязательно, присутствие двух плавильщиков и двух контролёров. Но хищения продолжались. И даже, через 25 лет, уже живя в Германии, я читал и смотрел по ТВ передачи, рассказывающие о воровстве золота на заводе. Очень опасным считалось работать плавильщиком. К плавильщикам, на дом, подсылались бандиты и где уговорами, где запугиванием, а порой физическим насилием, заставляли последних, участвовать в расхищении. Система включала в себя, обязательно двух контролёров, двух плавильщиков и двух охранников, а также несколько человек, из числа других работников, которые участвовали в цепочке по переносу похищенного металла

от плавилки к местам промежуточного хранения. Каких только способов воровства не было! К примеру, однажды, расковыряли кусочек стены и в образовавшееся отверстие, стреляли кусочками золота, с помощью рогатки. Места падения передавали наружу и подручные, подбирали эти слитки, делая вид, что прогуливаются около цеха. Уже через месяц работы, ко мне подошли мои два слесаря и повели к прислонённым к стене, листам стали. За ними, у стенки, лежали две брезентовых рабочих рукавицы, наполненные золотым песком. Я поинтересовался у рабочих, что нам делать и они мне посоветовали промолчать. Я последовал их совету, а на следующий день, рукавицы уже исчезли. По прикидкам, там было не менее 10 кг золота. Я поражался – каким образом заводу удаётся сводить баланс полученного в переплавку песка с его реальным выходом? Оказывается, при получении золотого песка от золотодобытчиков, при проверочной плавке, обязательно занижался выход золота на 10-15 %, и это количество как раз уходило на сторону. Мне, как раз, жаловался мастер сантехников, что он, найдя закладку украденного золота, подготовленного к выносу, доложил руководству об этом факте. Золото забрали, но мастера затаскали по судам, в качестве свидетеля и даже подозревали в соучастии. Это событие также повлияло на то, что я не стал сообщать о краже. А золото выжималось из песка до последней крупинцы. Отслужившие своё, плавильные печи,

разбирались, и кирпичи, их составляющие, перемалывались в порошок и после этого, подвергались плавке, чтобы ничего не потерялось. Таким образом приходилось работать. Работа мне даже нравилась тем, что я сам решал, как и что мне делать, руководствуясь общими указаниями главного механика и начальника цеха. Самым радостным был момент получения зарплаты. Я приносил домой кучу денег. Мы хоть перестали экономить на еде, а то доходило до того, что, покупая по праздникам шоколадку, наш сын Дима, с помощью линейки, делил её на 4 части и мы, с громадным удовольствием, съедали её и это был настоящий пир! А теперь мы могли себе позволить многое. На завтрак уже ели не чёрный хлеб с маргарином, а булочки с сосисками. Конфеты и шоколад не переводились, а мы с женой, по выходным, выпивали бутылочку-другую, какого –нибудь вина или ликёра, в красивой упаковке. Уже и оделись в относительно модные вещи. А через год работы, зарплату повысили до 1 млн. 500 тысяч рублей. В валюте это составляло всего лишь 250 долларов, но похвастаться такой зарплатой во всём Касимовском районе, могли не многие, ни тогда, ни через 25 лет. К тем временам, мой Опель, который и без того, был старый, сломался. Полетел передний шаровой подшипник, привода колеса. Найти его, мне удалось только в Москве, но он, к сожалению, продавался лишь в комплекте с передней подвеской и стоило это более 400 долларов. Однако, я вспомнил о связях на приборном

заводе и через знакомого, заказал в токарном цехе, такую деталь, нарисованную мной. И деталь сделали на станке с программным управлением, за 2 бутылки водки!!! Я вновь оказался на коне. Машина сильно выручала. Я возил на ней кирпичи, траву, солому, доски и т.п. Мы ездили на ней в Рязань, Солотчу, Сасово и др. Но, по моему недосмотру, однажды к зиме, я не заменил воду в радиаторе на охлаждающую жидкость. Конечно же, на моё несчастье, грянул мороз, и замёрзшая вода порвала рубашку блока цилиндров. Здесь уже ничего не могло мне помочь, кроме замены мотора. Но это было равносильно покупке новой машины, что было мне не по карману. Машину пришлось поставить на прикол в Лашме. Как раз, знакомый продавал мотороллер «Муравей» за полтора миллиона рублей, и я его купил. В деревне он тоже был очень кстати. К мотороллеру я приделал аккумулятор от автомобиля и заводить его стало проще, всего лишь, нажав на кнопку. К сожалению, ездить на нём я мог только по Лашме, так как у меня не было прав на вождение мотоцикла. Имея деньги, мы съездили в отпуск в город Ейск, где жили тесть с тещей и сыном Сашей. А на работе, я немного дружил с одним из своих слесарей, парем с высшим образованием из Казахстана, с которым мы мечтали съездить в отпуск в Турцию. Оля дружила с завучем школы, к которым мы порой ходили в гости, а они к нам, хотя у нас было тесно. Оля имела хорошие отношения с заведующей общежитием, которая по блату,

перевела нас в другую комнату с большей площадью, а позже и вовсе в громадную комнату бывшего Ленинского уголка, хозяева которой, съехали в свой дом. Жить становилось всё веселей. В наш дом, в Лашме, провели газ, а я построил во дворе септик, чтобы можно было ходить в туалет в доме в унитаз со сливом. Я экспериментировал с теплицей, высаживая помидоры и огурцы, тыквы, кабачки и т.п. Самой большой бедой, было отсутствие воды в водопроводе летом, так как наш дом располагался на самом высоком месте в деревне, и вода до него не доставала. Приходилось по ночам, когда вода присутствовала, набирать всевозможные ёмкости, из которых потом и поливали овощи. Ко мне в слесаря поступил новый работник, Салиев Виктор, как раз из Навои. Он имел высшее образование и, по некоторым данным, в какой-то степени был родственником главного энергетика завода, который, захотел видеть на должности механика, своего ставленника и мне предложили уйти в слесаря. Я поначалу отказался, но однажды, меня пригласили в кабинет Звонцова, где находились главный энергетик Журавлёв, с которым у меня были трения, так как, однажды, я его уличил в профессиональной непригодности, но тот имел покровительство от Звонцова и всего лишь получил выговор. В кабинете Звонцова сидели два моих слесаря. Меня сразу же взяли в оборот. Журавлёв предложил мне тут же написать заявление о переводе в слесаря, а в противном случае, эти два слесаря, обвинят меня в каких-

то махинациях, написав, якобы, докладную. Я понял, что мне не сладить с этой мафией, и согласился, выторговав себе самый высший разряд слесаря – шестой. Звонцов и Журавлёв согласились. Конечно же, механиком поставили Салиева, а я начал работать слесарем. Между прочим, работать стало гораздо спокойнее, я уже не бегал по цехам, а спокойно занимался своей работой. С зарплатой ничего не потерял, получая, те же деньги. Как раз к этому времени нам ещё повысили зарплату, и я стал получать 1 миллион 800 тысяч рублей, что соответствовало 300 долларов. При такой зарплате, вполне можно было существовать, но отсутствие жилья ломало настроение. Получить жильё, не было никакой возможности, а снимать квартиру и потом зависеть от прихоти хозяев, очень не хотелось. Миша закончил школу, попытался поступить куда-нибудь, но за поступление требовали большие взятки. Без взятки нельзя было даже в профтехучилище попасть. А самым страшным испытанием, в настоящее время, являлась служба в армии. Вот-вот. могла начаться новая война с Чечнёй, а отношения в армии напоминали тюремные. По ТВ передавали, что в армии кого-то убили, избили до полусмерти, морят голодом, издеваются. Отдавать своего сына в это жуткое место, в которое превратилась наша армия, мы не собирались и хотели избежать этого наказания, любой ценой. Пока решили отдать его на курсы бухгалтеров. Существовали такие в Ейске, и мы отправили его туда, где он и начал

учёбу, проживая у тестя с тещей. Дима продолжал учиться, а мы искали повод избежать для Миши призыва. Мы с Олей работали, по выходным выезжая в Лашму. Сажали картошку, другие овощи, собирали урожай. Оля ещё раз съездила в Ангрэн и продала квартиру и гараж за 800 долларов. Эти деньги, я позже передал Люде, так как она с Ваней и его женой едва перебивались. Прошёл год и Миша, закончив курсы бухгалтеров, вернулся в Касимов. Мне удалось устроить его в Касимовский техникум, на факультет литейного производства, по направлению от своего завода, что было очень выгодно для нас, так как студентов в армию не забирали. Закончился 1997 год и наступил 1998. Тут мы получили вызов из Германии, конечно не мы, а теща, от своей сестры, но с правом забрать с собой своих детей и внуков. Это было чудесное известие. В новой России жизнь катилась под откос. Все предприятия разваливались, миллионы людей выбрасывались на улицу без работы. Бандитизм расцвёл пышным цветком. Жизнь человека обесценилась до нуля. Бандиты занимали места во власти, в стране распоряжалась мафия. Правительство воровало бюджет так, что от него не оставалось ничего. Власть в стране находилась в руках у семьи Ельцина, в большей степени у его дочери и её мужа, а также ещё каких-то, близких к ним лиц. Сам Ельцин ничего не делал, а пьянствовал и вымаливал у запада деньги в долг. Американцы свободно ездили по стране, влезая в самые секретные проекты.

Члены правительства и депутаты, самым бессовестным образом, получали деньги в посольстве США, ничуть не стесняясь этого и не пытаясь скрыть этот факт. При живых родителях, в стране появились миллионы беспризорников, которых некому было кормить, так как их родители едва сводили концы с концами. Беспризорники, очень напоминаясь подобным в годы революции, занимались воровством, попадая за это в детские лагеря, а взрослея, в тюрьмы, выходя оттуда прожжёнными преступниками. Преступники покрупнее избирались в депутаты, мэры городов и посёлков. Собственно, выборов и не было, а был наглый, ничем не прикрытый, фарс. с избирательными участками, бюллетенями, которые сразу из урн, везли на мусор, потому что все партии, участвующие в выборах, уже разделили места и оставалось лишь объявить результаты этого дележа. Такого разгула преступности и полного беспредела, в России не было никогда, при наличии всего необходимого для производства, ничего не выпускалось. Вдруг всё отечественное стало не нужным.

Даже канцелярские скрепки и швабры закупались за рубежом, а собственные заводы останавливались, оборудование продавалось за границу под видом металлолома. Действующие предприятия отбирались преступниками, и дальнейшая прибыль шла уже в их карманы, минуя госбюджет. Все, кто имел хоть малейшую возможность, выезжали за границу, устраиваясь там на любую работу. Вот тут-то и позави-

довали тем, кто имел возможность покинуть Россию законно, на основании национальности, поселившись на ПМЖ в Германии, Израиле. Потомственные немцы и евреи массово ломанулись на родину предков. Число переселенцев в Германию, к примеру, в 1997 – 99 годах превысило 200 тысяч человек в год. И хотя переселенцев беззастенчиво грабили, отбирая деньги, полученные от продажи оставляемого имущества, запрещали вывозить деньги в размере более 100 долларов на человека, но это никого не останавливало. В любом случае, жизнь за границей, по своему качеству, многократно превышала российское. Даже полностью обобранные преступниками и государством, переселенцы в короткий срок обрастали необходимым имуществом, получали квартиры, устраивались на работу и начинали жить на уровне средне-статистического гражданина. Вот и мы начали готовиться к переезду. Пытались учить немецкий язык, но почти безрезультатно. Продавать нам было нечего. Всё своё имущество оставляли моей сестре Люде и её детям, в том числе машину и мотороллер. Нам оставалось дожидаться, когда Дима закончит школу, то есть до лета. Начали оформлять документы. Это осложнялось тем, что мы были первыми в Касимовском районе, кто выезжал в Германию на ПМЖ. В ОВиРе не знали, как правильно составлять документы, а также пришли в ужас от того, что наши дети захотели считаться немцами и соответственно исправить в паспорте графу национальности. Факт переселения пытались скрывать от всех. Я подал

заявление на увольнение, в связи, с якобы, переездом в Ейск. Про выезжающих в Германию, слышались страшных историй. Наши друзья из Ангрена уезжали в Германию и их в Москве заставили заплатить большие деньги. Также платили и наши родственники. С целью сбить мафию со следа, мы договорились с одним водителем, чтобы он отвёз нас в Москву, но оставив ему аванс, уехали в последний момент с другим. Возможно это помогло. К нам никто не придрался, и мы улетели без препятствий, увозя с собой котёл для плова, хрусталь и 1000 долларов, полученных за продажу квартиры и гаража в Ангрене. Позже я подарю эти деньги своей сестре. Через день после нашего отъезда, в России грянул жесточайший финансовый кризис. На наше счастье, мы успели обменять часть рублей на доллары.

Германия.

Прилетели в Германию 18 августа 1998 года. Нас встречали родственники тётки: племянницы Люда, Валя и их дети на трёх машинах. Этот день мне плохо запомнился, слишком насыщенный событиями. Я с Олей ехали с её племянником Андреем. Самое первое, что бросилось в глаза – чистота и порядок. Мы ехали по автобану из Франкфурта на Майне в город Фульда, на 100 км восточнее. Не помню точно, но нас накормили до отвала, и мы переночевали у родственников, а утром нас отвезли в город Фридланд. Там располагался лагерь временного содержания прибывающих переселенцев. Сразу же произошёл забавный случай – Мише на палец

надели золотое кольцо, а оно оказалось ему мало и вдавилось в палец. Мы не могли его снять и Мишу отправили одного в ближайший большой город Гётинген. Его повезли на такси в больницу и отвели к врачу, который разрезал кольцо и снял. Не зная ни слова по-немецки, Миша совершенно растерялся, но шофер такси его дождался и отвёз обратно в лагерь. Надо сказать, что в вопросе приглашения моей тётки, большую роль сыграли её племянницы и сёстры, в чём им во многом помогла председатель общества немцев из России по городу Фульда, по имени Роза, прибывшая из Фрунзе. Дело в том, что моя тётка – Екатерина Петровна, не знала немецкого языка, поскольку детство провела в детском доме, в то время, как её родителей отправили в трудовой лагерь, как возможных пособников фашистов. Розе удалось протащить всех нас по упрощённой схеме сдачи языкового текста. Вообще, нашу семью должны были направить в землю Саар, где мне могли предоставить работу по специальности машиниста экскаватора, но наши родственники, опять же, через Розу, добились, чтобы нас распределили в Фульду. Так что уже через день мы переехали на новое место жительства, в село Гизель, в 10 км от Фульды, в общежитие для переселенцев, в здание гостиницы села. Нам отвели два номера, один тётке с мужем, другой для нас четверых. Это была одна большая комната с 4-мя кроватями, санузлом и душем, а также кухней. Имелся выход на балкон, соединённый с крышей соседнего здания. Точно не помню, но в общежитии проживали примерно 16

семей, в большинстве немцы из Казахстана. В Гизеле проживало менее тысячи человек. Имелся магазин „Spar“, кирха, стадион. Рядом расположились невысокие горы. Нас провели по гостинице, показывая прачечную со стиральными машинами, общую кухню, нашу комнату и т.д. Во Фридланде нам выдали кое-какую одежду, обувь, некоторую сумму денег. Затем мы несколько дней оформляли своё состояние, ещё раз сдавали языковой тест, получали документы. В связи с массовым наплывом переселенцев из бывшего СССР, в Германии устроили несколько лагерей для их временного содержания. Во многих городах открылись общежития для их проживания до получения квартир. Тысячи немцев получили работу по обслуживанию переселенцев, притом неплохо оплачиваемую. Поток переселенцев, начавшийся в 1991 году, с развалом СССР, всё увеличивался и достиг максимума в 1995-99 годах, дав возможность трудоустроиться не только коренным немцам, но и прибывающим, хорошо знающим немецкий язык. В течении 12-13 лет, работа по обслуживанию переселенцев была остро востребована и только с 2003 года резко сократилась и пошла на убыль. Переехали в Германию более 2-х миллионов этнических немцев и членов их семей, которых до 1995 года также записывали немцами, без сдачи языкового теста. А в первые годы, переселенцев встречали с музыкой и прямо в аэропорту вручали по велосипеду на каждого прибывшего. Те, кто во время войны был сослан в трудовые лагеря, в Казахстан или Сибирь, получа-

ли громадные суммы денег в качестве компенсации морального и материального ущерба. Немцы с большим сочувствием относились к переселенцам и несли подарки в их общежития. Это были предметы мебели, бытовые приборы и даже автомобили. Ещё лет 10, после нашего приезда, вполне можно было встретить объявление в газетах об автомобилях, предлагаемых в качестве подарка. но требования возрастали с числом прибывающих. Уже был принят закон о разделении таковых на собственно немцев и не немцев, на обычных и поздних переселенцах. Ужесточились правила сдачи языкового теста. Нас разделили на несколько разных категорий. Тёща получила высший параграф № 4, как чистокровная немка, её муж, моя жена Оля и наши дети проходили по 7 параграфу, как члены семьи немца, а я получил параграф 8 – муж немки, но не немец. Всем предоставили право на курсы немецкого языка, которые и начали проходить, для чего необходимо было ездить в Фульду на автобусе. Однако мы почти сразу купили машину, на подаренные от сестёр тёщи, деньги. Это был Фольксваген с дизельным мотором. Мы его купили за 6 тысяч марок. Это была очень хорошая машина, которая сослужила нам добрую службу. В соответствии с законом, мы могли ездить с российскими правами в течении года. Права были у меня и тестя, на которого оформили машину и страховку. Началась наша жизнь за границей, о которой мы раньше не могли и мечтать. Первые дни и месяцы, мы только успевали поражаться увиденным. Качеству дорог

и чистоте на улицах, доброжелательству немцев и их вежливости, отсутствию пьяных и драк, и особенно, улыбкам продавцов в магазинах. Россияне утверждают, что эти улыбки искусственные, неестественные, но мы, с годами убедились, что это не всегда так. Продавцы улыбаются и здороваются, вызывая этим улыбки и у покупателей, даря им хорошее настроение, а заодно и себе. Всем нам начали выплачивать пособие по безработице, причислив нас в число недавно потерявших работу. По-немецки это пособие звучало «Арбайт-слёзенгельд» и мы принимали это название буквально по-русски – Арбайт слёзы, считая, что это связано с малым размером суммы выплат. Однако это оказалось неверно. Через год нас перевели на социальные пособия, которые оказались гораздо меньше «слёз». А на слёзы мы сразу приоделись и смогли питаться так, как хотели. Мы теперь могли позволить себе купить любые продукты, но предыдущие годы полунцищенского существования и экономия, заставляла покупать только дешёвые вещи и продукты. Тесть с тёщей почти сразу нашли себе квартиру и переехали в неё, в Фульду, а мы остались в общежитии. Квартиру для себя, мы нашли к апрелю 1999 года и переехали туда. Это была 3-х комнатная квартира на 3 этаже 4-х этажного дома с одним подъездом на 12 квартир. Квартиру переняли у таких же переселенцев, которые уезжали в свой дом. Микрорайон, куда мы въехали, назывался Ашенберг, в переводе «Пепельная гора». Название возникло по той причине, что во время войны, американцы

разбомбили в этом месте жилой квартал и превратили его в пепел. Американцы, очень сильно разрушили город и пытались замаять свою жестокость, построили в городе завод резиנותехники, где, в числе прочего, выпускались покрышки для автомобилей. Во время «Холодной войны», в Фульде размещались войска американцев, построивших здесь огромный военный городок с казармами, аэродром и несколько жилых кварталов для офицеров и служащих. Как раз на Ашенберге были возведены несколько многоэтажных домов для военнослужащих, в которых, после отбытия американцев, поселились в основном переселенцы, образовав русский район. В городе, кроме русских, жили много турок, югославов, курдов и поляков. Мне, как русскому, не полагались бесплатные курсы немецкого языка, Я пытался учить немецкий по словарю, но не преуспел в этом. Каждый раз, в случае необходимости посещения врачей, официальных контор, нам приходилось прибегать к услугам своих родственников в качестве переводчиков, тех же племянников, одаривая их небольшими суммами денег. А язык никак не хотел учиться. Тёща всячески измывалась надо мной, заставляя искать работу, упрекая в лени. Да и свою дочь принуждала к работе, вынудив устроиться в городскую клинику уборщицей, хотя та могла найти работу по более высокой квалификации. Но эту возможность Оля потеряла, начав работать. Таким образом, тёща подгадила своей же дочери, не понимая этого. Однако, необходимо было получить немецкие права, и я пошёл на кур-

сы в автошколу вместе с тестем. Как уже имевших водительские права, мы учились по упрощённой программе и вскоре, сдав экзамены стали владельцами общеевропейских водительских прав. Правила были те же, что и в СССР, поэтому никаких проблем не возникало. Затем возникла необходимость встать на учёт в российском посольстве, так как мы решили оставить себе российское гражданство. Посольство находилось в Бонне, до которого было 250 км. Мы, впятером поехали в Бонн, ориентируясь по карте. Едва нашли посольство, а также место для парковки. Перед посольством России творился настоящий бедлам. Сотни людей, приехавших сюда, рвались в здание, но их не пускали, устраивая столь привычные для россиян, переклички и записи в очередь. Люди стояли сутками, вынужденные ночевать на улице. Работники посольства, в большинстве молодые люди, видимо дети чиновников, по-хамски ведут себя с народом. Записываемся в очередь, где-то триста с чем-то по номеру. Ночевать приходится в машине. На шумящую толпу российских подданных, с усмешкой смотрят, проходящие мимо немцы. Ни в одном иностранном посольстве нет такого свинства, как в российском. Кое-как дожидаемся к вечеру своей очереди и подаём заявления на постановку на учёт и уезжаем, чтобы через месяц приехать вновь и опять выслушать хамские упрёки дипломатов. Однако жизнь продолжается. Знакомый еврей помогает устроиться на работу в ноябре 1999 года. Эта фирма занимается снабжением магазинов хлебобулочными из-

делями. Наша задача рассортировать по магазинам и разложить на деревянные полеты, хлеб. Работаем по ночам. К утру подъезжают грузовики и шофера забирают хлеб, чтобы отвезти в свои магазины. Количество магазинов более 40. На некоторые приходится по несколько сотен единиц различных изделий от булочек и пирожных до буханок и караваев. Сортов изделий тоже много, где-то за пятьдесят. Мы выполняем работу почти бегом и нас постоянно торопят. Работаем попарно – один тянет тележку, другой бросает в неё необходимое количество того или иного хлеба, согласно накладной. Нас 7-8 пар, плюс мастер, начальник и ещё кто-то. Мы работаем на полставки за 450 марок в месяц. Почти все работники русские. Мастер грузин. Есть пара югославов и поляков, трое немцев. Здесь я работаю до августа 2000 года. Арбайтсамт требует от меня полноценной отдачи, и я нахожу работу в т.н. Ляй фирме. Это фирмы посредники, имеющие работников, но не имеющие производства. Предприятия, в случаях болезни работников, их отпусков или при авралах, заказывают рабочих на короткое время, пока постоянные работники отсутствуют. Нам платят вдвое и втрое меньше, чем постоянным рабочим, но нам некуда деваться. Устроиться на постоянную работу очень сложно. Я хорошо запомнил свой первый рабочий день. Мне следовало к 8 утра прибыть в город Vad Vilbel, в 100 км от Фульды на завод минеральных вод. Целый час вечером, я рассматривал по карте и определял маршрут движения. Утром выехал в 6 часов и

прибыл к 8 часам. Меня провели в зал и приставили к другому работнику, такому же, как и я, явно еврею. Нашей задачей было – прокладка вентиляции из цеха. Надо было сверлить отверстия в несущих конструкциях здания и через них, болтами, крепить вентиляционный короб. У нас имелась одна электрическая дрель. Свёрла были совершенно тупыми. А конструкциями являлись толстые прокатные профили, с толщиной стенки до 10 мм и больше. Еврей раньше никогда не работал слесарем и понятия не имел, что свёрла надо точить. Поскольку он работал здесь не первый день, я послал его наточить свёрла, но он наточил их неправильно и до обеда мы не смогли просверлить ни одного отверстия. Пошли на обед. Здесь, работникам, разрешалось пить любую воду из ассортимента выпускаемых заводом напитков, а обедали в заводской столовой (кантине). Итак, мы пошли брать еду на раздачу. Я практически не мог ничего сказать по-немецки и поэтому просто показал пальцем на какой-то бутерброд. Как оказалось, это был сырой мясной фарш, намазанный на хлеб. Немцы едят и такое. Но я никогда не ел подобного. Однако, раз взял, то пришлось есть. Через силу, подавляя брезгливость, я съел бутерброд. Интересна реакция рабочих на нашу парочку. Русских на предприятии ещё не видели и рабочие смотрели на нас, как на дикарей, ожидая, что мы вот-вот, выкинем какой-либо фортель, типа, достанем кровавый кусок мяса и будем его грызть. В их глазах отражался страх. Пообедав, мы пошли продолжать работу. Сверло

вообще не брало металл. Я уже разозлился и изо всех сил прижав сверло к месту сверления, давил на него до тех пор, пока дрель не сгорела. После этого я пошёл к начальнику цеха и показал сгоревшую дрель. Кстати это была очень дорогая дрель, фирмы Бош. Начальник цеха что-то сказал своим сотрудникам и двое из них, забрав дрель, отвели меня и моего коллегу к выходу. Они попрощались с нами и помахали ручкой. Мы ушли, не солоно хлебавши. На следующий день меня отправили в другое место. Так я начал работать в Германии. Куда только меня не отправляли! Я ездил на своей машине, вплоть до Берлина. Где-то работал по несколько дней, а порой недель, а где-то всего один день. Сменил несколько Ляй фирм. Между прочим, я показал себя с хорошей стороны. Работал не за страх, а за совесть. Меня ценили и с каждым разом, давали всё более ответственную работу. Иногда работы не было и меня увольняли. Будучи безработным, я записывался на курсы обучения. Получил документы на сварщика, обычного и по аргонной сварке цветных металлов. Одно время трудился сварщиком на заводе ЖБИ в арматурном цехе. Случались весьма интересные случаи. Как-то послали в город Бюдингген, для работы на военной базе НАТО США, где необходимо было отремонтировать забор. Мне, как имеющему водительские права, поручили везти туда на грузовике, троих коллег. Велели прихватить паспорт. По приезду, я предъявил свой российский паспорт, который произвёл фурор. Американцы, чуть не сошли

с ума от вида этого документа. Вызвали офицера и охрану. Меня взяли под руки и вывели за ворота, притом, офицер твердил: Враг, враг! Это слово я смог перевести из его речи. Охрана была настроена столь решительно, что я сначала думал, что меня расстреляют тут же. И это в то время, когда Ельцин брался с американцами и раскрывал им самые строгие секреты России! А здесь меня не допустили даже для ремонта забора! Ситуация сложилась нелепая. У моих коллег не было прав на вождение. Позвонили на фирму. Приехал начальник фирмы и пытался договориться о моём участии в работе, но американцы не согласились. Я был вынужден вернуться домой. Так сложилось, что обычно, я работал от весны до начала зимы, а потом сидел дома, получая пособие. Меня это вполне устраивало. Появилось много свободного времени, которое я использовал для написания родословной нашей фамилии. С появлением компьютера и сети интернета, я смог, поначалу по телефону, связаться с некоторыми своими родственниками, и собрать о них кое-какие данные. Где-то к 2005 году, появился интернет и в России. Это были времена, когда очень многие создавали сообщества по интересам или по фамилиям и люди охотно вступали в них, ища своих родственников или просто родственные души, объединённые общими интересами. Люди жадно искали различную информацию и з сети, обменивались сообщениями, знакомились и т.д. Через несколько лет этот ажиотаж потихоньку пошёл на убыль. Я усилен-

но искал родственников и находил их. С большинством из них устанавливал связь и обогащал данными родословную. Но, к сожалению, не все радовались нахождению родственников. Очень многие отнеслись к моим поискам не только равнодушно, но и порой враждебно. Некоторые принимали меня за мошенника, желающего перехватить чьё-то наследство или отбить квартиру. Другие вообще не отвечали или посылали меня куда подальше. Но я упорно искал и находил. Моя родословная пополнялась всё новыми лицами. Я нашёл почти потерянных родственников, очень близких нам, живущих в Белоруссии. Других родственников, проживающих в Азербайджане, Горьком, Ленинграде, Москве, Саратове, Киеве и других местах. Самым обидным было то, что подавляющее большинство найденных родственников совершенно не интересовались родословной своей фамилии. Жизнь в Германии не сравнить с нищенским существованием в России. Уже через год работы, мы с Олей, посетили Канарские острова. В России это было несбыточной мечтой. А потом мы были в Хорватии, Тунисе, Чехии, Греции, Турции. Наши дети устроились на хорошую работу, получая приличные деньги, дающие им возможность чуть ли не каждый выходной ездить по музеям в крупные города Германии, Австрии, Польши, а отпуск проводить на лучших курортах Европы. В Россию я ездил ежегодно. К сожалению, я видел, что жизнь в России, остаётся, практически, без изменений. Наш посёлок Лашма умирал, как тысячи других посёлков, деревень и

городов. Все предприятия закрылись и от них остались одни лишь развалины. Закрыли и больницу, так что больным приходилось теперь ездить в Касимов. Народ, частью разъехался, частью остался, не имея возможности уехать, спиваясь и деградируя. Закрылась одна из двух школ посёлка, а вторая стала восьмилеткой. Однажды я побывал в Волгограде, где видел, так называемый, дом Павлова – оставленный после войны разрушенным, в память потомкам. Точно таким же предстал мне и знаменитый Сталинградский тракторный завод, от которого не осталось камня на камне. Новой власти не были нужны трактора, всё равно в стране почти не осталось собственного сельскохозяйственного производства. Бананы и кокосовое масло можно свободно купить в Азии. В 2013 году умерла моя мать и мне не к кому стало ездить в Россию. Вот где я понял, что раньше, при живой матери, я ездил к себе домой, а когда её не стало, я ездил в гости. Радовало, что мы теперь находимся в цивилизованной стране и никакой мент не задержит нас без повода, никакой чиновник не нахамит в учреждении, с любой болезнью нас примут бесплатно и, если потребуется, сделают операцию без волокиты и вымогания денег. Таким образом я дожил до своей пенсии. Вот и всё, сообщил я священнику, который уже не раз, весьма вызывающе, поглядывал на свои часы. Я тоже взглянул на свои. Они показывали половину восьмого. Мой рассказ занял три часа. Ну что же – обратился он ко мне, – ваша исповедь больше напоминает приключенческий роман. Однако

это простительно, поскольку вы не знаете всех тонкостей исполнения церковных таинств. Судя по вашему рассказу, я не нахожу особо тяжких прегрешений, за исключением совращения Ларисы, хотя оно может оказаться спровоцированной ею же самой. Тем не менее, это нисколько не умаляет вашей вины. Должен отметить, что вам надлежит гораздо чаще посещать Храм Господа нашего, регулярно исповедоваться и приносить молитвы на алтарь Божий. Я отпускаю вам ваши грехи, но накладываю епитимью – прочтите 200 раз молитву «Отче наш» с обязательными поклонами, стоя на коленях. Надеюсь вы знаете эту молитву? Знаю, святой отец. Ну вот и прекрасно! Что-то ещё? Да, батюшка – у меня очень много знакомых в России и некоторые, обвиняют меня в том, что я, якобы, предал свою Родину, бросив её и уехав за границу. Считаете ли вы, что я совершил этим грех? Ведь, как получилось подобное? Сначала нас вынудили покинуть свою фактическую родину – Узбекистан. А вот Россия встретила нас совсем не как родная мать. Как можно охарактеризовать ситуацию, когда государство ни в грош не ставит собственных граждан? Я имею в виду рядовых граждан, на которых собственно и держится страна. Государство сознательно уничтожает промышленное производство, оставляя людей без работы, платит сущие копейки за труд, лишает людей медицинской помощи, обесценивает образование и сводит его до уровня церковно-приходской школы. Преступники захватывают власть в стране и устанавливают новые, выгодные толь-

ко для себя и им подобным, законы. Вынуждают выезжать за границу на ПМЖ самых умных и трудолюбивых людей, позволяют олигархам грабить страну, переводя деньги в иностранные банки. Ни один, уважающий себя чиновник, не отдаст своё чадо в родную школу или институт, а только в заграничный, да ещё и гражданство ему пробьёт. А на пенсию, если вдруг выгонят, то и сам непременно, куда-нибудь в Англию или Италию уедет. Чтобы доживать свой век в удобстве, тем более, что гражданство уже давно имеется. Ну, ну – остановил речь кающегося, священник. Не надо политики!

Это в нашу компетенцию не входит. Не нам судить власть имущих. Власть даётся от Бога, притом такая, какую данный народ заслужил. Наше дело – направлять верующих на путь истины, терпя все препоны. Как говорится: «Бог терпел и нам велел». А вот по поводу предательства Родины, я, как человек, а не как священник, скажу следующее – предательство, совершённое на поле боя, заведомо приводящее к поражению своих – греховно. Воин должен стоять насмерть в том случае, если от него что-то зависит и его старания могут спасти своих соратников. А вот если происходит бойня, когда никакие твои старания не помогут ни тебе, ни другим, а скорее всего, даже принесут пользу твоему врагу, то покинуть эту бойню сам Бог велел. Этим ты сам спасёшься, а врагу нанесёшь обидный урон. Это, как, к примеру – ворвался волк в стадо овец и порвёт всех, если его не остановить, хотя ему достаточно одной. Так что, если какая-то овца убежит в

соседнее стадо, которое охраняется более чутким пастухом, то пользу принесёт и себе и этому пастуху. Спасибо, святой отец- поблагодарил священника старик. Вы сняли с моей души тяжёлый камень. Я всегда старался жить по законам человеческим –«Не навреди!», так и буду продолжать. До свидания, святой отец! С этими словами, пришелец удалился.